

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Экономика. Управление. Право

2025

Том 25

Выпуск 4

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

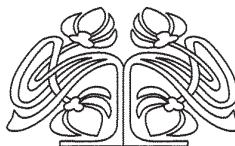
ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2025 Том 25

ISSN 1994-2540 (Print)

ISSN 2542-1956 (Online)

Издается с 2007 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

Черемисинов Г. А.

Эволюция парадигмы «Полет диких гусей»
в современной политической экономии Японии

346

Землянухина Н. С., Землянухина С. Г., Суворова В. В.

Отношения собственности в сфере самозанятости
населения России

363

Управление

Рындина А. О.

Влияние развития цифровых платформ
на эффективность налогового администрирования

375

Кадомцева М. Е., Хонин И. Л.

Конечные результаты как критерии эффективности
управления развитием агропродовольственного комплекса

387

Право

Романовская О. В., Романовский Г. Б.

Реформа высшего образования:
новые реалии в условиях цифровизации

398

Агамагомедова С. А. Таможенный контроль как цифровая экосистема

409

Угланова О. А.

Защита детей в чрезвычайных ситуациях

416

Ереско П. В.

Правовые проблемы обеспечения
информационной безопасности личности
в цифровом пространстве

424

Татарников Д. Г.

Русская академическая традиция в творчестве
С. В. Юшкова: преемственность и новаторство
в отечественной историко-правовой науке

437

Цыплакова А. Д., Эль-Сайед А. Х.

Цифровая трансформация в арабских странах
на примере государств-членов САГПЗ:
правовые основы и экономическое значение

451

Мустафаев М. Г.

О конституционно-правовой природе
Организации Тюркских Государств

459

Журнал «Известия Саратовского
университета. Новая серия. Серия
“Экономика. Управление. Право”»
зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и
массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-76645 от 26 августа 2019 г.
Учредитель: Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в
которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.1.1;
5.1.2; 5.1.3; 5.1.4; 5.2.1; 5.2.3; 5.2.4;
5.2.5; 5.2.6)

Подписной индекс издания 36012.
Подписку на печатные издания
можно оформить в интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru).
Журнал выходит 4 раза в год.
Цена свободная.
Электронная версия находится
в открытом доступе (eup.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Пермяков Алексей Сергеевич

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы
работы художника Соколова Дмитрия
Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 17.12.2025.

Подписано в свет 25.12.2025.

Выход в свет 25.12.2025.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 14,42 (15,5).

Тираж 100 экз. Заказ 116-Т

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2025

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организаций, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах на русском и английском языках, ORCID автора, название, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, references в одном документе; 2) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований; 3) договор на издание и предоставление права использования произведения. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора (лично в деканате экономического факультета или почтовым отправлением). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилемным файлом по адресу: <https://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Эмпирический анализ, Результаты, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статья подвергается анонимному рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на больший срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить допечатную правку текста статьи, не изменяющую ее основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Адрес редколлегии серии: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Саратовский университет, экономический факультет/ юридический факультет.

Ответственный секретарь разделов «Экономика», «Управление» – e-mail: sgu-eup@rambler.ru, тел.: (8452) 22-51-38; ответственный секретарь раздела «Право» – e-mail: kulikovasveta@inbox.ru, тел.: (8452) 22-51-17.

Сайт журнала: <https://eup.sgu.ru>

CONTENTS

Scientific Part

Economics

Cheremisinov G. A.

The evolution of the “Flying Wild Geese” paradigm in contemporary political economy of Japan 346

Zemlyanukhina N. S., Zemlyanukhina S. G., Suvorova V. V.

Property relations in the sphere of the Russian population's self-employment 363

Management

Ryndina A. O.

The impact of digital platform development on tax administration efficiency 375

Kadomtseva M. Ye., Khonin I. L.

Final results as criteria for the effectiveness of the agro-food complex development management 387

Law

Romanovskaya O. V., Romanovsky G. B.

Higher education reform: New realities in the context of digitalization 398

Agamagomedova S. A.

Customs control as a digital ecosystem 409

Uglanova O. A.

Protection of children in emergency situations 416

Eresko P. V.

Legal problems of ensuring personal information security in the digital space 424

Tatarnikov D. G.

The Russian academic tradition in the works by S. V. Yushkov: Heritage and innovation in the Russian historic and legal science 437

Tsyplakova A. D., El-Sayed A. Kh.

Digital transformation in the Arab countries (GCC Member States): Legal basis and economic significance 451

Mustafaev M. G.

On the constitutional and legal nature of the Organization of Turkic States 459

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО»**

Главный редактор

Огурцова Елена Вячеславовна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместители главного редактора

Фирсова Анна Александровна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Комкова Галина Nikolaevna, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственные секретари

Челнокова Ольга Юрьевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Куликова Светлана Anatolyevna, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аверьянова Наталья Nikolaevna, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ананьева Анна Anatolyevna, доктор юрид. наук, доцент (Москва, Россия)

Александер Anna, Ph.D. (Wyoming, USA)

Анисимов Алексей Павлович, доктор юрид. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Афанасьев Сергей Федорович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Владимир Алексеевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Бенойт Уильям, Ph.D. (Ogallala, USA)

Василевич Григорий Алексеевич, доктор юрид. наук, профессор (Минск, Беларусь)

Велиева Джамиля Сейфаддиновна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Гиверц Pavel, Ph.D. (Иерусалим, Израиль)

Горячева Татьяна Владимировна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Громов Владимир Геннадьевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ермасова Наталия Борисовна, Ph.D., доктор экон. наук, профессор (Иллинойс, США)

Землянухин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Козин Михаил Nikolaevich, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Кокин Андрей Васильевич, доктор юрид. наук, доцент (Москва, Россия)

Красильников Олег Юрьевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Липинский Дмитрий Anatolyevich, доктор юрид. наук, профессор (Тольятти, Россия)

Лхагвадори Ариуна, Ph.D. (Уланбатор, Монголия)

Манахова Ирина Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экон. наук, профессор (Пермь, Россия)

Митяева Наталья Вячеславовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Муравьев Николай Васильевич, Ph.D., MBA, кандидат экон. наук (Данди, Великобритания)

Орехова Елена Anatolyevna, доктор экон. наук, профессор (Волжский, Россия)

Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Романовский Георгий Борисович, доктор юрид. наук, профессор (Саранск, Россия)

Сидоров Сергей Петрович, доктор физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Соловьи Светлана Жорисовна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Стойлова Десислава, Ph.D. (Благоевград, Болгария)

Ткаченко Ирина Nikolaevna, доктор экон. наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Хрусталев Виталий Nikolaevich, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Чердаков Олег Иванович, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Эретин Сефика Шуле, Ph.D. (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW”**

Editor-in-Chief – Elena V. Ogurtsova (Saratov, Russia)

Deputy Editors-in-Chief – Anna A. Firsova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Executive Secretaries – Olga Yu. Chelnokova (Saratov, Russia)

Svetlana A. Kulikova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Natalja N. Averyanova (Saratov, Russia)

Anna A. Ananyeva (Moscow, Russia)

Anne Alexander (Wyoming, USA)

Alexey P. Anisimov (Moscow, Russia)

Sergey F. Afanasiiev (Saratov, Russia)

Vladimir A. Balash (Saratov, Russia)

William Benoit (Ohio, USA)

Grigory A. Vasilevich (Minsk, Belarus)

Jamila S. Veliyeva (Saratov, Russia)

Pavel Giverts (Jerusalem, Israel)

Tatiana V. Goryacheva (Saratov, Russia)

Vladimir G. Gromov (Saratov, Russia)

Natalia B. Ermasova (Illinois, USA)

Alexander I. Zemlyanukhin (Saratov, Russia)

Mikhail N. Kozin (Moscow, Russia)

Andrey V. Kokin (Moscow, Russia)

Oleg U. Krasilnikov (Saratov, Russia)

Dmitry A. Lipinsky (Tolyatti, Russia)

Ariunaa Lkhagyadorj (Ulaanbaatar, Mongolia)

Irina V. Manakhova (Moscow, Russia)

Janna A. Mingaleva (Perm, Russia)

Natalia V. Mityaeva (Saratov, Russia)

Nikolai V. Mouraviev (Dundee, United Kingdom)

Elena A. Orekhova (Volgskii, Russia)

Nazir T. Razgeldeev (Saratov, Russia)

Georgy B. Romanovsky (Saransk, Russia)

Sergey P. Sidorov (Saratov, Russia)

Svetlana Zh. Solovykh (Saratov, Russia)

Desislava Stoilova (Blagoevgrad, Bulgaria)

Irina N. Tkachenko (Ekaterinburg, Russia)

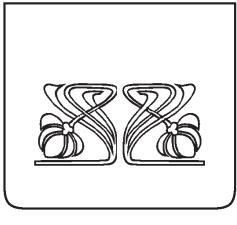
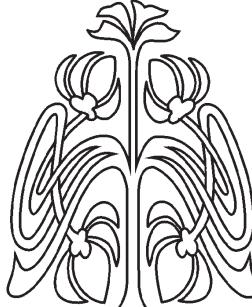
Vitali N. Khrustalou (Saratov, Russia)

Oleg I. Cherdakov (Moscow, Russia)

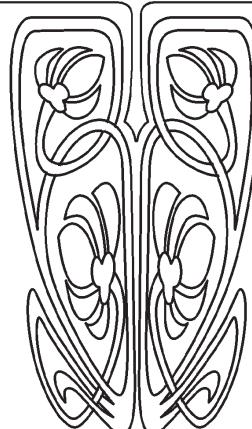
Georgy A. Cheremisinov (Saratov, Russia)

Ekaterina S. Shugrina (Moscow, Russia)

Şefika Ş. Erçetin (Ankara, Turkey)

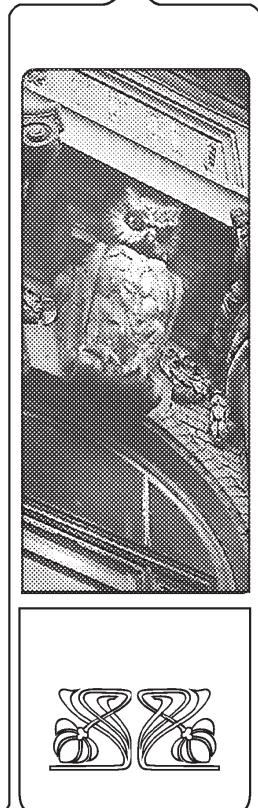
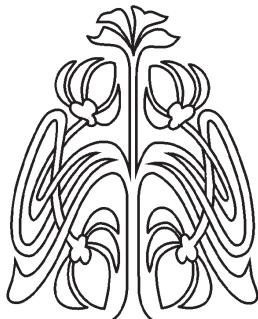

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

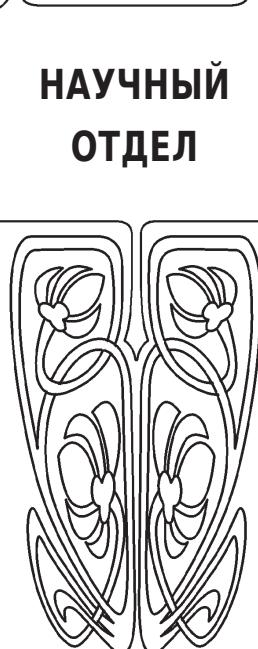

ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право.

2025. Т. 25, вып. 4. С. 346–362

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 346–362

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-346-362>

EDN: CMNIEU

Научная статья

УДК 330.8

Эволюция парадигмы «Полет диких гусей» в современной политической экономии Японии

Г. А. Черемисинов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, cheremisinov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>

Аннотация. Введение. Современная научная плеяда японских экономистов сохраняла преемственность теоретических взглядов и предопределила вектор «вестернизации» в эволюции концептуальной парадигмы «Полет диких гусей». *Научный обзор*. С 1960-х гг. Япония утверждалась в статусе промышленно развитой торговой державы. В 1980-х гг. парадигма «Полет диких гусей» стала моделью для Восточной Азии. Япония руководила региональными экономическими отношениями, осуществляла программу сотрудничества, будучи крупнейшим в мире распределителем помощи, резервировала средства для соседних стран. В роли «ведущего гуся» Восточной Азии японская экономика внедряла новые продукты и технологии, расширяла область регионального разделения труда, увеличивала импорт и экспорт. Научное творчество К. Кодзимы затронуло осмысление перемен в японской, восточноазиатской и мировой экономике последней трети XX в. Концептуальные схемы ученого объясняли взаимосвязь между увеличением прямых иностранных инвестиций японских корпораций, развитием международного разделения труда, торговли и интеграции, экономическим ростом азиатских стран в хронологическом и иерархическом порядке. С. Окита внес важнейший вклад в продвижение модели «Полет диких гусей» в мировом политико-экономическом дискурсе. Т. Озава доказал, что Япония добилась успеха, опираясь на использование своих традиционных нравственных и социальных ценностей в государственной экономической политике и организации предпринимательской деятельности. Проблемы международной политики экономического развития и торговли, роли государства в индустриализации, интеграции, развитии стран Восточной Азии в рамках парадигмы «Полет диких гусей» изучал С. Касахара. **Заключение.** Проведенное исследование показало историко-экономическую обусловленность эволюции парадигмы «Полет диких гусей» в современной политической экономии Японии.

Ключевые слова: политическая экономия Японии, парадигма «Полет диких гусей», К. Акамацу, К. Кодзима, С. Окита, Т. Озава, С. Касахара

Для цитирования: Черемисинов Г. А. Эволюция парадигмы «Полет диких гусей» в современной политической экономии Японии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 346–362. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-346-362>, EDN: CMNIEU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The evolution of the “Flying Wild Geese” paradigm in contemporary political economy of Japan

G. A. Cheremisinov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Georgy A. Cheremisinov, cheremisinov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>

Abstract. *Introduction.* The modern scientific galaxy of Japanese economists maintained the continuity of theoretical views and predetermined the vector of “Westernization” in the evolution of the “Flying Wild Geese” conceptual paradigm. *Scientific review.* Since the 1960s, Japan has established itself as an industrially developed trading power. In the 1980s, the “Flying Wild Geese” paradigm became a model for East Asia. Japan managed regional economic relations, implemented a cooperation program, being the world’s largest distributor of aid, and reserved funds for neighboring countries. In the role of the “leading goose” of East Asia, Japanese economy introduced new products and technologies, expanded the area of regional division of labor, and increased imports and exports. The scientific work of K. Kojima affected the understanding of changes in the Japanese, East Asian and world economies of the last third of the XX century. The scientist’s conceptual schemes explained the relationship between the increase in foreign direct investment by Japanese corporations, the development of international labor division, trade and integration, and the economic growth of Asian countries in chronological and hierarchical order. S. Okita made a major contribution to promoting the “Flying Wild Geese” model in the global political and economic discourse. T. Ozawa proved that Japan had achieved success by relying on the use of its traditional moral and social values in state economic policy and the organization of entrepreneurial activity. S. Kasahara studied the problems of international policy of economic development and trade, the role of the state in industrialization, integration, and development of East Asian countries within the framework of the “Flying Wild Geese” paradigm. *Conclusion.* The conducted research showed the historical and economic conditionality of the “Flying Wild Geese” paradigm evolution in the modern political economy of Japan.

Keywords: political economy of Japan, “Flying Wild Geese” paradigm, K. Akamatsu, K. Kojima, S. Okita, T. Ozawa, S. Kasahara

For citation: Cheremisinov G. A. The evolution of the “Flying Wild Geese” paradigm in contemporary political economy of Japan. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 346–362 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-346-362>, EDN: CMNIEU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Настоящая статья хронологически и содержательно продолжает исследование предыдущей публикации «Концептуальная основа современной политической экономии Японии: парадигма “Полет диких гусей”» [1].

Издание на английском языке и представление широкой общественности в начале 1960-х гг. статей Канаме Акамацу (1896–1974) с изложением теоретико-методологических аспектов парадигмы «Полет диких гусей» («*Flying Wild Geese*», парадигмы FG) [2, 3] вошло в череду событий, знаменовавших смену вех в истории экономики и экономической мысли Японии.

В современной науке наблюдалась преемственность взглядов ведущих японских экономистов, подкрепленная их тесным и плотновторным сотрудничеством, воплотившимся в совместных публикациях и во взаимных дружелюбных реферативных обзорах творческих достижений своих коллег. Специалисты изучали изменения экономической политики японского государства и бизнеса в зависимости от динамики хозяйственной конъюнктуры. Ученые разрабатывали теорию эффективной

экономической стратегии, предлагали меры по улучшению народнохозяйственной ситуации и реализации национальных интересов Страны восходящего солнца. Концептуальной основой политической экономии Японии была парадигма FG, а вектором ее эволюции стала «вестернизация» исходной теории К. Акамацу.

Научный обзор

Ускоренное развитие японской экономики с середины 1950-х гг. – «Японское чудо» – запустило регионально-глобальный процесс впечатляющего экономического роста стран Восточной Азии – «Восточноазиатское чудо».

Экономический рывок Японии, расположенной на ограниченном пространстве скудного ресурсами, плотно заселенного гористого архипелага, был «историей великих структурных преобразований», которые позволили стране менее чем через три десятилетия после Второй мировой войны догнать лидеров международного хозяйства. Японцы не только умело пользовались объективным стечением благоприятных обстоятельств, но и сами неустанно создавали их. Стремясь к реализации национальной цели сближения с развитым Западом, Япония в по-

словоенные годы сформировала уникальный набор институтов и начала проводить политику укрепления международной конкурентоспособности частного сектора в ряде высокопроизводительных отраслей [4, р. xiii].

Отправной точкой бурного подъема Японии стала Корейская война 1950–1953 гг., которая инициировала экономическую помощь США: инвестиции, освоение современных технологий и инноваций, открытие для японских товаров американского рынка. Япония – важнейший азиатский союзник Соединенных Штатов – оказалась бенефициаром массовых стимулирующих закупок в ходе Корейской войны на сумму 3,4 млрд долл., что составляло четверть всего американского товарного импорта и было сравнимо с размерами помощи по плану Маршалла европейским странам: ФРГ, Великобритании, Франции [5, р. 13]. Результат не заставил себя ждать; японская экономика в 1960-е гг. энергично набирала мощь.

Произошло качественное изменение внешнеэкономического – глобального и восточноазиатского регионального – положения Японии. Столетний, со времен эпохи Мэйдзи, историко-экономический опыт, послуживший фактологическим материалом для разработки К. Акамацу парадигмы «Полет диких гусей», демонстрировал подчиненное место Японии в периоды Pax Britannica и Pax Americana, на протяжении которых японская экономика успешно заимствовала достижения Великобритании и США. В терминологии парадигмы FG это означало, что Англия и Соединенные Штаты были промышленными лидерами, а Япония – догоняющим последователем индустриализации; такая диспозиция представляла расположение ведущего и ведомого «гуся» во «всемирной стае» стран различных уровней экономического развития.

С 1960-х гг. японцы постепенно утверждались в статусе технологического лидера и мощной промышленно-торговой державы, а в 1980-х современная парадигма FG рассматривалась уже как иерархически ориентированная на Японию восточноазиатская модель.

Япония добилась успеха, переместив производство и экспорт с текстильной промышленности, судостроения, металлургии и химии в 1950-х и 1960-х гг. на автомобили и электронную бытовую технику в 1970-х и 1980-х гг., затем в высокотехнологичные сектора, включая компьютерные и информационные технологии

в 1990-х и 2000-х гг. Со временем некоторые японские фирмы из «устаревших» отраслей перебрались за границу, а оставшиеся дома фирмы модернизировали производство. Проникновение в офшоры поощрялось дешевыми факторами производства, прежде всего низкооплачиваемой рабочей силой [6, р. 3].

Зарубежная экспансия Японии в «новые индустриальные страны (НИС) первого уровня» – Южную Корею, Тайвань, Сингапур и Гонконг – началась в 1960-е гг. и активизировалась в 1970-х гг. Дальнейший сдвиг в местоположении японского бизнеса в 1980-е гг. вовлек в его сферу НИС 2-го уровня – Малайзию, Таиланд и Индонезию. Зоной очередного перемещения экономической активности Японии в 1980-х и 1990-х гг. оказался Китай, присоединившийся к региональной иерархии и наладивший изначально экспорт природных ресурсов вместе с ресурсоемкой и трудоемкой продукцией, позднее освоив выпуск более сложных продуктов. Недавно зашла речь о распространении парадигмы FG на Вьетнам, Камбоджу, Лаос, Мьянму, Индию, Пакистан и т.д. [6, р. 3, 99].

Экономическая политика Японии не довольствовалась коммерческим подходом к повышению прибыльности хозяйствования посредством межотраслевой перестройки производства и стимулирования экспорта. Развитие японской экономики было разнонаправленным, многомерным, скоординированным, эффективным.

Успешное обновление экономик Восточной Азии во многом объяснялось контекстом «холодной войны»: дипломатической, финансовой и даже военной помощью США. Япония смогла воспользоваться преимуществами быстро растущей международной экономики и беспрепятственного доступа к рынкам Европы и Северной Америки, не открывая собственные рынки, сохраняя контроль над внутренней финансовой системой [5, р. 13].

Япония взяла на себя руководство региональными экономическими отношениями, осуществляя широкую программу сотрудничества, оказывая государственную поддержку и направляя частные инвестиции своим соседям. Японская официальная помощь началась в 1950-е гг. с военных reparаций, которые включали экспортные и связанные кредиты, сооружение предприятий и долгосрочные инвестиционные проекты; они открыли рынки для японских фирм, создали возможности

получения личной выгоды деловым и политическим лидерам. С конца 1960-х гг., после доминирования в восточноазиатском регионе прямых иностранных инвестиций (ПИИ) США, инициативой завладели японцы [5, р. 12,14].

Деятельность японских транснациональных корпораций развернулась по всему миру. В начале 1970-х гг. их иностранные инвестицииросли высокими темпами на фоне нехватки рабочей силы в стране, расширения потребности в заграничных промышленных ресурсах, укрепления курса иены, удорожания внутреннего производства и экспорта, увеличения рентабельности зарубежного производства [4, р. xiii].

Японская экономика претерпела ряд трансформаций от низкого к более высокому и масштабному уровню добавленной стоимости. Япония быстро догоняла развитые страны, но в ее экономике преобладала тяжелая и химическая промышленность, ухудшавшая экологию. Проблему решило создание ресурсосберегающих, менее вредных для окружающей среды, высокоприбыльных, научноемких отраслей, внедрение технологий сборки мирового класса, превративших массовое производство в «бережливую технологию», известную как производственная система «Тойота». Новый метод организации хозяйственной деятельности (гибкое или бережливое производство) ориентировался на исключение потерь в перемещении комплектующих и обработке материалов. Организационные и технологические инновации поддержали реструктуризацию японской экономики, конкурентоспособность экспорта и инвестиционную активность за рубежом [4, р. xiv].

Приоритетное углубление экономической интеграции Японии с восточноазиатскими странами сформировало эффективный географический кластер, консолидировало самый быстрорастущий регион планеты. Парадоксально, но успех экономического национализма, изначально направленного на обретение независимости от иностранных интересов, усилил зависимость от остального мира, вынудил Японию «играть в игры» регионализма и глобализации [4, р. xiv].

Наблюдались три волны вывоза японских ПИИ. Первая волна была вызвана повышением курса японской иены после распада Бреттон-Вудской системы в 1971 г., и она была сосредоточена на природных ресурсах в развивающихся странах. Большая часть второй волны, начиная с конца 1970-х гг., была связана с обрабатывающей промышленностью в

Северной Америке, а также с производством и освоением природных ресурсов в Азии, однако в Европе она отставала. Третья волна, самая драматичная по масштабам, поднялась в середине 1980-х гг.; ПИИ выросли примерно в пять с половиной раз в Северной Америке и Европе, в полтора раза в Азии [6, р. 117].

В 1980-х гг. надломилась восходящая фаза конъюнктуры большого цикла Кондратьева (К-цикла), на концепции которого строилась модель FG К. Акамацу. Поворот к худшему долгосрочной конъюнктуры в мировом хозяйстве означал снижение темпов экономического роста, оскудение производственных и финансовых ресурсов, ужесточение борьбы за их перераспределение. Обострились противоречия политico-экономических интересов в международной сфере и внутри государств. Усиление конкурентного давления США подвигло к сохранению и обустройству системообразующей позиции Японии в региональном восточноазиатском экономическом кластере.

На колебания макроэкономической конъюнктуры воздействовали «Соглашение Плаза» в 1985 г. и «Обратное соглашение Плаза» в 1995 г. Пять государств – Великобритания, Западная Германия, США, Франция и Япония – договорились проводить политику скоординированной стабилизации курсов валют и заключили соглашение, подписанное в отеле «Плаза» в Нью-Йорке 22 сентября 1985 г. «Соглашение Плаза» предполагало ослабление доллара на 20% против японской иены и на 15% против немецкой марки. Фактически же за два года курс доллара снизился на 46% относительно немецкой марки и на 50% относительно японской иены [7, с. 95, 96].

Повышение конкурентоспособности и прибыльности американских производителей за счет девальвации доллара и ревальвации иены и марки ухудшило состояние экономики Германии и Японии, замедлило расширение мирового спроса. Макроэкономическая конъюнктура исходящей фазы К-цикла допускала успешное развитие лишь отдельных регионов. Вплоть до 1996 г. Восточная Азия были единственным центром интенсивного накопления капитала. Застой экономик передовых стран поощрял отток инвестиций на развивающиеся рынки и периферию мирового хозяйства [7, с. 96].

Международные усилия по преодолению глубокого циклического спада первой половины 1990-х гг. помогли восстановлению

американской экономики, но снизили прибыльность ведущих мировых корпораций. К 1995 г. курс иены достиг исторического максимума в 79 единиц за доллар, что было в 4 раза выше, чем в 1971 г., и японский промышленный сектор начал «глохнуть» [7, с. 96, 97].

Заключение сделки США, Германии и Японии весной 1995 г., названной «Обратное соглашение Плаза», стабилизировало международную экономику и предотвратило паническую распродажу японцами долгосрочных облигаций Казначейства США. Державы согласились спасти Японию и Германию, опустили курс иены на 50% и марки на 20% относительно курса доллара, вернув мировое хозяйство к состоянию начала 1980-х гг. США, Германия и Япония «открыли шлюзы», и огромные потоки денег наводнили финансовые рынки [7, р. 97].

С скачком ПИИ с середины 1980-х гг. облегчил реструктуризацию японской индустрии, сократив промышленные сектора, потерявшие конкурентоспособность, высвободив ресурсы для выгодных и привлекательных отраслей. Политика Страны восходящего солнца диктовалась ростом производственно-финансового потенциала и ужесточением конкурентной борьбы западных государств. Императив региональной интеграции был навязан Японии усилившим протекционизмом в Соединенных Штатах и Западной Европе в 1970-х и 1980-х гг. Японцы были вынуждены сдерживать свою внешнеэкономическую экспансию «добровольными» ограничениями на экспорт стали, станков, телевизоров, автомобилей, полупроводников и замедлять ПИИ на этих рынках [5, р. 12].

Разница в затратах на рабочую силу между Японией и странами Восточноазиатского региона с середины 1980-х гг. увеличилась из-за быстрого повышения курса иены и побудила японские фирмы к массовому «выходу из дома». К концу 1989 г. Япония накопила 254,4 млрд долл. в виде оттока ПИИ. США получили наибольший объем японских инвестиций – 104,4 млрд долл., а Евросоюз в целом – 40 млрд долл. Однако львиная доля японских ПИИ досталась странам Восточной Азии. После 1990 г. сумма вывозимых Японией инвестиций снизилась, но их доля во вложениях зарубежного капитала в Восточноазиатском регионе возросла с 10% в 1991 г. до 50% в 1997 г. [5, р. 12, 13].

С середины 1980-х гг. США добивались от Японии изменения внутренней экономической стратегии и открытия национального рынка.

Американцы выступили инициаторами серии политических мер: переговоров по «ориентированным на рынок специфическим секторам» в 1985 г., усилий по «управляемой торговле, как второй лучшей альтернативы», вовлекшихся в двустороннем Соглашении о торговле полупроводниками (1986–1991 гг.), предложений по «устранению структурных препятствий» (1989–1990 гг.), рамочных переговоров по «двусторонней торговле» (1993–1995 гг.) [5, р. 14].

С окончанием «холодной войны» во второй половине 1980-х гг. потоки помощи Запада и Востока и денег на «покупку» политической стабильности оскудели. Но Япония осталась крупнейшим в мире распределителем помощи и продолжила хозяйственно-ресурсную подпитку соседних государств [5, р. 14].

Большая часть японской помощи выдавалась кредитами в иенах на сооружение плотин, мостов, линий электропередачи и телефонной связи, иных инфраструктурных проектов для успешной индустриализации, на строительство предприятий обрабатывающих отраслей. Она критиковалась другими богатыми странами-донорами за сосредоточение на проектах социально-экономического развития, а не на гуманитарных программах [5, р. 15].

В 1990-е гг. США и их западные союзники пропагандировали либеральные реформы и глобализацию однополярной международной экономики. Япония, защищая сообщество стран, оказывавших помощь, попыталась обратить вспять распространявшееся мнение о «дисконтировании» (ослаблении) роли государства, выделив деньги на исследование под эгидой Всемирного банка успешного опыта экономического развития Восточной Азии¹.

Уступка указаниям Запада дорого обошлась Восточноазиатскому региону, имиджу процветания которого нанес урон финансовый кризис 1997–1998 гг., возникший в результате отхода от стратегии государства развития и быстрой либерализации финансового сектора. С тех пор неолиберальные предписания воспринимаются как прямая угроза экономическим интересам стран [5, р. 15].

«Азиатские гуси уже не летали, а лежали на земле» после «токсичного» кризиса, подвергшего сомнению устойчивость парадигмы FG. На удивление, пострадавшие от валютных

¹ The East Asian miracle: Economic growth and public. A World Bank policy research report. New York : Oxford University Press, 1993. xvii + 389 p.

неурядиц экономики скоро восстановились и вернулись к быстрому росту; ибо кризис был не концом азиатского процветания, а повторением ситуации финансовой нестабильности, порождаемой бурным натиском хозяйственной конъюнктуры. Крах валютных рынков спровоцировало непомерное бесконтрольное движение спекулятивных «горячих денег» после «Обратного соглашения Плаза» в 1995 г. [8, с. 395].

ПИИ обеспечили экономический подъем Восточноазиатского региона, иллюстрируя парадигму FG, согласно которой страны постепенно продвигаются в технологическом развитии, следуя образцу государств, непосредственно опережающих их в процессе эволюции. Хитрость заключалась в том, чтобы принести многонациональные предприятия с современными технологиями в бедные страны, связав с двигателями роста передовых экономик. В роли «ведущего гуся» Восточной Азии японской экономике приходилось внедрять новые продукты и технологии, расширять область регионального разделения труда, увеличивать импорт из соседних стран быстрее, чем экспорт [8, р. 395, 396].

Проведенный экскурс вкратце очертил общий исторический фон взаимодействия экономики и государственной политики, на котором развертывалась эволюция парадигмы экономической мысли Японии.

Статус регионального лидера глобального масштаба предопределил экономические интересы Страны восходящего солнца. Отошла в прошлое догоняющая стратегия последователя индустриализации. Оригинальная модель FG К. Акамацу подверглась преобразованиям. Инициатором пересмотра содержательного наполнения парадигмы FG выступил Киёси Кодзима (1920–2010) – ученик К. Акамацу. К. Кодзима обучался в университетах Лидса и Принстона, окончил Токийский университет коммерции и экономики, получил степень доктора философии в университете Хитоцубаси в Японии, где трудился в 1945–1960 гг. ассистентом профессора кафедры международной экономики, профессором в 1960–1984 гг. и почётным профессором с 1984 г., в 1963 г. был директором Конференции ООН по торговле и развитию, в 1970 г. – советником Азиатского банка развития. К. Кодзима тесно сотрудничал с К. Акамацу уже во время Второй мировой войны; в 1943 г. вышла в свет их совместная публикация «Мировая экономика и технологии» [9, р. 217].

В 1960 г. – почти одновременно с изданием статей К. Акамацу, познакомивших читающую публику с парадигмой FG, – К. Кодзима представил на английском языке свои теоретические построения вариативной модели FG [8, р. 386]. Концептуальные схемы К. Кодзимы отражали перемены в японской, восточноазиатской и мировой экономике последней трети XX в. и объясняли объективно обусловленную взаимосвязь между потоками ПИИ японских корпораций, объемом торговли, углублением международного разделения труда и интеграции, экономическим ростом азиатских стран в хронологическом и иерархическом порядке.

К. Кодзима расширил рамки теории К. Акамацу. В последовательность оригинальной модели FG: импорт – отечественное производство – экспорт, была добавлена стадия перемещения производства за границу посредством «индуцированных» (рассчитанных на создание спроса) ПИИ, включая капиталовложения, лицензирование, субподряд, передачу знаний и технологий. Развертывание зарубежного производства предусматривало обратный импорт продукции в страну происхождения ПИИ. В расширенной модели FG прослеживался полный круг: импорт – отечественное производство – экспорт – внешние ПИИ – обратный импорт [10, р. 26].

Концепция парадигмы FG, разработанная К. Кодзимой, объединила три модели. Модель I «Диверсификация и рационализация отраслей» показывала взаимодействие двух циклов формирования структуры экономики. Внутриотраслевой цикл инициировался обновлением продукции и продвижением производства от простых к сложным и изысканным товарам. Межотраслевой цикл генерировался созданием новых отраслей и переходом от изготовления сырьевых и потребительских продуктов к выпуску капитальных и технологически совершенных товаров. Оба цикла повышали эффективность и конкурентоспособность отраслей, рационализируя производство. Внутриотраслевой цикл увеличивал добавленную стоимость и поддерживал рост отрасли. Межотраслевой цикл диверсифицировал производство, улучшал структуру отраслей и экспорта. Параллельное продвижение и взаимодействие циклов в формате модели FG стимулировало подъем национальной экономики [8, р. 379, 380].

Модель II «Ориентированные на торговлю прямые иностранные инвестиции» объясняла сравнительные преимущества внешнеэкономического сотрудничества государств. ПИИ в парадигме FG продвигали индустриализацию «от ведущего гуся к последующему гусю», расширяли базис торговли, ускоряли экономический рост, благоприятствовали региональной хозяйственной интеграции, реализовывали «эффекты просачивания» достижений передовых стран. Зарубежные филиалы корпораций создавали новые отрасли и сферы занятости, способствовали становлению современного местного предпринимательства, обретению управляемых и технических навыков, повышали моральный дух и качество профессиональной подготовки рабочей силы [8, р. 382, 383].

Излагая понимание эволюции парадигмы FG, К. Кодзима сопоставлял свои научные взгляды с теорией «продуктового цикла» американского ученого Раймонда Вернона. Сравнение выяснило противоположность экономических интересов стран и корпораций, различие подходов к их согласованию в рассматриваемых концептуальных моделях.

По мнению японского теоретика, внутриотраслевую модель FG можно назвать «догоняющим продуктовым циклом» в развивающейся экономике, которая заимствует технологии и капиталовложения, увеличивает эффект масштаба производства, проходит «обучение действием», повышает международную конкурентоспособность и старается настичь продвинутый мир. Совершенствуя отечественное производство, фирмы выбирают между диверсификацией деятельности внутри страны и наращиванием ориентированных на торговлю ПИИ за рубежом [8, р. 383].

Р. Вернон выстроил модель цикла продукта, созданного в передовой экономике США, без объяснения процесса инноваций. Рост выпуска нового изделия побуждал американские фирмы осуществлять ПИИ, ограничивающие импорт, преодолевать тарифы и иные торговые барьеры, монополизировать или контролировать зарубежные рынки, предотвращая выход на них чужих транснациональных компаний. Подобные вложения капитала К. Кодзима назвал «направленными против торговли ПИИ». Их приток может сокращать внутренний выпуск и экспорт нового продукта, приводить к разрушению промышленности страны, принимающей капитал [8, р. 383, 384].

К. Кодзима попытался «навести мосты» между экономической мыслью Японии и Запада, доказать совместимость парадигмы FG с концепцией продуктового цикла, предположив, что модель Р. Вернона допускает различные типы ПИИ. Новый продукт на стадии зрелости становится стандартным, технологически стабильным производством, и доминирование на ранней стадии научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности, управляемых навыков уступает место преимуществам неквалифицированного и дешевого труда. Перенос производства зрелого продукта в развивающиеся страны с низкой заработной платой, по мнению японского экономиста, могут обеспечивать ориентированные на торговлю ПИИ [8, р. 384].

Обращение К. Кодзими к экономической мысли Запада воспринималось как смена интерпретации парадигмы FG. Кристиан Шроппель и Марико Накадзима подчеркнули отличие оригинальной модели FG от теорий западного происхождения, обусловленное пониманием факторов и связей экономического развития, влияния спроса и предложения, а такжеialectическим мышлением К. Акамацу. Реформирование парадигмы FG и желание К. Кодзими соединить подход К. Акамацу с неоклассическим мышлением привело к «вестернизации» японских идей экономического развития. Адаптация парадигмы FG в соответствии с перспективой статуса Японии, от последователя до лидера, сопровождалась утверждением модели догоняющего роста в восточноазиатском политическом дискурсе [9, р. 203, 217].

Модель III «Согласованная специализация» презентовала видение механизмов гармоничного, взаимовыгодного разрешения противоречий интересов восточноазиатских стран в процессе региональной экономической интеграции. Распространение индустриализации в соответствии с моделью FG формирует схожие структуры промышленности и экспорта в каждой стране. Поэтому продвижение внутриотраслевой торговли предотвращает коммерческие конфликты и содействует региональной интеграции. Импорт стимулируется инвестициями из оффшорных источников и облегчается, если ПИИ ориентированы на расширение торговли и взаимовыгодное получение прибыли [8, р. 386, 387].

Согласованная специализация, по разумению К. Кодзими, возможна внутри региональ-

ной группы, ибо интеграция обеспечивает взаимную либерализацию торговли и инвестиций. С середины 1970-х гг. некоторые страны Восточной Азии обратились к открытой экономической политике, частичной либерализации импорта, поощрению эффектов просачивания от ПИИ, полагая, что чем больше открыта экономика, тем быстрее ее рост [8, р. 387, 393].

Теоретическое моделирование К. Кодзимы стало значимым этапом эволюции парадигмы FG, специфику которого определило выстраивание японоцентрической восточноазиатской интеграции. Исходные позиции обусловливались конкуренцией и экономическими интересами Японии, осваивавшейся с ролью регионального лидера, чаявшего свободы действий в сферах торговли, инвестиций, кредитования, отраслевой структурной политики, стратегии роста, внешнеэкономических связей. Впрочем, реализация объективной потребности в либерализации дополнялась учетом политico-экономических интересов других стран, поиском вариантов взаимовыгодного международного сотрудничества, сохранением конкурентных преимуществ Японии, поддерживаемых государственной властью.

Концептуальные построения ученика К. Акамацу заложили предпосылки разнобразных компромиссов и осмысления альтернативных взглядов. Разговор шел о сочетании японских идей и интересов с выгодами стран-партнеров, государственной политики и межгосударственной организации с либерально-рыночными механизмами регулирования. Избирательное восприятие фрагментов неоклассической теории упрощало переходы между микроэкономическими и макроэкономическими аспектами научного исследования. Успешная восточноазиатская экономическая интеграция свидетельствовала о теоретической обоснованности, гибкости, содержательности и практичности парадигмы FG.

ПИИ ускорили рост международной торговли, подтолкнули азиатские страны к подготовке институциональных механизмов и политической координации регионального объединения. К. Кодзима одним из первых разглядел возникшую потребность и выступил за создание открытой зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе [10, р. 29]. Многолетняя информационно-пропагандистская и организаторская работа К. Кодзимы охватила три этапа. В 1968 г. для реализации

внесенного им предложения о сообществе была организована Тихоокеанская конференция по торговле и развитию. Итогом семинара в сентябре 1980 г. в Канберре стало образование Совета Тихоокеанского экономического сотрудничества. Конференция министров в ноябре 1989 г. в Канберре завершилась созданием форума (площадки) Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, объединившего 21 государство [8, р. 396].

В 1990-х гг. модель FG утвердилась среди японских экономистов, интеллектуалов и бизнес-элит в образе непререкаемой «ортодоксии развития», идеологически оправдывающей деятельность Японии в статусе гегемона Восточной Азии. Неоценимый вклад в продвижение парадигмы FG в политическом дискурсе внес Сабуро Окита (1914–1993) – самый влиятельный из послевоенных экономистов-чиновников. С. Окита в 1934 г. окончил Токийский императорский университет, в 1962 г. получил докторскую степень в Университете Нагоя, с 1945 г. занимал руководящие должности в японских экономических ведомствах. В 1945–1947 гг. он работал в исследовательском бюро Министерства иностранных дел, в 1952–1953 гг. был секретарем отдела экономического анализа Экономической и социальной комиссии по проблемам Азии и Тихого океана, в 1953–1964 гг. в Агентстве экономического планирования был главным разработчиком плана удвоения национального дохода японской экономики, став «отцом» японского экономического «чуда»; основные контрольные цифры плана, рассчитанного на 10 лет с 1961 по 1970 г., были перевыполнены. В 1964 г. С. Окита покинул службу в правительстве и руководил Японским центром экономических исследований до 1979 г., в 1979–1980 гг. был министром иностранных дел Японии, в 1982 г. избран президентом Международного университета Японии, в 1986–1988 гг. был международным председателем Совета Тихоокеанского экономического сотрудничества, в 1989 г. стал председателем правления Института внутренних и международных политических исследований в Токио. Не будучи учеником К. Акамацу и не имея отношения к университету Хитоцубаси, С. Окита ввел парадигму FG в концепцию международной экономики [9, р. 223, 224].

«Либеральные интернационалисты» С. Окита и К. Кодзима организовали конференцию Тихоокеанской свободной торговли и развития, которая прошла в 1968 г. в Японском

центре экономических исследований. С. Окита возглавлял научную группу подготовки первой Тихоокеанской конференции по экономическому сотрудничеству, состоявшуюся в Канберре в 1980 г. [9, р. 224].

Выступая на четвертой конференции Совета Тихоокеанского экономического сотрудничества, проходившей в Сеуле 29 апреля – 1 мая 1985 г., С. Окита представил модель развития FG широкой аудитории из Азии, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии и Латинской Америки. Бывший министр иностранных дел Японии изложил научное видение причин стремительного и сравнительно гармоничного, взаимосвязанного роста экономик восточноазиатских стран. Обсуждение проблемы сосредоточилось вокруг формирования разделения труда в Тихоокеанском регионе в режиме модели FG.

С. Окита говорил, что традиционно существовали две модели международного разделения труда: вертикальное разделение труда, преобладавшее в XIX в. в отношениях между промышленно развитой страной и страной, поставлявшей ресурсы, или между сузереном и колонией, и горизонтальное разделение труда, сложившееся в ЕЭС, с торговлей промышленными товарами между странами, находящимися на одной стадии эволюции и имеющими общую культуру. Модель FG отличается иным динанизмом. В Тихоокеанском регионе издавна ведущей силой были Соединенные Штаты Америки. С конца XIX в. догоняющее развитие в производстве потребительских продуктов и капитальных товаров начала Япония, по стопам которой пошли другие азиатские страны [8, р. 385].

Между азиатскими государствами существует большое разнообразие в стадиях развития, природных ресурсов, культурного, религиозного и исторического наследия, поэтому экономическая интеграция по модели ЕЭС невозможна. Однако указанные различия благоприятствуют модели совместного развития FG, поскольку каждое государство в состоянии воспользоваться преимуществами самобытности для продвижения и углубления разделения труда. Благодаря статусу С. Окита парадигма FG обрела известность и популярность не только в академических кругах, но и в политическом, деловом и даже журналистском мире, была высоко оценена как двигатель подъема «в стае» восточноазиатских экономик. Модель FG

превратилась в символ регионального пути развития, который творил «чудо Восточной Азии» [8, р. 385, 388].

Время знаменитого выступления С. Окиты не было случайным. В мировом хозяйстве обострялись противоречия интересов, нагнеталась конфликтность в конкурентном противостоянии стран. Хронология подтверждает закономерное совпадение событий. На заседании ОЭСР в апреле 1985 г. США заявили о желательности встречи крупнейших промышленно развитых стран по вопросу международной валютной реформы. 22 сентября 1985 г. министры финансов и управляющие центральными банками США, Франции, Германии, Японии и Великобритании встретились в отеле «Плаза» в Нью-Йорке и заключили упоминавшееся выше соглашение. Претворение в жизнь договоренности резко укрепило валютный курс иены и заставило правящую власть Страны восходящего солнца корректировать экономическую стратегию.

Лидерство в предоставлении помощи утвердило Японию на позиции азиатского гегемона-инвестора. Рациональное и эффективное вложение капитала обеспечивало освоение экономического пространства, создание преимуществ в конкурентной борьбе с Западом. Подход японцев выглядел привлекательнее, чем примитивная западная эксплуатация зарубежных ресурсов в условиях нарастающей внешней задолженности слабых стран.

Профит внешнеторгового баланса рождал избыток сбережений, который приносил выгоды от увеличения потока ПИИ Японии в развивающиеся страны. Использование опыта модели FG в Восточноазиатском регионе способствовало наращиванию экономической помощи странам третьего мира.

Иерархия интересов складывалась в зависимости от иерархии модели разделения труда, которая могла быть взаимовыгодной. Парадигма FG допускала взаимоприемлемое согласование интересов всех «гусей стаи» национальных экономик. Японцы умело отстаивали свои преференции, предлагая компромиссы зарубежным партнерам. Финансовая помощь была вспомогательным средством. Главным источником экономического роста служили японские ПИИ в реальную экономику и торговлю развивающихся стран.

Размеры вынужденных сбережений из-за вздорожания иены выталкивали экономику Японии за пределы Восточной Азии. Поэтому

С. Окита избрал широкий ракурс постановки и решения злободневных проблем – отношения Север – Юг (развитые и развивающиеся страны) в публикации «Открывающиеся перспективы развития мировой экономики» на площадке ЮНКТАД в 1987 г.

Японский исследователь оценивал перспективы мировой экономики исходя из тенденций усиления конкурентной борьбы и возможностей компромиссного разрешения противоречий национальных политико-экономических интересов. Рассуждения экономиста-практика опирались на позитивный опыт взаимовыгодной интеграции государств Восточной Азии под предводительством Японии, а также затрагивали проблемы конфликтных взаимоотношений США с союзниками.

По мнению С. Окиты, главные цели диалога Север – Юг – содействие подъему развивающихся стран и постепенная их интеграция в международную экономику, в том числе путем устранения дисбаланса торговли США с Японией и ФРГ. Рециркуляция части положительного сальдо в развивающиеся страны позволила бы им увеличить объем импорта из США, сократить дефицит торгового баланса американцев. Экономист-управленец анонсировал японскую версию «Плана Маршалла» – помочь странам третьего мира, которая в 1986 г. составила 20 млрд долл. [11, р. 7–9].

Эволюция парадигмы FG воплотилась в противостоянии Японии с США и подконтрольными американцам институтами – Международным валютным фондом (МВФ) и Всемирным банком, а также в противоборстве концептуальных основ японской экономической мысли с западной стандартной неоклассической экономической теорией.

Объективные предпосылки конфронтации сформулировал К. Кодзима: «Вызванный ПИИ рост азиатских гусей, которым руководила японская экономика, привел к “торговле в треугольнике”, в которой капитальные товары, компоненты и другие материалы приобретались в Японии (и все чаще в Тайване и Корее), обрабатывались в НИС, АСЕАН, Китае и экспорттировались на рынки третьих стран, больше в США, чем в Японию. Эта торговля в треугольнике создавала серьезный дефицит торгового баланса азиатских стран с Японией и растущий дефицит США с азиатской группой и Японией. Такое развитие неизбежно порождало торговые конфликты с США» [8, р. 393].

Публичная полемика Японии и Всемирного банка дала повод для рассуждений об истоках и познавательном потенциале концепций экономического развития. К. Шроппель и М. Накадзима констатировали, что позиция японцев в спорах со Всемирным банком в 1990-х гг. показала влияние в их академических и правительственный кругах основных элементов мышления К. Акамацу, несмотря на вестернизацию модели FG [9, р. 203].

Японские ученые-экономисты и государственные чиновники, занимавшиеся помощью в целях развития, критически относились к неоклассическому подходу, продвигавшему политику одностороннего глобального доминирования экономических интересов США. Разногласия привели к дебатам между правительством Японии и международными финансовыми учреждениями. В 1991 г. Всемирный банк пожаловался на рыночные искажения, вызванные японскими кредитами. Со своей стороны японский Фонд внешнеэкономического сотрудничества указал на отсутствие финансовых рынков, неэффективность или негативные последствия функционирования рыночного механизма во многих секторах экономики, необходимость укрепления институтов развивающихся стран и разработки соответствующей политики. После публикации Всемирным банком исследования «Восточноазиатское чудо» в 1993 г. Япония и международный финансовый институт достигли некоторого компромисса в повседневной политике, но академическая полемика и фоновые дискуссии между чиновниками по фундаментальным проблемам продолжились [9, р. 226].

В 1997 г. Я마다 Кацухиса, президент Института развивающихся экономик, критиковал исследование Всемирного банка «Восточноазиатское чудо», основанное на неоклассической теории, считающей рыночную экономику всемогущей и занимающей позицию механически рациональной парадигмы науки, созданной Рене Декартом в XVII в. Неисторическая и неэволюционная неоклассическая парадигма чрезмерно упрощает ситуацию, а доминирующая в Японии школа мысли изучает экономические системы с исторической, эволюционной точки зрения. Дебаты по поводу производственных факторов или ресурсов и роли экономической политики касались отличий оригинальной концепции К. Акамацу от неоклассической экономической теории и поздних интерпретаций модели экономического развития FG [9, р. 227].

К. Шроппель и М. Накадзима пришли к выводу о противоположности мышления японских и западных ученых. Парадигма FG К. Акамацу выяснила различия предпосылок японских и западных теорий экономического развития. Споры не ограничились академической сферой, а сопровождались интенсивным обсуждением на самых высоких уровнях учреждений Японии по оказанию помощи и Всемирного банка, что подчеркивало значимость разногласий обеих сторон дискуссии [9, р. 228].

Подход К. Акамацу с позиции развивающейся страны отличался от неоклассической парадигмы, которая воцарилась в глобальных финансовых институтах – МВФ и Всемирном банке. Государственная политика поддержки промышленности не воспринималась новым институционализмом, утвердившимся во Всемирном банке в 1990-х гг. Благоприятный взгляд К. Акамацу на торговлю между развитыми и развивающимися странами шел вразрез с большинством теорий школы зависимости [9, р. 228].

Предпосылки оригинальной модели FG не вписывались в категории современных западных концепций и игнорировались или рассматривались как описательный отчет о быстрорастущих восточноазиатских экономиках. Вестернизация популяризовала на международном уровне парадигму FG в терминах К. Акамацу, которые использовались в дебатах, но с риском утраты содержательности теоретического анализа [9, р. 228].

О недобросовестности публичного ведения полемики международными финансовыми институтами поведал американский ученый Джозеф Стиглиц, занимавший в 1997–2000 гг. должность вице-президента и главного экономиста Всемирного банка. Развернутые цитаты лауреата Нобелевской премии по экономике говорят сами за себя: «Когда кризис (1997 г.) разразился, я был поражен, сколь жестко критиковали МВФ и министерство финансов США азиатские страны. Согласно МВФ, азиатские национальные институты насквозь прогнили, их правительства полностью коррумпированы и все они нуждаются в реформировании» [12, с. 116].

Дж. Стиглиц недоумевал: «Меня поразило, как институты этих стран могли оказаться столь прогнившими, если они на протяжении длительного времени так хорошо функционировали. Разница в оценке региона между тем,

что было известно мне, и обвинениями МВФ и министерства финансов США казалась малопонятной до тех пор, пока я не вспомнил бурную полемику вокруг самого “восточноазиатского чуда”. МВФ и Всемирный банк почти сознательно избегали изучения региона, хотя можно предположить, что ввиду его успехов они естественным образом стали бы обращаться к его опыту для использования в других местах. Только под давлением Японии, предложившей оплатить расходы, Всемирный банк занялся исследованием экономического роста в Восточной Азии (окончательный доклад опубликован под названием “Восточноазиатское чудо”). Причина была очевидной, эти страны добились успехов не только вопреки тому, что не последовали в большей части диктату Вашингтонского консенсуса, но именно потому они ему не последовали. Хотя эти выводы экспертов в окончательном, официальном опубликованном докладе были приглушенны, в проведенном Всемирным банком исследовании “восточноазиатского чуда” была выявлена важная роль, которую сыграло государство. Это радикально отличалось от столь излюбленного тезиса Вашингтонского консенсуса о минимизации роли государства. <...> Ни одна другая группа стран в мире не добилась такой нормы сбережений и такого удачного размещения инвестиций. Именно государственная политика обеспечила странам Восточной Азии одновременное достижение обеих целей. Получилось любопытное логическое противоречие: они (критики) отказывались признать заслуги правительства региона в успехах предшествующей четверти века, но спешили возложить на них ответственность за неудачи» [12, с. 117–118].

Эстафету «вестернизации» парадигмы FG принял Терутомо Озава – ученик и соавтор К. Кодзими. Т. Озава родился в 1935 г. в Японии, после окончания бакалавриата гуманитарных наук Токийского университета иностранных языков в 1958 г. прибыл в США в 1959 г., где в 1962 г. окончил магистратуру делового администрирования Колумбийского университета, в 1966 г. стал доктором философии, в 1973 г. получил американское гражданство, работал ассистентом профессора в 1966–1974 гг., профессором экономики в Университете штата Колорадо с 1974 г., был приглашенным исследователем в университетах США и Великобритании в 1975–1983 гг., был консультантом Всемирного банка, Эко-

номической и социальной комиссии Азии и Тихого океана и Конференции по торговле и развитию ООН.

Научное творчество Т. Озавы парадоксально. Ученый ощущает себя приверженцем западного мировоззрения, приобщившись к ценностям американского гражданства в повседневной жизни и исповедуя парадигму стандартной неоклассической экономической теории на профессиональной стезе. С позиций фундаментально-рыночного мейнстрима Т. Озawa рассматривал парадигму FG, критически изучал опыт модернизации и проблемы японской экономики, возникшие в середине 1980-х гг. из-за перехода в понижательную fazu K-цикла и усиления тенденции глобализации и доминирования США в мировом хозяйстве.

Ученый признал, что Страна восходящего солнца добилась успеха, отказавшись от космополитических рецептов глобального либерализма Вашингтонского консенсуса, опираясь на свои традиционные нравственные и социальные ценности и их умелое использование в государственной экономической политике и организации предпринимательской деятельности. Противоречивость авторской позиции показал анализ динамики отраслевой структуры и социально-экономической модели Японии в публикации «“Скрытая” сторона модели догоняющего роста “Полет гусей”: дирижистская институциональная структура Японии и углубляющееся финансовое болото» [13].

Преобразования отраслевой структуры Т. Озава исследовал, уточняя дефиниции. В соответствии с парадигмой FG Япония успешно развивала сравнительные преимущества и поднималась по лестнице индустриальной модернизации. Но возник структурный отраслевой дуализм: высокоеффективный многонациональный сектор и «неэффективный», изолированный, не зависящий от импорта и притока иностранных инвестиций внутренний сектор. Первый был назван OF сектором (outer-focused – внешне сфокусированным), а второй – ID сектором (inner dependent – внутренне зависимым). Сектор OF представляли автомобилестроение и электроника. Сектор ID включал защищенные первичные отрасли (сельское хозяйство, рыболовство), сферу услуг (транспорт, торговлю, строительство, финансы, страхование, сервис, телекоммуникации), обрабатывающую промышленность, ориентированную на внутренний рынок [13, р. 12, 13].

Дирижизм – государственное управление экономикой – стал национальной бюрократической традицией после восстановления Мэйдзи в 1868 г. Правительственные министерства и ведомства Японии были созданы для руководства вынужденной ускоренной модернизацией страны и предотвращения начавшейся колонизации западными империалистами [13, р. 13].

Япония пережила четыре последовательных трансформации: 1) расширение трудоемкого производства в легкой промышленности (с 1950-х до середины 1960-х гг.); 2) модернизацию тяжелой и химической промышленности (конец 1950-х – начало 1970-х гг.); 3) развертывание массового сборочного производства потребительских товаров длительного пользования – автомобилей и первого поколения бытовой электроники (с конца 1960-х гг.); 4) организацию прорывных разработок НИОКР и основанного на мехатронике автоматизированного гибкого (или бережливого) производства высокодифференцированных товаров широкого ассортимента – телевизоров высокой четкости, электроники последнего поколения, новых материалов, тонкодисперсных химиков, микрочипов (с начала 1980 -х гг.).

Обновление обеспечивали силы поддержки: 1) самоорганизующийся, рациональный механизм рынка; 2) инновационная стратегия предприятий; 3) влияние культуры и традиций; 4) политика правительства. Предложенная Т. Озавой модель ведущего сектора экономики в духе теории инноваций Й. Шумпетера резко контрастировала с неоклассическим пониманием роста как постепенного накопления капитала [13, р. 4].

Возникновение движимой интернетом «Новой экономики» поставило перед Японией проблему отраслевой модернизации посредством информационных технологий и интеллектуального капитала, создания «абстрактных или концептуальных товаров», в отличие от предыдущих стадий догоняющего роста, где ощущимые факторы производства использовались для изготовления материальных благ. По мнению Т. Озавы, Япония – отличный подражатель с эффективной стратегией FG, и эпоха интернета предоставила еще одну возможность «поиграть» в догоняющее развитие [13, р. 20, 21, 22].

Вначале экономист «воспевал оду» интернет-индустрии. Новая экономика была творением американского духа свободы, рыночного механизма, совместным результатом дерегу-

лирования, либерализации торговли, гибкого рынка труда и технологических изменений. США настроили рынки капитала на безудержную эмиссию ценных бумаг, стимулировали слияния и поглощения компаний, создали финансовые предпосылки беспрецедентного экономического бума; а Япония в то время прозябала в «потерянном десятилетии» без экономического роста [13, р. 21, 22].

Далее специалист непредвзято описывал инвестиционный цикл интернет-компаний («доткомов») 1990-х гг. Основанная на интернете модель предпринимательства соответствовала социально-политическим условиям США, экономика которых в начале 2000-х гг. переживала спад после добродетельного круга: «инновации → рост производства → подъем фондового рынка → расширение потребления и инвестиций → рост производства». Эта модель обусловила нехватку квалифицированных кадров и зависимость от иммигрантов, растущий дефицит торгового баланса, долговой навес и увеличение разрыва в доходах. «Схлопывание» высокотехнологичного «пузыря» превратило добродетельный круг в порочный круг [13, р. 22].

В завершение ученый трезво оценивал итоги инвестиционного бума. Необузданная конкуренция при проведении торгов за лицензии на беспроводную связь и последующая мания расширения инвестиций в США и Европе привели к «похмелю» накопленных долгов из-за финансирования через «мусорные» облигации и высоко взлетевшие фондовые рынки, к ослаблению телекоммуникационной отрасли и финансовому кризису [13, р. 22].

Поразмыслив над случившимся, Т. Озава понял, почему японцы не решаются взять на вооружение принцип беспрепятственной конкуренции и социальные ценности, заложенные в капитализм американского образца [13, р. 23].

Протекционизм и регламентация традиционно применялись в японской экономике. Сектор OF возник в Японии под покровительством индустрии в стиле FG. Следуя девизу «первая машина импортируется, вторая машина локально производится по лицензиям» с ориентацией на экспорт, промышленность улучшала цены и качество, стремительно расширяя экономику [13, р. 13, 14].

Сравнительные преимущества сектора OF способствовали росту положительного сальдо торгового баланса, повышению курса иены и

усиливали конкурентное давление на сектор ID, охранявшийся торговыми барьерами от импортных товаров. Сектор ID был политической базой правящей партии Японии, и его можно называть сектором «казенного пирога» («кормушки»). Т. Озава возмущался тем, что японское правительство не позволяло конкурентным силам рационализировать сектор ID, регулировало защиту избранных отраслей, усугубляя межотраслевой разрыв. Сектор OF оказался втянутым в «беговую дорожку» порочного круга борьбы за повышение производительности, экспортной конкурентоспособности, роста торгового профицита и курса иены, потребности в снижении затрат – ибо сектор ID слабо поглощал импорт, укрепляя валюту [13, р. 14].

Обновление продукции и технологий сектора OF сопровождалось наращиванием экспорта обрабатывающей промышленности и внешнеторговыми конфликтами. Японские фирмы впервые разместили сборочные операции в филиалах в Северной Америке и Европе, расширили вывоз деталей и компонентов, увеличивая профицит торгового баланса Японии [13, р. 15].

Сверхдорогая иена подрывала конкурентоспособность предприятий, побуждая их переносить чувствительные к цене сегменты производства с недорогой продукцией, стандартными деталями и комплектующими в страны с низкими издержками посредством ПИИ, изготовления оригинального оборудования, субподряда. Японские фирмы стали ввозить продукцию своих зарубежных предприятий, усиливая зависимость экспортно-конкурентных отраслей от импорта. После «соглашения Плаза» аномально высокий валютный курс иены искал цены и заставил японские компании рьяно перемещать производство за границу, спровоцировал резкий рост ПИИ Японии в 1985–1996 гг. в виде двух всплесков – в 1986–1991 гг. и 1994–1996 гг. [13, р. 16].

Т. Озава удивлялся, что макроэкономическая динамика Японии опровергла положения и рекомендации стандартной неоклассической теории. Укрепление иены должно было сделать импорт дешевле для японских потребителей, а экспорт дороже для иностранных покупателей, пропорционально сокращая разницу цен. Но произошло иначе. Опасаясь «опустошения» отечественной индустрии и роста безработицы из-за чрезмерных ПИИ, корпорации Японии минимально сокращали внутренний выпуск

продукции и увеличивали производство за рубежом, накапливая избыточные производственные мощности [13, р. 17].

Ученый критиковал неомеркантилистскую политику защиты и продвижения национального производства, которая толкала вверх курс иены и заработную плату, усиливала дефекты двойной структуры OF-ID, ввергая экономику Японии в упадок и вынуждая демонтировать и реформировать режим догоняющего развития парадигмы FG [13, р. 17].

Однако чаяемая либерализация экономики Японии противоречила традиционным национальным нравственно-хозяйственным ценностям и сложившейся эффективной системе производственных отношений. Поэтому Т. Озава честно признал бесперспективность и социальную неприемлемость нерегулируемой конкуренции и отказа от трудовой этики японцев.

Из послевоенного хаоса возник уникальный японский стиль управления и гармоничных трудовых отношений с приоритетом людских ресурсов, названный «человечный капитализм» или «человечная система предприятия». Антропоцентризм (человек в центре мироздания) лежит в основе японской модели экономики. «Японский бренд капитализма» определяют «пожизненная занятость», «система выслуги лет» и «профсоюзы компаний» [13, р. 18].

Наемному работнику гарантируется занятость, пока существует компания. Ожидается, что «постоянный» сотрудник посвятит себя целям и благополучию фирмы и со временем будет продвигаться по службе в соответствии с определенной шкалой заработной платы и компенсаций по выслуге лет. Из прибыли всем сотрудникам два раза в год выплачиваются премии. Разрыв в оплате труда между руководителями и рядовыми работниками поддерживается на низком уровне; идеология «мы все в одной лодке» стимулирует сотрудничество и преданность [13, р. 18].

Япония – эгалитарное общество, и близнесмены испытывают чувство лояльности и ответственности к своей группе и подчиненным. Японские компании организованы с несколькими долями участия и управляются как единое целое, представляющее интересы своих сотрудников (в занятости и доходах), кредиторов (в кредитных обязательствах), поставщиков (в устойчивых и надежных заказах на узлы, детали, комплектующие), акционеров (в долго-

срочном корпоративном росте). Эта особенность получила название «модель заинтересованных сторон» и была определена Всемирным банком как «совместный рост» в исследовании «Восточноазиатское чудо» (1993) [13, р. 18, 19].

Японская система основана на трех предпосылках человечной экономической философии: 1) человеческие ресурсы – важнейший фактор производства, определяющий рыночную стоимость товаров; 2) люди способны думать, анализировать, изобретать, внедрять новейшие технологии и обрабатывать информацию, создавая богатство; 3) производительность людей может расти или падать в зависимости от мотивации или деморализации рабочей среды [13, р. 19].

Т. Озава убежден, что без ориентации на человека не возникла бы всемирно известная парадигма японской системы гибкого или бережливого сборочного производства в компании «Тойота» – «тойотаизм». Революционной оказалась активизация интеллектуальных возможностей работников; они не «физическая сила», исполняющая приказы как при американском «фордизме-тейлоризме», а «думающие» сотрудники, способные разобраться и предложить способы решения производственных проблем [13, р. 19].

Японский подход к человеческим ресурсам на корпоративном уровне отличается от подхода США.

Свойства американской модели, ориентированной на финансы капитализма: корпорации реализуют интересы финансистов/инвесторов-собственников, одержимых максимизацией акционерной стоимости; работники – фактор производства, использование которого регулируется наймом и увольнением; эффективность/прибыльность сочетается с гарантией занятости и «гибким» рынком труда [13, р. 31].

Свойства японской модели, ориентированной на человека капитализма: корпорации действуют ради блага людей, труд которых определяет рыночную цену производимых товаров и обеспечивает максимизацию акционерной стоимости; работники – постоянные ресурсы компании, производительность которых зависит от окружающей обстановки, обладают интеллектом и способностью накапливать информацию для производства богатства; «невидимый общественный договор» – приоритет занятости (работы) над краткосрочной эффективностью в условиях негибкого рынка труда [13, р. 17, 31].

Трудовые отношения Японии обеспечили феноменальный рост производительности труда, стали институциональным достоянием нации и не могут быть демонтированы, чтобы показывать выгодные краткосрочные результаты за счет сокращения заработной платы и угождать инвесторам на фондовом рынке. Японцы просто не могут поставить интересы трудящихся, связанные с получением средств к существованию, позади денежных интересов финансистов или рантье. И эта культурная черта или система убеждений объясняет, почему Япония не желает быть похожей на США [13, р. 19].

Национально ориентированная экономическая политика правящей власти Японии воспринимала и использовала накапливающийся исторический опыт «государства развития», о котором писал Сигехиса Касахара – следующий авторитет в череде мыслителей Страны восходящего солнца.

С. Касахара родился в 1953 г., получил степень бакалавра по экономике и политологии в Государственном университете Гран-Вэлли штата Мичиган в 1978 г., степень магистра по международным отношениям в Американском университете Вашингтона в 1981 г., степень магистра по экономике в аспирантуре Новой школы социальных исследований Нью-Йорка в 1986 г., работал в Конференции по торговле и развитию ООН в 1987–2013 гг., после ухода с международной гражданской службы возобновил академическую жизнь в качестве исследователя-докторанта Института социальных исследований Гааги, защитил в 2019 г. докторскую диссертацию на тему «Критическая оценка парадигмы “Полет гусей”: эволюция модели и ее применение в региональном развитии Восточной Азии и за ее пределами», научный сотрудник Университета имени Эразма Роттердамского в Роттердаме. В широком спектре профессиональных интересов С. Касахары присутствовали проблемы международной политики экономического развития и торговли, роли государства в индустриализации, интеграции, развития стран Восточной Азии в рамках парадигмы FG.

С. Касахара говорил о взаимодействии политики правительства и хозяйственной деятельности предпринимателей, доказывал, что государство обязано выполнять свои функции, а не «уходить» из экономики, настаивал на введении термина «государство развития» и

включении его в парадигму FG. Ученый пояснял содержание понятия «государство развития» и его применение в осмыслении опыта восточноазиатских стран [5, р. 19].

Логика современных версий парадигмы FG подчеркивала упорядоченность рыночно-национальной последовательности индустриального развития в национальной и региональной экономике. Нецелесообразно стране с обильной неквалифицированной рабочей силой пытаться форсировать создание капиталоемких высокотехнологичных или наукоемких секторов. Концепция развития парадигмы FG предполагала, что догоняющей экономике не надо авантюристично «прыгать по ступенькам отраслевой лестницы», а стоит pragmatically определять цели продвижения, подбирая отраслевые сектора, теряющие конкурентоспособность в передовых странах [5, р. 19].

Правительству желательно использовать сравнительные преимущества в издержках производства, стимулировать инвестиции и обучение в перспективных отраслях, обеспечивать комфортную среду макроэкономической стабильности, эффективной бюджетной политики, поддерживать внутренние рынки факторов производства, создавать современную инфраструктуру – энергетику, транспорт и связь. Инициативы государства развития способствуют региональным изменениям в соответствии с парадигмой FG, укреплению экономического потенциала местных фирм, налаживанию кооперационных связей с иностранными филиалами – производителями искусной и сложной продукции [5, р. 20].

Парадигма FG была теоретической основой предложенного в 1987 г. Японией Нового азиатского плана промышленного развития в формате государственных программ, всеобъемлющих генеральных планов и руководящих принципов развития конкретных секторов. Заявленный план предусматривал увязку денежных средств помощи с наращиванием экспортных секторов, предоставлением японских экспертных знаний и ноу-хау, поддерживая отраслевую реструктуризацию и индустриальную модернизацию Восточной Азии. Некоторые из достоинств не-принятого плана, возможно, сохранились среди лиц, принимающих решения в регионе [5, р. 21].

Региональный ракурс рассмотрения концепции К. Акамацу расширился в докторской диссертации С. Касахары [6], которая стала не

только подведением итогов эволюции парадигмы «Полет диких гусей» в современной политической экономии Японии, но и постановкой проблемы возможности применения модели FG в изучении экономического развития за пределами региона Восточной Азии. Стало быть, речь можно вести не только о «вестернизации» модели FG, но и о векторе «японизации» мировой экономической мысли в соответствии с эволюцией парадигмы «Полет диких гусей». Однако это уже предмет нового научного поиска.

Заключение

Резюмируя научный обзор, надобно сказать, что исторический экскурс очертил общий фон взаимодействия экономики и государственной политики, на котором развертывалась эволюция парадигмы экономической мысли Японии с середины прошлого века. Политико-экономические интересы Японии стали определяться статусом регионального лидера глобального масштаба. Оригинальная модель FG K. Акамацу подверглась адаптации к изменившимся обстоятельствам. Усилиями К. Кодзимы, С. Окиты, Т. Озавы, С. Касахары парадигма FG развивалась в направлении «вестернизации» и международного признания.

Список литературы

1. Черемисинов Г. А. Концептуальная основа современной политической экономии Японии: парадигма «Полет диких гусей» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 240–249. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-240-249>, EDN: ABWKJM
2. Akamatsu K. A Theory of unbalanced growth in the world economy // Weltwirtschaftliches Archiv: Zeitschrift des Instituts für Weltwirtschaft an der Universität Kiel. Tübingen : Mohr, 1961. № 86. P. 196–217.
3. Akamatsu K. A historical pattern of economic growth in developing countries // The Developing Economies. 1962. Vol. 1, iss. s1. P. 3–25. <https://doi.org/10.1111/j.1746-1049.1962.tb01020.x>
4. Ozawa T. Institutions, industrial upgrading, and economic performance in Japan: The “flying-geese” paradigm of catch-up growth. Cheltenham, U.K. : Edward Elgar, 2005. 234 p.
5. Kasahara S. The Asian Developmental State and the Flying Geese Model. Geneva, Switzerland, 2013. iii + 30 p. (UNCTAD Discussion Papers № 213).
6. Kasahara S. A Critical Evaluation of the Flying Geese Paradigm: The evolving framework of the model and

its application to East Asian regional development and beyond: Thesis to obtain the degree of Doctor from the Erasmus University Rotterdam by command of the Rector Magnificus and in accordance with the decision of the Doctorate Board. Erasmus University Rotterdam, 2019, December 19. Retrieved from <http://hdl.handle.net/1765/123636>.

7. Черемисинов Г. А., Пугачев И. О. Воздействие государственного предпринимательства на макроэкономическую динамику современной России. М. : Пере, 2021. 236 с. EDN: KUQUAV
8. Kojima K. The «flying geese» model of Asian economic development: Origin, theoretical extensions, and regional policy implications // Journal of Asian Economics. 2000. Vol. 11, iss. 4. P. 375–401. [https://doi.org/10.1016/S1049-0078\(00\)00067-1](https://doi.org/10.1016/S1049-0078(00)00067-1)
9. Schröppel C., Nakajima M. The Changing Interpretation of the Flying Geese Model of Economic Development // Japanstudien. 2003. Vol. 14, iss. 1. P. 203–235. <https://doi.org/10.1080/09386491.2003.11826895>
10. Ozawa T. Professor Kiyoshi Kojima’s Contributions to FDI Theory: Trade, Growth, and Integration in East Asia // The International Economy. 2007. Vol. 2007, iss. 11. P. 17–33. <https://doi.org/10.5652/internationaleconomy.2007.17>
11. Okita S. The emerging prospects for development and the world economy: 3rd Raul Prebisch Lecture July 1987. United Nations Conference on Trade and Development. Geneva, Switzerland, 1987. 12 p.
12. Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции. М. : Мысль, 2003. 300 с.
13. Ozawa T. The “Hidden” Side of the “Flying-Geese” Model of Catch-Up Growth: Japan’s Dirigiste Institutional Setup and a Deepening Financial Morass. Honolulu, Hawaii : East-West Center, 2001. 30 p. (Economics Study Area Working Papers 20).

References

1. Cheremisinov G. A. The conceptual basis of Japanese modern political economy: “Flying Wild Geese” paradigm. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 240–249 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-240-249>, EDN: ABWKJM
2. Akamatsu K. A Theory of unbalanced growth in the world economy. *Weltwirtschaftliches Archiv: Zeitschrift des Instituts für Weltwirtschaft an der Universität Kiel*. Tübingen, Mohr, 1961, № 86, pp. 196–217.
3. Akamatsu K. A historical pattern of economic growth in developing countries. *The Developing Economies*, 1962, vol. 1, iss. s1, pp. 3–25. <https://doi.org/10.1111/j.1746-1049.1962.tb01020.x>
4. Ozawa T. *Institutions, industrial upgrading, and economic performance in Japan: The “flying-geese” paradigm of catch-up growth*. Cheltenham, U.K., Edward Elgar, 2005. 234 p.

5. Kasahara S. *The Asian Developmental State and the Flying Geese Model*. UNCTAD Discussion Papers № 213. Geneva, Switzerland, 2013. iii + 30 p.
6. Kasahara S. *A Critical Evaluation of the Flying Geese Paradigm: The evolving framework of the model and its application to East Asian regional development and beyond*. Thesis to obtain the degree of Doctor from the Erasmus University Rotterdam by command of the Rector Magnificus and in accordance with the decision of the Doctorate Board. Erasmus University Rotterdam. 2019, December 19. Retrieved from <http://hdl.handle.net/1765/123636>.
7. Cheremisinov G. A., Pugachev I. O. *Vozdeystvie gosudarstvennogo predprinimatel'stva na makroekonomicheskuyu dinamiku sovremennoy Rossii* [The impact of state enterprise on the macroeconomic dynamics of modern Russia]. Moscow, Pero, 2020. 236 p. (in Russian). EDN: KUQUAV
8. Kojima K. The “flying geese” model of Asian economic development: Origin, theoretical extensions, and regional policy implications. *Journal of Asian Economics*, 2000, vol. 11, iss. 4, pp. 375–401. [https://doi.org/10.1016/S1049-0078\(00\)00067-1](https://doi.org/10.1016/S1049-0078(00)00067-1)
9. Schröppel C., Nakajima M. The Changing Interpretation of the Flying Geese Model of Economic Development. *Japanstudien*, 2003, vol. 14, iss. 1, pp. 203–235. <https://doi.org/10.1080/09386491.2003.11826895>
10. Ozawa T. Professor Kiyoshi Kojima’s Contributions to FDI Theory: Trade, Growth, and Integration in East Asia. *The International Economy*, 2007, vol. 2007, iss. 11, pp. 17–33. <https://doi.org/10.5652/internationaleconomy.2007.17>
11. Okita S. *The emerging prospects for development and the world economy : 3rd Raul Prebisch Lecture July 1987*. United Nations Conference on Trade and Development. Geneva, Switzerland, 1987. 12 p.
12. Stiglitz J. Yu. *Globalizausiya: trevozhnye tendentsii* [Globalization: Alarming trends]. Moscow, Mysl, 2003. 300 p. (in Russian).
13. Ozawa T. *The “Hidden” Side of the “Flying-Geese” Model of Catch-Up Growth: Japan’s Dirigiste Institutional Setup and a Deepening Financial Morass*. Economics Study Area Working Papers 20. Honolulu, Hawaii, East-West Center, 2001. 30 p.

Поступила в редакцию 12.08.2025; одобрена после рецензирования 26.09.2025; принята к публикации 30.09.2025
The article was submitted 12.08.2025; approved after reviewing 29.09.2025; accepted for publication 30.09.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 363–374

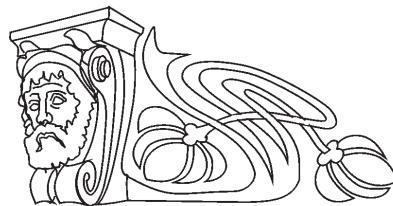
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 363–374

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-363-374>, EDN: DOVXON

Научная статья
УДК 330.101+331.5

Отношения собственности в сфере самозанятости населения России

Н. С. Землянухина¹✉, С. Г. Землянухина², В. В. Суворова³

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

³Балаковский инженерно-технологический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Россия, Саратовская обл., 413853, г. Балаково, ул. Чапаева, д. 140

Землянухина Надежда Сергеевна, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, nadezhda-zem@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8008-486X>

Землянухина Светлана Георгиевна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика и маркетинг», swet.zemlyanuhina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6716-5470>

Суворова Виктория Васильевна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика, организация и управление на предприятиях», VVSuvorova@mephi.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1683-1062>

Аннотация. Введение. В настоящее время сфера самозанятости в России характеризуется стремительным ростом и легализацией этого вида занятости, что находит отражение в научных публикациях, исследующих разные аспекты этого элемента современной экономики. Однако такому аспекту, как отношения собственности в сфере самозанятости, уделяется незаслуженно мало внимания.

Методология исследования. В основу исследования положен системный подход, исходящий из признания единства и взаимодействия системы трудовых отношений и системы отношений собственности, выступающих социально-экономической формой трудовых отноше-

ний. **Результаты.** Представлена система отношений собственности сферы самозанятости, где в качестве субъекта присвоения выступает самозанятый, совмещающий в одном лице все функции собственности как применительно к рабочей силе, так и к средствам производства. Специфика отношений собственности в сфере самозанятости определяется как спецификой этой формы занятости, так и спецификой видов деятельности самозанятых. Поскольку сферой деятельности самозанятых является в основном сфера услуг, поскольку особенности услуги как экономической категории определяют особенности и отношений по поводу трудовой деятельности, и отношений собственности в сфере самозанятости, а именно отношения собственности складываются между самозанятым и заказчиком услуги и заключаются в присвоении заказчиком услуги полезного эффекта этого вида деятельности и отчуждении денежных средств в виде платы за достигнутый результат. Отношения собственности в сфере самозанятости складываются по поводу присвоения и средств производства, и рабочей силы и выступают в форме частной собственности на эти факторы производства. Особенность самозанятости состоит в том, что частная собственность на средства производства основывается на личном труде.

Заключение. Признание существования в сфере самозанятости специфической формы базисных отношений по поводу трудовой деятельности самозанятых в их единстве с отношениями собственности будет способствовать более эффективному правовому регулированию трудовой деятельности самозанятых граждан.

Ключевые слова: самозанятость, собственность, собственность на факторы и результаты трудовой деятельности, собственность на услугу, трудовые отношения, трудовое законодательство

Для цитирования: Землянухина Н. С., Землянухина С. Г., Суворова В. В. Отношения собственности в сфере самозанятости населения России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 363–374. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-363-374>, EDN: DOVXON

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Property relations in the sphere of the Russian population's self-employment

N. S. Zemlyanukhina¹✉, S. G. Zemlyanukhina², V. V. Suvorova³

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politehnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

³Balakovo Institute of Engineering and Technology of the National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute), 140 Chapaeva St., Balakovo 413853, Saratov region, Russia

Nadezhda S. Zemlyanukhina, nadezhda_zeml@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8008-486X>

Swetlana G. Zemlyanukhina, swet.zemlyanuhina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6716-5470>

Victoria V. Suvorova, VSuvorova@mephi.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1683-1062>

Abstract. *Introduction.* Currently, the field of self-employment in Russia is characterized by rapid growth and legalization, which is reflected in scientific publications exploring various aspects of this element of modern economy. However, undeservedly little attention is paid to such an aspect as property relations in the field of self-employment. **Research methodology.** The research is based on a systematic approach that suggests the recognition of the unity and interaction of the labor and the property relations systems, acting as a socio-economic form of labor relations and determining the appropriation of factors and results of labor activity by subjects of property relations, which is specified through such property functions as ownership, disposal, use. **Results.** The article presents a system of ownership relations in the sphere of self-employment, where the self-employed person combines all ownership functions concerning both the working force and means of production. The specifics of property relations in the field of self-employment is determined both by the specifics of this form of employment and by the specifics of the types of activities of the self-employed. Since their sphere is mainly the service sector, the specifics of the service as an economic category determines the specifics of both labor and property relations in the field of self-employment. Ownership relations are formed between the self-employed and the customer and consist of the appropriation of the service's beneficial effect by the customer and the alienation of funds in the form of payment. Property relations in self-employment sphere consider ownership and means of production and workforce and are a form of private property concerning factors of production. The peculiarity of self-employment lies in private property for means of production being based on personal labor. **Conclusion.** Consideration of the labor and the property relations systems in the field of self-employment in their unity and interrelation allows us to make a conclusion about the complexity and inconsistency of these relations and the need for further research.

Keywords: self-employment, ownership, ownership of factors and results of labor activity, ownership of services, labor relations, labor legislation

For citation: Zemlyanukhina N. S., Zemlyanukhina S. G., Suvorova V. V. Property relations in the sphere of the Russian population's self-employment. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 363–374 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-363-374>, EDN: DOVXON

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Самостоятельная занятость является важным структурным элементом современной экономики, поэтому она пользуется вниманием со стороны исследователей. В научных публикациях рассматриваются разные аспекты этой неотъемлемой составляющей российской экономики: делаются попытки раскрыть основные подходы к определению понятия «самозанятость» и придать определению самозанятости универсальную единую форму [1, с. 14]; показать преимущества и недостатки самозанятости [2], ее положительные и негативные стороны [3]; назвать меры государственной поддержки самозанятых [4]; выявить отличия современного самозанятого от фрилансера, наемного работника, предпринимателя [5]; раскрыть тенденции развития самозанятости в России, сферы деятельности и субъектов РФ с наиболее благоприятными условиями развития самозанятости [6]; обозначить перспективы самозанятости для студентов [7] и молодежи [8], последствия появления в стране законного регулирования института самозанятости [9] и т. д. Однако что касается такого аспекта самозанятости, как отношения собственности в этой сфере, то он в исследованиях в должной степени не представлен, а ведь именно отношения собственности не только определяют специфику

системы экономических отношений в целом, но могут или создавать условия для их беспрепятственного функционирования и развития, или сковывать это развитие.

Методология исследования

При рассмотрении как всей системы отношений собственности, так и такой ее подсистемы, как собственность в сфере самозанятости, исходными выступают положения о том, что отношения собственности являются социально-экономической формой системы трудовых отношений, независимо от того, складываются ли эти отношения в коллективе, или же труд осуществляется индивидуально, что имеет место при самозанятости. Но здесь возникает вопрос: допустимо ли рассматривать отношения, складывающиеся в процессе трудовой деятельности самозанятых, в качестве трудовых? Статья 15 Трудового кодекса РФ дает следующее определение трудовым отношениям – «отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы) в интересах, под управлением и контролем работодателя, подчинении

работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором»¹. А в ст. 11 ТК РФ фиксируется положение о том, что трудовое законодательство не распространяется на лиц, работающих на основе договоров гражданско-правового характера, а именно на основе таких договоров осуществляется трудовая деятельность самозанятых. То есть определение в Трудовом кодексе трудового отношения дано применительно к наемному труду, где сторонами (субъектами) трудового отношения выступают работодатель и наемный работник, а при самозанятости согласно Федеральному закону от 27.11.2018 № 422-ФЗ (далее – Закон № 422-ФЗ) плательщики налога на профессиональный доход не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам², что выступает аргументом для отрицания трудовых отношений самозанятости.

Однако на практике имеются случаи перевода штатных сотрудников в статус самозанятых и переквалификации трудовых договоров в договора гражданско-правового характера, что расценивается как нарушение трудового законодательства и в случае выявления такого нарушения влечет за собой доначисление виновным налогов, страховых взносов и штрафов. Иными словами, трудовые отношения маскируются работодателями под видом гражданско-правовых с целью уклонения от уплаты платежей по обязательному социальному страхованию, а также с целью уклонения от обеспечения работникам трудовых прав. Возможности перевода штатных сотрудников в статус самозанятых и переквалификация трудовых договоров в договора гражданско-правового характера, а также последствия такой переквалификации рассматриваются в научных публикациях Ю. Д. Жуковой, А. С. Подмарковой [10],

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 127-ФЗ (ред. 01.03.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» : федер. закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (ред. от 29.11.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Е. Н. Лысенковой [11], Е. А. Столляр, М. С. Патрушева [12] и др. Отсюда можно сделать вывод о том, что отношения самозанятых по осуществлению трудовой деятельности не признаются трудовыми и не регулируются трудовым законодательством. Этот вывод подтверждает О. Н. Громова, которая, пытаясь определить место самозанятых граждан в системе трудовых отношений, отмечает, что «указанный категория до сих пор не охвачена законодательством о труде, а Роструд и вовсе предложил исключить ее из правового регулирования. Как показывает современное состояние социально-трудовых отношений, сделать это будет достаточно сложно, потому что самозанятость является объективной данностью сегодняшнего дня» [13, с. 100]. На наш взгляд, сложность признания самозанятости элементом системы трудовых отношений определяется специфичностью самозанятости. Складывается парадоксальная ситуация – трудовая деятельность самозанятыми осуществляется (является объективной данностью сегодняшнего дня), а трудовые отношения в сфере самозанятости не признаются таковыми и не регулируются, т. е. вроде бы отсутствуют. Пытаясь найти выход из этой ситуации и ответить на вопрос, можно ли отнести труд самозанятых к нетипичным трудовым отношениям, отличающимся от классического трудового отношения, Е. Н. Моисеева и И. П. Чирanova считают, что «в настоящее время самозанятых можно назвать псевдосубъектами трудовых отношений, в связи с тем, что их правовой статус не является определенным – они сами для себя выступают работниками и работодателями в одном лице, а также могут выполнять обязанности работников, не заключая трудовой договор с работодателями» [14, с. 91].

Отрицание трудовых отношений самозанятости обусловлено тем, что в этой категории не различается общее и специфическое, игнорируются такие общие признаки всякого трудового отношения, как взаимодействие субъектов в процессе осуществления трудовой деятельности, трудовой функции. Субъекты трудовых отношений могут быть разными в зависимости от видов трудовой деятельности, от ступени исторического развития общества, а трансформация субъектов трудовых отношений отражает изменение специфики трудовых отношений. Если субъектами тру-

дового отношения выступают работодатели и наемные работники, то трудовая деятельность осуществляется в интересах, под управлением и контролем работодателя. Если субъектами трудового отношения выступают самозанятые, то специфика трудовых отношений состоит в осуществлении трудовой деятельности в интересах самого самозанятого, в самостоятельном определении и организации трудовой деятельности, в экономической свободе, независимости, отсутствии тотального контроля и т. п. То есть специфические признаки трудовых отношений при наемном труде и при самозанятости принципиально различаются, но общие характеристики всякого трудового отношения как отношения в связи или по поводу, или в процессе трудовой деятельности сохраняются.

На наш взгляд, специфичность трудовых отношений самозанятости и их отличие от отношений наемного труда, несоответствие критериям трудовых отношений ст. 15 Трудового кодекса РФ и отсутствие их регулирования трудовым законодательством не являются аргументами для отрицания их существования в объективной реальности, а выступают свидетельством ограниченности юридической трактовки трудовых отношений только отношениями наемного труда, свидетельством игнорирования общих признаков трудовых отношений. В связи с тем, что субъективное и юридическое представление о категории трудового отношения ассоциируется только с его трактовкой как отношения наемного труда, возникает несоответствие этой трактовки реальному экономическому содержанию. Для их разграничения вполне применим вывод профессора В. Н. Белкина о необходимости различия надстроек (правовых, политических, социального партнерства) и базисных трудовых отношений [15, с. 129, 325]. Поскольку базисные трудовые отношения под влиянием новых форм занятости подвергаются трансформации, приобретают специфику, поскольку необходима трансформация и правовых понятий трудовых отношений.

Таким образом, на наш взгляд, в процессе осуществления трудовой деятельности в сфере самозанятости складываются трудовые отношения во взаимосвязи с отношениями собственности, которые определяют принадлежность и факторов, и результатов трудовой деятельности самозанятых [16]. Внутренние

противоречия между трудовыми отношениями и отношениями собственности выступают в качестве источника развития.

Однако чтобы не вступать в конфликт с общепризнанной терминологией, отношения, возникающие в связи с трудовой деятельностью самозанятых, в данной статье мы будем называть отношениями по поводу трудовой деятельности самозанятых.

Результаты

В качестве наиболее яркой демонстрации влияния отношений собственности на развитие самозанятости можно привести последствия принятия Закона № 422-ФЗ. Закон устанавливает отношения собственности (присвоения), складывающиеся между самозанятыми и государством в лице Федеральной налоговой службы, т. е. устанавливает, какая доля выручки (профессионального дохода) остается в распоряжении самозанятых и какая доля поступает в распоряжение государства в форме налога на профессиональный доход (НПД). Формулировка профессионального дохода в этом Законе: «Профессиональный доход – доход физических лиц от деятельности, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам, а также доход от использования имущества», определяет принципиально важные положения, дающие право на применение специального налогового режима, а именно осуществление деятельности, при которой самозанятые (физические лица) не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам (т. е. исключаются отношения наемного труда). Прошедшее со времени принятия данного Федерального закона время показало, насколько эффективно может влиять закрепление и изменение прав собственности в тех или иных государственных юридических документах на показатели экономической деятельности, в данном случае – деятельности самозанятых (таблица).

Из данных, приведенных в таблице, видно, что если в феврале 2019 г. в качестве самозанятых были зарегистрированы всего 19 469 чел., то через шесть лет их количество составило 13 802 035 чел. (т. е. увеличилось более чем на 13 млн чел.), которые уплатили в качестве налога на профессиональный доход в июне 2025 г.

Динамика показателей по самозанятости за 2019–2025 гг.
Table. Dynamics of self-employment indicators for 2019–2025

Показатели	Февраль 2019 г.	Июнь 2025 г.
Количество самозанятых (человек)	19 469	13 802 035
Выручка (тыс. руб.)	864 537	245 553 524
Налоги (тыс. руб.)	29 805	10 902 949

Примечание. Сост. по: Платформа поставки данных ФНС России. Самозанятые. URL: <https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/#/self-employment> (дата обращения: 03.07.2025). Note. Compiled according to: *Platforma postavki dannykh FNS Rossii. Samozaniatye* (Data delivery platform of the Federal Tax Service of Russia. Self-employed). Available at: <https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/#/self-employment> (accessed July 3, 2025) (in Russian).

10 902 949 тыс. руб. При рассмотрении количества самозанятых обращают на себя внимание трудности статистического учета самозанятых, что находит выражение в несоответствии данных о количестве самозанятых, уплачивающих налог на профессиональный доход, данным о количестве самозанятых, учитываемых государственными статистическими органами. Как отмечено в Российском статистическом ежегоднике, изданном в 2024 г. и отражающем данные за 2023 г., самозанятые работники, не использующие наемный труд, составляли в 2023 г. 3639 тыс. чел.³, тогда как, по данным ФНС России, количество самозанятых, уплативших в декабре 2023 г. НПД, насчитывало 9279 тыс. чел., т. е. разница составила 5640 тыс. чел. Возникает вопрос: чем объяснить такую разницу?

Одной из причин расхождений в численности самозанятых в России, по данным Федеральной налоговой службы и статистических органов, явилось вынуждение работников со стороны предпринимателей к переходу в статус самозанятых с целью сокращения налоговой нагрузки, на что указывают И. Г. Носырева и Н. А. Белобородова. Так, они отмечают, что «изменения в налоговом законодательстве, связанные с налогом на профессиональный доход, на фоне ситуации неопределенности в экономике способствовали тому, что часть предприятий малого и среднего бизнеса в целях сохранения рабочих мест при отсутствии средств для оплаты простое работников стали инициировать перевод работников в статус самозанятых. Это было связано с оптимизацией налоговой нагрузки предпринимателей» [3, с. 374]. Тем не менее наблюдается положительная динамика сокращения численности занятых

в неформальном секторе экономики, в том числе и за счет легализации самозанятых. Кроме того, значительная часть самозанятых сочетают этот режим налогообложения с наемным трудом и при проведении социологических исследований, скорее всего, позиционируют себя как наемных работников.

Таким образом, введение налога на профессиональный доход оказалось положительное влияние на социально-экономическое развитие России: привело к поступлению дополнительных доходов в бюджет, значительное количество самозанятых были введены в правовое поле и легализованы, а также произошло сокращение численности занятых в неформальном секторе экономики. Это позволяет рассматривать введение НПД одним из самых успешных экспериментов в области занятости, налогообложения и реформирования отношений собственности.

Характеристика отношений собственности в сфере самозанятости предполагает определение как объектов присвоения, так и субъектов собственности, определение лиц, с которыми самозанятый вступает в отношения присвоения в процессе осуществления своей трудовой деятельности. Отличительной особенностью отношений собственности в сфере самозанятости является соединение всех функций собственности в одном лице – самозанятый сам владеет своей рабочей силой, сам распоряжается ею и сам ее использует. Если вступление в трудовую деятельность для наемного рабочего осуществляется через рынок труда, куплю-продажу рабочей силы, то самозанятому для доступа к средствам труда рынок труда не требуется. Необходимые для трудовой деятельности средства труда и предметы труда самозанятый приобретает на рынке товаров. Самозанятый – сам для себя и работник, и собственник, средства

³ Российский статистический ежегодник. 2024 : стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 120.

труда для его трудовой деятельности являются его частной собственностью. Здесь вполне применима характеристика этой формы частной собственности К. Марксом – как добытой трудом собственника и основанной «на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда» [17, с. 772].

Отличительными особенностями самозанятости, обеспечивающими ее привлекательность, выступают такие характеристики, как свобода, самостоятельность и самоорганизация трудовой деятельности, возможность обеспечивать достойное существование самозанятого и как собственника, и как работника [18, с. 17]. Специфика отношений собственности в сфере самозанятости определяется особенностями как этой формы занятости, так и видов деятельности самозанятых. По данным Минэкономразвития, более 90% плательщиков НПД работают в сфере услуг [19]. Распространение самозанятости в сфере услуг обусловлено тем, что эта сфера наиболее подвижна, демократична и динамично развивается. Как отмечает П. В. Журавлев, «именно в этой сфере общественного производства предприниматель может наиболее быстро и мощно трансформироваться и пройти метаморфозу от несобственника с соответствующим стереотипом мышления и поведения к собственнику, с другим стереотипом активного переустройства мироощущения и жизнедеятельности» [20, с. 94].

Поскольку сферой деятельности самозанятых является в основном сфера услуг, особенности услуги как экономической категории можно представить в качестве определяющего фактора специфики и отношений по поводу трудовой деятельности и отношений собственности в сфере самозанятости. Прежде всего, отметим, что оказание услуги представляет собой трудовую деятельность. Согласно К. Марксу, «услуга... означает не что иное, как ту особую потребительную стоимость, которую доставляет этот труд, подобно всякому другому товару, но особая потребительная стоимость этого товара получила специфическое название “услуга” потому, что труд оказывает услуги не в качестве вещи, а в качестве деятельности» [21, с. 413]. Из трактовки услуги как деятельности вытекают следующие ее свойства: неотделимость от источника ее оказания и невозможность хранения.

Применительно к самозанятости при оказании услуги отношения складываются между

потребителем услуги (заказчиком), который выступает в качестве «работодателя», и ее исполнителем, в качестве которого выступает самозанятый. В процессе этих отношений между заказчиком услуги и исполнителем услуги (самозанятым) определяются объект услуги, т. е. объект отношений, условия предоставления услуги, сроки выполнения, ее стоимость, формы оплаты. Достигнутое согласие сторон экономического отношения об оказании услуги может быть выражено как в устном, так и в письменном виде путем заключения договора.

Если при производстве материального продукта в процессе труда происходит воздействие средства труда на предмет труда, то при оказании услуги средства труда могут и не принимать предметно-вещественную форму. При некоторых видах услуг главным средством труда является сама рабочая сила, а именно такие элементы рабочей силы, как знания, информация, компетенции, творческие, интеллектуальные способности, т. е. собственный профессиональный потенциал самозанятого. Сектора современной экономики, связанные с предоставлением высококвалифицированных услуг на основе производства и переработки информации, являются наиболее динамично развивающимися. Процесс труда в этом случае представляет собой воздействие интеллекта как элемента рабочей силы на предмет труда, в качестве которого может выступать информация, какая-либо проблема, требующая решения, и т.п.

Поскольку трудовые отношения и отношения собственности находятся в неразрывном единстве, трудовая деятельность по оказанию услуг самозанятыми также предполагает и отношения собственности, складывающиеся между самозанятым и заказчиком услуги и заключающиеся в присвоении заказчиком услуги полезного эффекта услуги и отчуждении денежных средств в виде платы за услуги. Проблема собственности на услугу является достаточно сложной: если отношения собственности на материальные объекты достаточно хорошо изучены и регулируются законодательством, то применительно к услугам понятие «право собственности на услугу» появилось недавно и трактуется таким образом, что это право возникает только в том случае, если услуга включает в себя некое творческое начало, а также имеет достаточную степень новизны и индивидуальности, именно такая услуга может вполне считаться интеллектуальной собственностью и

подлежит защите на законодательном уровне⁴. Исходя из этого утверждения, получается, что отношения собственности при оказании услуги признаются только применительно к интеллектуальной собственности. На наш взгляд, это не что иное, как умаление значимости отношений собственности в сфере самозанятости.

Система отношений собственности как социально-экономическая форма трудовой деятельности обязательно включает в качестве объектов присвоения и факторы, и результаты трудовой деятельности. Факторами являются средства труда и рабочая сила, следовательно, в процессе оказания услуг самозанятыми складываются отношения собственности на эти факторы труда, т. е. отношения собственности на средства труда и рабочую силу. Согласно ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации⁵, содержанием права собственности являются права владения, распоряжения и пользования. Эти права рассматриваются в Гражданском кодексе применительно к таким объектам собственности, как имущество, что же касается рабочей силы, то в ГК РФ юридические формы собственности на нее не устанавливаются. Однако юридическая неоформленность отношений присвоения отнюдь не является свидетельством отсутствия их реального существования в процессе трудовой деятельности. Как в процессе оказания услуг, так и в процессе производства собственной продукции самозанятые владеют, распоряжаются и используют свою рабочую силу, а отношения владения, распоряжения, использования представляют собой функции экономических отношений собственности, в данном случае на такой объект собственности, как рабочая сила.

Что касается формы собственности на рабочую силу, то еще К. Маркс отмечал: «...чтобы владелец рабочей силы мог продавать ее как товар, он должен иметь возможность распоряжаться ею, следовательно, должен быть свободным собственником своей способности к труду, своей личности» [17, с. 178]. Принадлежность рабочей силы своему носителю выражается в

⁴ Право собственности на услугу – как стать ее владельцем и защитить себя от недобросовестных поставщиков. URL: <https://usylapryvost.ru/portal/pravo-sobstvennosti-na-uslugu-kak-stat-ee-vladelcem-i-zashhitit-sebya-ot-nedobrosovestnyx-postavshikov/> (дата обращения: 18.02.2025).

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации от 21.10.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

форме частной собственности на рабочую силу, которая в условиях капиталистической формации является одним из существенных условий превращения рабочей силы в товар. Вероятно, частная собственность на рабочую силу как достижение специфического капиталистического способа производства в качестве положительного результата развития сохраняется и при отсутствии купли-продажи рабочей силы, что имеет место при осуществлении трудовой деятельности самозанятыми. Отношения собственности в сфере самозанятости складываются по поводу присвоения и средств производства, и рабочей силы и выступают в форме частной собственности на эти факторы производства. Особенность самозанятости состоит в том, что частная собственность на средства производства основывается на личном труде.

Еще раз подчеркнем, что и средства производства, и рабочая сила являются факторами производства, и отношения собственности на них выступают социально-экономической формой трудовой деятельности. Поэтому вызывает возражение следующее положение И. Д. Мацкуляка: «...собственность на индивидуальную рабочую силу, то есть собственность носителя на нее, проявляется в двух формах, а именно как: а) личная – когда человек, носитель рабочей силы имеет дело с предметами потребления, то есть домашним имуществом индивидуального (персонального) характера в пределах личного подсобного хозяйства; проявляется всегда, во всех формациях; б) частная – трудовая, также наблюдаемая в условиях всех формаций» [22, с. 11]. На наш взгляд, при удовлетворении личных потребностей в предметах потребления объектом присвоения выступают предметы потребления, т. е. складываются отношения личной собственности на предметы потребления, а не на рабочую силу. В том же случае, когда предметы потребления используются не для личного потребления, а для извлечения дохода (например, при сдаче квартиры в аренду), происходит перерождение личной собственности в частную, она начинает носить коммерческий характер [23, с. 14].

Конечно, самозанятый (как и любой другой человек) в процессе воспроизводства собственной жизни вступает в отношения присвоения и с членами семейного коллектива (внутрисемейные отношения), и с учреждениями социально-культурной сферы (образования, здравоохране-

ния, культуры), сферы бытового обслуживания населения, жилищно-коммунального хозяйства, оказывающих услуги потребителям. Но характеристика отношений собственности в сфере самозанятости должна отразить специфику отношений присвоения именно в процессе трудовой деятельности самозанятых, а социально-экономической формой этой трудовой деятельности выступают отношения собственности на факторы трудовой деятельности (средства производства и рабочую силу), которые определяют присвоение и результатов труда самозанятых. То есть специфику самозанятости определяют отношения собственности именно в процессе соединения рабочей силы и средств производства, так как они позволяют рассматривать явление самозанятости на глубинном, сущностном уровне в чистом виде.

В современных условиях происходит сдвиг в содержании труда, заключающийся в доминировании творческой компоненты труда, что применительно к самозанятости находит свое выражение в тенденции воссоединения труда и средств труда, ведь самозанятый является собственником таких средств труда, как интеллект, знания и информация. О возрождении системы отношений собственности, в которых работник и собственник – одно лицо, указывал профессор А. В. Бузгалин применительно к активности фрилансеров, использующих в качестве главной собственности свой человеческий капитал [24, с. 14]. Использование в качестве главной собственности своего человеческого капитала можно распространить и на самозанятых, поскольку самозанятый по умолчанию является фрилансером. Воссоединение труда и средств производства в современных условиях становится возможным в связи с распространением компьютерной техники во многих сферах деятельности, что делает средства производства более компактными, дешевыми и мобильными [25].

Однако происходящие трансформации в сфере трудовой деятельности не дают основания для утверждения о том, что самозанятость (индивидуальное хозяйство) является самой эффективной формой хозяйствования и столбовой дорогой движения в лучшее будущее, как считает К. Н. Лебедев [26, с. 46]. Он утверждает, что «история человечества представляет собой чередование обществ, основанных на своем труде и своем капитале (общество самозаня-

тых), и обществ, основанных на чужом труде и чужом капитале, что в свое время феодальное общество самозанятых сменил капитализм (общество наемного труда), а в настоящее время в недрах последнего рождается общество самозанятых будущего» [27, с. 19]. На наш взгляд, это преувеличение значимости самозанятости в истории развития человечества, поэтому более реалистичной представляется оценка самозанятости Ю. В. Васькиной, состоящая в том, что даже на эталонную группу самозанятых не следует возлагать излишние надежды в плане того, что такая форма занятости сможет обеспечить инновационное развитие экономики [28]. Инновационный процесс по-прежнему основывается, прежде всего, на крупном производстве как фундаменте современной экономики, а частная собственность работника на его средства производства есть основа мелкого производства.

Новое качество трудовых отношений в современных условиях получает выражение в возрастании роли такого элемента рабочей силы, как интеллект. Доминирование креативной деятельности, превращение творческого труда в решающий фактор социально-экономического прогресса вызывает изменения и в отношениях собственности, приводит к тому, что важнейшим фактором технико-экономического развития становится интеллектуальная собственность. На наш взгляд, к объектам интеллектуальной собственности следует относить не только результаты интеллектуальной деятельности, но и такой ее фактор, как интеллектуальные способности, выступающие элементом рабочей силы.

Поскольку интеллект является элементом рабочей силы, вызывает возражение отнесение интеллекта к дополнительному фактору производства, как считает А. Л. Braslavskiy, которым «интеллект наряду с землей, капиталом и рабочей силой рассматривается как еще один фактор производства» [29, с. 111]. Рабочая сила включает в себя целый комплекс способностей к труду (не только интеллект, но и знания, умения, навыки, профессиональные компетенции и т. п.), которые в категории «рабочая сила» представлены в совокупности и единстве. Современный же период характеризуется превращением интеллекта и творческого труда в решающий фактор социально-экономического развития. А поскольку многие российские самозанятые являются субъектами интеллектуального тру-

да, система отношений собственности сферы самозанятости включает в себя отношения интеллектуальной собственности и на результаты интеллектуального труда, и на его факторы.

Заключение

Таким образом, рассмотрение системы отношений по поводу трудовой деятельности самозанятых и системы отношений собственности в сфере самозанятости в их единстве и взаимосвязи позволяет сделать вывод о сложности и противоречивости этого феномена современной российской экономики. С одной стороны, самозанятость как союз труда и собственности создает условия для проявления экономической свободы, самостоятельности, самореализации личности и в труде, и во владении и распоряжении собственностью. С другой же стороны, эти преимущества сочетаются с негарантированностью занятости, с недостаточной социальной защищенностью самозанятых, что проявляется в отсутствии выплат по больничным листам, отсутствии отчислений в ПФР (пенсионные взносы носят добровольный характер и, по данным Минтруда России, их платят только 3% самозанятых).

Сложность и противоречивость экономической категории самозанятости мотивирует к ее более тщательному исследованию, в том числе к признанию существования в сфере самозанятости специфической формы базисных отношений по поводу трудовой деятельности самозанятых в их единстве с отношениями собственности, что будет способствовать более эффективному правовому регулированию трудовой деятельности самозанятых граждан.

Список литературы

1. Худжесбаева Г.Д. Современные подходы к определению самозанятости в России // Human Progress. 2021. Т. 7, вып. 3. С. 14. <https://doi.org/10.34709/IM.173.14>, EDN: OTWDOC
2. Астафьева И. А., Соина М. И., Лосев А. В. К вопросу о «самозанятых гражданах» // Экономические аспекты цифровой трансформации промышленности : материалы науч.-практ. конф. (Москва, 30 ноября 2020 г.). Т. 16. М. : Изд-во ВНИИ Центр, 2020. С. 17–19. EDN: WTVRAV
3. Носырева И. Г., Белобородова Н. А. К вопросу о развитии самозанятости в России // Экономика труда. 2023. Т. 10, № 3. С. 371–386. <https://doi.org/10.18334/et.10.3.117541>, EDN: TMHRRZ
4. Момотова К. С., Сычанина С. Н. Стимулирование самозанятости населения муниципального образования город Краснодар // Научное обеспечение агропромышленного комплекса : сб. ст. по материалам 77-й науч.-практ. конф. студентов по итогам НИР за 2021 год : в 3 ч. (Краснодар, 01 марта 2022 г.). Краснодар : КубГАУ, 2022. Ч. 2. С. 93–95. EDN: OGVCWD
5. Разумова Т. О., Кирсанова Н. М. Самозанятость и фриланс как способы адаптации работника на современном рынке труда // Социально-трудовые исследования. 2022. № 2 (47). С. 56–68. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-47-2-56-68>
6. Зыкова Н. В., Стрелкова Е. А., Микитюк В. А., Виноградова Е. С. Тенденции развития самозанятости в России // Экономика и предпринимательство. 2023. № 2 (151). С. 346–349. <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.151.2.070>, EDN: SSEKYI
7. Брагина Д. С. О самозанятости студентов // Вуз и реальный бизнес: Менеджмент, маркетинг, HR – 2021 : материалы XIV Всерос. науч.-практ. конф. студентов (г. Пермь, 15 апреля – 20 мая 2021 г.). Пермь : Изд-во ПНИПУ, 2021. Т. 1. С. 116–120. EDN: TGXDME
8. Иноземцева А. В. Фриланс как фронтальная форма самозанятости молодежи // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 6, № 1 (142). С. 83–89. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.01.06.010>, EDN: ZVUMLM
9. Симонова Е. В. Государственное регулирование института самозанятости в России: экономико-правовой аспект // Экономическая среда. 2022. № 4 (42). С. 11–20. <https://doi.org/10.36683/2306-1758/2022-4-42/11-20>, EDN: XABPAG
10. Жукова Ю. Д., Подмаркова А. С. Самозанятые граждане: правовая квалификация деятельности и перспективы формирования специального режима // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 13, № 4. С 49–79. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.4.49.79>
11. Лысенкова Е. Н. К вопросу об оформлении трудовых отношений с самозанятыми // Человек. Социум. Общество. 2022. № 12. С. 87–92. EDN: ZBRRHO
12. Столляр Е. А., Патрушев М. С. Самозанятые и работники: риски переквалификации отношений в трудовые // Актуальные вопросы публичного права : материалы XXIII Всерос. науч. конф. студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 14–15 ноября 2024 г.). Екатеринбург : Изд-во УрГЮУ, 2024. С. 1074–1081. EDN: PSWLAJ
13. Громова О. Н. Место самозанятых граждан в системе трудовых отношений // Право и государство: культурологическое измерение : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 26 ноября 2021 г.) / науч. ред. : Р. А. Ромашов, З. Н. Каландаришвили, В. А. Ковалев. СПб. : СПбГУП, 2021. С. 100–102. EDN: WZVMQE

14. Моисеева Е. Н., Чирanova И. П. Самозанятые как псевдосубъекты трудовых отношений // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18, № 6. С. 89–94. EDN: ZFCTFS
15. Белкин В. Н., Белкин Н. А. Экономическая теория труда. М. : Экономика, 2007. 352 с.
16. Землянухина С. Г. Собственность как социально-экономическая форма системы трудовых отношений: эволюция подходов к исследованию // Ломоносовские чтения-2021. Секция экономических наук. «Поколения экономических идей»: сборник лучших докладов. М. : Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021. С. 429–439. EDN: TCFMQX
17. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 30 т. 2-е изд. Т. 23. М. : Политиздат, 1960. 907 с.
18. Землянухина С. Г., Максимович Л. В. Самозанятость населения в российской экономике: формирование и регулирование. Саратов : Саратовский. гос. техн. ун-т, 2007. 128 с. EDN: QSCRNN
19. Богданов И. Сам себе режиссер: как самозанятые меняют экономику России. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/65cc8fec9a79471f3a7c4101> (дата обращения: 12.02.2025).
20. Журавлев П. В. Собственность как этическая норма и стереотип мышления в сфере услуг // VI Найденовские чтения. Инновационные процессы и культура предпринимательства на потребительском рынке товаров и услуг : Междунар. науч.-практ. конф. Сб. науч. ст. преподавателей, аспирантов и студентов : в 2 ч. (Москва, 16–18 апреля 2014 г.) / под ред. Ю. В. Рагулиной. М. : ИД «Научная библиотека», 2014. С. 93–94. EDN: TTSGBL
21. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 30 т. 2-е изд. Т. 26. Ч. 1. М. : Политиздат, 1962. 509 с.
22. Мацкуляк И. Д. Постоянство и гибкость собственности на рабочую силу // Социально-трудовые исследования. 2024. № 2 (55). С. 8–14. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-55-2-8-14>, EDN: WRAEPQ
23. Землянухина С. Г. Система воспроизводства человеческих ресурсов: эволюция отношений собственности // Человеческий потенциал в цифровой экономике / под ред. Л. В. Санковой. Саратов : КУБиК, 2020. С. 7–37.
24. Бузгалин А. В. Собственность как объект теоретического исследования: политическая экономия и экономическая политика // Экономическая наука современной России. 2020. № 4 (91). С. 7–24. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-4\(91\)-7-24](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-4(91)-7-24), EDN: MZRGQOQ
25. Андронов И. В. Формирование индивидуальной собственности в процессе становления постиндустриальной экономики // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 5 (73). С. 217–227. EDN: KXYZXR
26. Лебедев К. Н. Индивидуальное хозяйство – самая эффективная форма хозяйствования? // Экономические науки. 2022. № 1 (206). С. 38–47. <https://doi.org/10.14451/1.206.38>, EDN: FPVNDF
27. Лебедев К. Н. Общий экономический закон и исторический ряд способов производства с точки зрения теории альтернативных финансов // Экономические науки. 2022. № 10 (215). С. 13–21. <https://doi.org/10.14451/1.215.13>
28. Васькина Ю. В. Ретроспективный анализ понимания феномена самозанятости // Социальное пространство. 2023. Т. 9, № 3. С. 1–9. <https://doi.org/10.15838/sa.2023.3.39.10>, EDN: PDPJDQ. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29759> (дата обращения: 12.02.2025).
29. Браславский А. Л. Основное производственное отношение посткапиталистической эпохи интеллектуализма // Экономическая наука современной России. 2008. № 2 (41). С. 111–126. EDN: JSKEAD

References

1. Khudzhebaeva G. D. Modern approaches to the definition of selfemployment in Russia. *Human Progress*, 2021, vol. 7, iss. 3, pp. 14 (in Russian). <https://doi.org/10.34709/IM.173.14>, EDN: OTWDOC
2. Astafeva I. A., Soina M. I., Losev A. V. On the issue of “self-employed citizens”. *Ekonomicheskie aspekty tsifrovoi transformatsii promyshlennosti: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 30 noyabrya 2020 g.). T. 16* [Economic Aspects of Digital Transformation of Industry: Proceedings of the Scientific and Practical Conference (Moscow, November 30, 2020). Vol. 16]. Moscow, VNII Center Publ., 2020, pp. 17–19 (in Russian). EDN: WTVRAV
3. Nosyreva I. G., Beloborodova N. A. Becoming self-employed in Russia. *Russian Journal of Labor Economics*, 2023, vol. 10, no. 3, pp. 371–386 (in Russian). <https://doi.org/10.18334/et.10.3.117541>, EDN: TMHRRZ
4. Momotova K. S., Sychanina S. N. Stimulating self-employment of the population of the municipality of the city of Krasnodar. *Nauchnoe obespechenie agropromyshlennogo kompleksa: sbornik statei po materialam 77-i nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov po itogam NIR za 2021 god (Krasnodar, 01 marta 2022 g.)* [Scientific Support for the Agro-Industrial Complex: Collection of Articles Based on the Materials of the 77th Scientific and Practical Conference of Students on the Results of Research for 2021 (Krasnodar, March 01, 2022)]. Krasnodar, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin Publ., 2022, pt. 2, pp. 93–95 (in Russian). EDN: OGVCWD
5. Razumova T. O., Kirsanova N. M. Self-employment and freelance: Employees adapting to the modern labor market. *Social & Labor Research*, 2022, no. 2 (47), pp. 56–68 (in Russian). <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-47-2-56-68>

6. Zykova N. V., Strelkova E. A., Mikitiuk V. A., Vinogradova E. S. Trends in the development of self-employment in Russia. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economy & Entrepreneurship], 2023, no. 2 (151), pp. 346–349 (in Russian). <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.151.2.070>, EDN: SSEKYI
7. Bragina D. S. About self-employment of students. *VUZ i real'nyy biznes: Menedzhment, marketing, HR – 2021: materialy XIV Vseros. nauch.-prakt. konf. studentov (g. Perm', 15 aprelya – 20 maya 2021 g.)* [University and Real Business: Management, Marketing, HR – 2021: Proceedings of the XIV All-Russian scientific and practical conf. of students (Perm, April 15 – May 20, 2021). Perm, PNRPU Publ., 2021, vol. 1, pp. 116–120 (in Russian). EDN: TGXDME
8. Inozemtseva A. V. Freelancing as a frontier form of self-employment for young people. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* [Economy and Management: Problems, Solutions], 2024, vol. 6, no. 1 (142), pp. 83–89 (in Russian). <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.01.06.010>, EDN: ZVUMLM
9. Simonova E. V. State regulation of the self-employment institution in Russia: Economic and legal aspect. *Ekonomicheskaya sreda* [Economic Environment], 2022, no. 4 (42), pp. 11–20 (in Russian). <https://doi.org/10.36683/2306-1758/2022-4-42/11-20>, EDN: XABPAG
10. Zhukova Yu. D., Podmarkova A. S. Self-employed persons: Legal qualification of their activity and perspectives for formation of a special regime. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, vol. 13, no. 4, pp. 49–79 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.4.49.79>
11. Lysenkova E. N. On the issue of registration of labor relations with the selfemployed. *Chelovek. Sotsium. Obshchestvo* [Man. Society. Community], 2022, no. 12, pp. 87–92 (in Russian). EDN: ZBRRHO
12. Stoliar E. A., Patrushev M. S. Self-employed and employees: Risks of reclassifying relations into labor relations. *Aktual'nye voprosy publichnogo prava: materialy XXIII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh (Ekaterinburg, 14–15 noyabria 2024 g.)* [Current Issues of Public Law: Proceedings of the XXIII All-Russian scientific conference of students and young scientists (Ekaterinburg, November 14–15, 2024)]. Ekaterinburg, Ural State Law University Publ., 2024, pp. 1074–1081 (in Russian). EDN: PSWLAJ
13. Gromova O. N. The place of self-employed citizens in the system of labor relations. *Pravo i gosudarstvo: kul'turologicheskoe izmerenie: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 26 noiabria 2021 g. / nauchnye redaktory: R. A. Romashov, Z. N. Kalandarishvili, V. A. Kovalev [Romashov R. A., Kalandarishvili Z. N., Kovalev V. A. (eds.) Law and the State: The Cultural Dimension: Proceedings of the VI International scientific and practical conference (St. Petersburg, November 26, 2021)]. St. Petersburg, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions Publ., 2021, pp. 100–102 (in Russian). EDN: WZVMQE*
14. Moiseeva E. N., Chiranova I. P. Self-employed as pseudo-subjects of labor relations. *Economic Problems and Legal Practic*, 2022, vol. 18, no. 6, pp. 89–94 (in Russian). EDN: ZFCTFS
15. Belkin V. N., Belkin N. A. *Ekonomicheskaya teoriya truda* [Economic theory of labor]. Moscow, Ekonomika, 2007. 352 p. (in Russian).
16. Zemlyanukhina S. G. Property as a socio-economic form of the labor relations system: Evolution of research approaches. *Lomonosovskie chteniya-2021. Sektsiya ekonomiceskikh nauk. «Pokoleniya ekonomiceskikh idei»: sbornik luchshikh dokladov* [Lomonosov Readings-2021. Section of economic sciences. “Generations of Economic Ideas”: Collection of the Best Reports]. Moscow, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University Publ., 2021, pp. 429–439 (in Russian). EDN: TCFMQX
17. Marx C., Engels F. *Essays*. 2nd ed. Vol. 23. Moscow, Politizdat, 1960. 907 p. (in Russian).
18. Zemlianukhina S. G., Maksimovich L. V. *Samozanost' naseleniya v rossiyskoy ekonomike: formirovanie i regulirovanie* [Self-employment of the population in the Russian economy: Formation and regulation]. Saratov, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov Publ., 2007. 128 p. (in Russian). EDN: QSCRNN
19. Bogdanov I. *Sam sebe rezhisser: kak samozaniatye menyayut ekonomiku Rossii* (Be your own director: How the self-employed are changing Russia's economy). Available at: <https://www.rbc.ru/industries/news/65cc8fec9a79471f3a7c4101> (accessed February 12, 2025) (in Russian).
20. Zhuravlev P. V. Ownership as an ethical norm and a stereotype of thinking in the service sector. *VI Naydenovskie chteniya. Innovatsionnye protsessy i kul'tura predprinimatel'stva na potrebitel'skom rynke tovarov i uslug: Mezdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Sbornik nauchnykh statey prepodavately, aspirantov i studentov (Moskva, 16–18 aprelya 2014 g. / pod redaktsiei Yu. V. Ragulinoi [Ragulina Yu. V. (ed.) VI Naydenov Readings. Innovative Processes and Entrepreneurship Culture in the Consumer Market of Goods and Services: International scientific and practical conference. Collection of scientific articles by teachers, postgraduates and students (Moscow, April 16–18, 2014). Moscow, Nauchnaya biblioteka Publisher, 2014. pp. 93–94 (in Russian). EDN: TTSGBL*
21. Marx C., Engels F. *Essays*. 2nd ed. Vol. 26, pt. 1. Moscow, Politizdat, 1962. 509 c. (in Russian).
22. Matskulyak I. D. Permanence and flexibility of labor ownership. *Social & Labor Research*, 2024, no. 2 (55), pp. 8–14 (in Russian). <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-55-2-8-14>, EDN: WRAEPQ

23. Zemlyanukhina S. G. The system of reproduction of human resources: The evolution of property relations. In: *Chelovecheskiy potentsial v tsifrovoy ekonomike. Pod red. L. V. Sankovoy* [Sankova L. V. (ed.) Human potential in the digital economy]. Saratov, KUBiK, 2020, pp. 7–37 (in Russian).
24. Buzgalin A. V. Property as an object of theoretical research: Political economy and economic policy. *Economics of Contemporary Russia*, 2020, no. 4 (91), pp. 7–24 (in Russian). [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-4\(91\)-7-24](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-4(91)-7-24), EDN: MZRGQOQ
25. Androsov I. V. Shaping of the individual property within the process of formation of postindustrial economy. *Tambov University Review: Series Humanities*, 2009, iss. 5 (73), pp. 217–227 (in Russian). EDN: KZYZXR
26. Lebedev K. N. Is individual farming the most efficient form of management? *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], 2022, no. 1 (206). pp. 38–47 (in Russian). <https://doi.org/10.14451/1.206.38>, EDN: FPVNDF
27. Lebedev K. N. General economic law and historical series of modes of production from the point of view of the theory of alternative finance. *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], 2022, no. 10 (215), pp. 13–21 (in Russian). <https://doi.org/10.14451/1.215.13>
28. Vas'kina Yu. V. Retrospective analysis of understanding the self-employment phenomenon. *Sotsial'noe prostranstvo* [Social Space], 2023, vol. 9, no. 3, pp. 1–9 (in Russian). <https://doi.org/10.15838/sa.2023.3.39.10>, EDN: PDPJDQ. Alaviable at: <http://socialarea-journal.ru/article/29759> (accessed February 12, 2025).
29. Braslavskii A. L. The basic production relationship of the post-capitalist era of intellectualism. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economic Science of Modern Russia], 2008, no. 2 (41), pp. 111–126 (in Russian). EDN: JSKEAD

Поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 26.09.2025; принята к публикации 30.09.2025
The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 26.09.2025; accepted for publication 30.09.2025

УПРАВЛЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право.
2025. Т. 25, вып. 4. С. 375–386

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 375–386
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-375-386>
EDN: EPWSYL

Научная статья
УДК 338.26

Влияние развития цифровых платформ на эффективность налогового администрирования

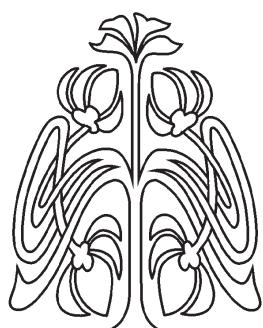
А. О. Рындина

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

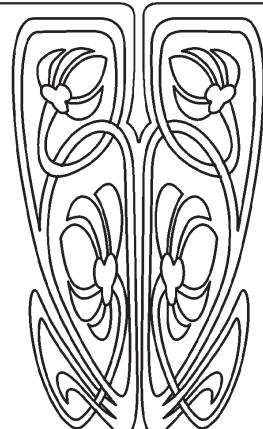
Рындина Александра Олеговна, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой финансов, кредита и налогообложения, ryndina-ao@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6327-0962>

Аннотация. Введение. Кадастровые системы являются краеугольным камнем государственной инфраструктуры, выполняя двойственную, но взаимосвязанную функцию: обеспечение фискальной устойчивости государства и гарантирование имущественных прав субъектов. Во-первых, они систематически формируют и администрируют налогооблагаемую базу. Это достигается через комплексную регистрацию, учет, пространственную локализацию и научно обоснованную стоимостную оценку всех видов недвижимого имущества (земельные участки, строения, помещения и др.), создавая верифицированную информационную базу данных. Во-вторых, кадастр выступает ключевым институтом гарантирования имущественных прав физических и юридических лиц. **Теоретический анализ.** Внедрение цифровой платформы «Национальная система пространственных данных» позволит сформировать универсальный инструмент, включающий унифицированные данные, предназначенные для агрегации, систематизации и обеспечения интероперабельности пространственных данных, генерируемых широким спектром федеральных органов исполнительной власти. Внедрение такой системы будет оказывать трансформирующее влияние на процедуры налогового администрирования и налогового контроля, что послужит катализатором перехода от дискретных и фрагментированных операционных процедур к интегрированной, аналитически обоснованной и высокоавтоматизированной парадигме фискального управления. На основе открытых данных был проведен анализ результатов внедрения системы пространственных данных и ее влияния на возможное повышение эффективности налогового администрирования имущественных налогов. **Результаты.** Проведенный анализ интеграции Национальной системы пространственных данных (НСПД) позволяет заключить, что данная система позиционируется как фундаментальная инфраструктурная компонента, консолидирующая разнородные пространственные данные и обеспечивающая формирование унифицированного информационного поля. Целью этого является существенная оптимизация качества и повышение эффективности государственного администрирования в сфере земельных отношений и управления объектами недвижимости. Эмпирический опыт Республики Татарстан, демонстрирующий позитивную корреляцию между имплементацией НСПД и динамикой фискальных поступлений (в частности, налоговых доходов), служит убедительной иллюстрацией имплицитного потенциала современных геоинформационных технологий, которые выступают в качестве мощного катализатора социально-экономического развития как отдельных регионов, так и государства в целом.

Ключевые слова: цифровизация, бюджет, налоговое администрирование, эффективность налогового контроля

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Для цитирования: Рындина А. О. Влияние развития цифровых платформ на эффективность налогового администрирования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 375–386. https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-375-386, EDN: EPWSYL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The impact of digital platform development on tax administration efficiency

A. O. Ryndina

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexandra O. Ryndina, ryndina-ao@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6327-0962>

Abstract. *Introduction.* Cadastral systems are the cornerstone of state infrastructure, performing a dual but an interconnected function: ensuring the fiscal stability of the state and guaranteeing the property rights of entities. Firstly, they systematically form and administer the taxable base. This is achieved through comprehensive registration, accounting, spatial localization and scientifically substantiated valuation of all types of real estate (land, buildings, premises, etc.), creating a verified information base. Secondly, the cadastre acts as a key institution for guaranteeing the property rights of individuals and legal entities. *Theoretical analysis.* The implementation of the digital platform "National Spatial Data System" will allow to create a universal tool including unified data intended for aggregation, systematization and ensuring interoperability of spatial data generated by a wide range of federal executive bodies. The implementation of such a system will have a transformative effect on tax administration and tax control procedures, which will serve as a catalyst for the transition from discrete and fragmented operational procedures to an integrated, analytically sound and highly automated paradigm of fiscal management. Based on open data, the analysis of the spatial data system implementation results and its impact on the possible increase in the efficiency of tax administration of property taxes was carried out.

Results. The conducted analysis of the National Spatial Data System (NSDS) integration allows us to conclude that this system is positioned as a fundamental infrastructure component consolidating heterogeneous spatial data and ensuring the formation of a unified information field. The purpose of this is to significantly optimize the quality and increase the efficiency of public administration in the field of land relations and management of real estate. The empirical experience of the Republic of Tatarstan, demonstrating a positive correlation between the implementation of the NSPD and the dynamics of fiscal revenues (in particular, tax revenues), serves as a convincing illustration of the implicit potential of modern geoinformation technologies, which act as a powerful catalyst for the socio-economic development of both individual regions and the state as a whole.

Keywords: digitalization, budget, tax administration, tax control efficiency

For citation: Ryndina A. O. The impact of digital platform development on tax administration efficiency. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 375–386 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-375-386>, EDN: EPWSYL
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Развитие цифровых технологий неразрывно связано с инвестиционной средой внутри страны. Ключевую роль в данном аспекте играет государство, которое определяет инвестиционную политику, задает рамочные положения для регулирования отрасли, обозначает «узкие места» в развитии, определяет точки роста и поддерживает инновационное развитие всей системы цифровизации государства [1, с. 136].

Кадастровые системы, функционирующие в каждой стране мира, представляют собой краеугольный камень современной государственной инфраструктуры, обладающий двойственным, но неразрывно связанным назначением. Они выступают в качестве центрального механизма, обеспечивающего как фискальную устойчивость государства, так и защиту имущественных прав субъектов гражданского

оборота. Опираясь на открытые данные, можно выделить следующие основные функции кадастровых систем.

Во-первых, фундаментальной функцией современных кадастровых систем является систематизированное формирование, постоянное обновление и эффективное администрирование налогооблагаемой базы. Этот процесс реализуется посредством интегрированного учетно-регистрационного цикла, который включает комплексную регистрацию, детализированный учет, прецизионную пространственную локализацию и научно обоснованную стоимостную оценку всех категорий объектов недвижимого имущества. К таким объектам относятся земельные участки, капитальные строения, обособленные помещения, объекты незавершенного строительства и прочие элементы, подлежащие обязательной государственной регистрации. Результатом данного комплекса

операций является формирование верифицированной, актуальной и многоаспектной информационной базы данных.

Эта информационная база является императивным условием для корректного начисления, эффективного администрирования и своевременного взимания имущественных налогов и сопутствующих сборов. В контексте фискальной политики именно эти поступления выступают ключевым детерминантом наполнения бюджетов различных иерархических уровней государственного управления. Таким образом, посредством предоставления достоверных, систематизированных и оперативных данных кадастровые системы прямым образом способствуют достижению макроэкономической предсказуемости и обеспечению фискальной стабильности государства, являясь неотъемлемым элементом для стратегического налогового планирования и эффективной имплементации налоговой политики

Во-вторых, кадастровые системы детерминируются как ключевой институциональный механизм, обеспечивающий надежность, прозрачность и гарантированность имущественных прав субъектов гражданского оборота, а именно физических и юридических лиц. Они выступают в роли универсального, публичного и эксклюзивного источника юридически релевантной и императивной информации относительно правового статуса, совокупности технических и пространственных характеристик, точных территориальных границ и юридической принадлежности объектов недвижимого имущества.

Процесс внесения сведений об объекте в интегрированные кадастровые реестры, осуществляемый с неукоснительным соблюдением всех положений действующего национального законодательства и нормативно-правовых актов, является фундаментальным актом, который придает объекту недвижимости не только формальную легитимность, но и гарантирует его юридическую «чистоту». Эта «чистота» подразумевает отсутствие обременений, не разрешенных споров или притязаний, а также подтверждает его соответствие установленным стандартам и нормам, что существенно снижает транзакционные риски и повышает инвестиционную привлекательность объекта в контексте любых юридически значимых действий. В результате кадастровая система нивелирует информационную асимметрию,

обеспечивая безопасность и предсказуемость гражданско-правовых отношений в сфере оборота недвижимости.

Принимая во внимание экономическую перспективу, комплекс функций, обеспечиваемых кадастровыми системами, детализируется следующим образом.

- Правовая определенность и снижение транзакционных издержек, т.е. кадастровые системы предоставляют каждому экономическому агенту (физическому или юридическому лицу) возможность получения официально верифицированного, государственно гарантированного подтверждения их вещных прав на объекты недвижимого имущества. С экономической точки зрения это приводит к существенному снижению транзакционных издержек, сопряженных с поиском и проверкой информации о правовом статусе объекта, его собственнике и наличии обременений. Нивелирование информационной асимметрии между участниками рынка минимизирует риски возникновения дорогостоящих судебных споров о праве собственности и снижает потребность в избыточных затратах на юридическую экспертизу. В результате повышается эффективность рынка недвижимости, облегчается процесс формирования капитала за счет использования недвижимости в качестве залогового обеспечения и оптимизируется аллокация ресурсов. Минимизация рисков возникновения споров о собственности благодаря кадастровой регистрации прямо способствует устранению неточностей в реестрах налогоплательщиков, повышая точность и полноту налогового учета и снижая потенциал для налогового уклонения через оспаривание правового статуса имущества.

- Защита от несанкционированных посягательств и снижение инвестиционных рисков, в том числе принцип обязательной государственной регистрации прав и публичности сведений в кадастровых реестрах формирует мощный институциональный барьер, который эффективно предотвращает мошеннические действия, нелегитимные транзакции и незаконное отчуждение имущества. С экономической точки зрения это существенно снижает инвестиционные риски, ассоциированные с приобретением или использованием недвижимости. Предприятия и индивидуальные инвесторы получают более высокую степень уверенности в сохранности своих активов, что

напрямую стимулирует капиталовложения в недвижимый сектор экономики. Превенция мошенничества также сокращает потенциальные экономические потери как для частных лиц, так и для государства, уменьшая необходимость в дорогостоящих мерах по возмещению ущерба и укрепляя доверие к институту частной собственности. С точки зрения налогового контроля такая защита обеспечивает целостность и достоверность фискальных данных об имуществе. Надежность кадастровых записей позволяет налоговым органам оперативно выявлять любые попытки манипуляций с правовым статусом объектов, что способствует эффективному противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и снижает риски для бюджетной системы, связанные с непоступлением законных налоговых платежей.

3. Транспарентность гражданского оборота и повышение ликвидности активов, т.е. формирование и поддержание актуальной, всеобъемлющей и общедоступной базы кадастровых данных создает условия для полной транспарентности всех операций с недвижимым имуществом (купля-продажа, аренда, залог, наследование и др.). Экономически это способствует повышению ликвидности объектов недвижимости, поскольку потенциальные покупатели, инвесторы или кредиторы могут быстро и достоверно оценить правовой и физический статус актива. Уменьшение неопределенности и повышение информативности рынка приводит к снижению премии за риск, которая могла бы быть заложена в ценообразование, и увеличению рыночной стоимости активов. Укрепление доверия между контрагентами стимулирует развитие рынка недвижимости, привлекая как внутренних, так и внешних инвесторов, и способствует более эффективному ценообразованию. Для налогового администрирования это имеет критическое значение, поскольку позволяет осуществлять оперативный мониторинг налогооблагаемых событий. Каждая зарегистрированная сделка или изменение правового статуса объекта может быть основанием для возникновения налоговых обязательств (например, налог на доходы от продажи имущества, налог на имущество организаций, земельный налог). Прозрачность гражданского оборота дает налоговым органам возможность своевременно выявлять эти события, проводить корректную оценку

рыночной стоимости объектов для целей налогообложения и обнаруживать факты занижения налоговой базы или недекларирования доходов, способствуя повышению налоговой дисциплины и демаргинализации теневых операций на рынке недвижимости.

4. Исполнимость правовых решений и укрепление кредитного рынка, в том числе легитимированные и зарегистрированные в кадастровых реестрах права собственности, а также точные характеристики объектов недвижимости служат императивной и неоспоримой основой для принятия и последующей эффективной реализации судебных решений и процедур исполнительного производства. С экономической точки зрения это критически важно для обеспечения обязательств, особенно в сфере кредитования, где недвижимость часто выступает в качестве залога. Высокая степень исполнимости правовых решений снижает кредитные риски для финансовых учреждений, что, в свою очередь, способствует снижению процентных ставок, увеличению доступности кредитов и стимулированию инвестиций в реальный сектор экономики. Таким образом, кадастровая система укрепляет стабильность финансовой системы и способствует более эффективному функционированию кредитного рынка. В контексте налогового администрирования это критически важно для обеспечения исполнимости налоговых обязательств и эффективного принудительного взыскания налоговых недоимок. В случае неуплаты имущественных налогов кадастровые данные позволяют налоговым органам инициировать исполнительное производство, налагать обременения на имущество, использовать его в качестве залогового обеспечения долга или, при необходимости, прибегать к процедуре принудительной реализации для погашения налоговой задолженности. Это снижает риски неплатежей и укрепляет фискальную суверенность государства, гарантируя поступление предусмотренных законом доходов в бюджет.

Таким образом, кадастровые системы во всех странах мира играют фундаментальную роль не только в формировании фискальной основы государства, но и в обеспечении стабильности правовых отношений, защите частной собственности и стимулировании экономического развития через создание прозрачной и надежной среды для операций с недвижимым имуществом.

Теоретический анализ

С начала 2000-х гг. большое внимание стало уделяться разработке различных целевых программ в данной отрасли. Появилась потребность создания удобной и прозрачной системы сбора и обмена информацией, при которой будет более упрощенный и понятный способ получения государственной услуги [2, с. 720].

К 2030 г. в России в рамках госпрограммы «Национальная система пространственных данных» будет создана единая цифровая платформа пространственных данных и электронная картографическая основа. Эти ресурсы объединят информацию об объектах недвижимости, зарегистрированных правах и государственной кадастровой оценке.

Данные о внешней среде объектов недвижимости, об объектах оценки, объектах-аналогах выступают основой для осуществления расчетов кадастровой стоимости земельных участков и их улучшений. На сегодняшний день в России нет единой информационной системы, которая содержала бы все указанные сведения в максимально полном объеме и в актуальном состоянии [3, с. 66].

Кроме того, планируется расширить возможности получения этих услуг в электронном формате. Государственная программа направлена на достижение национальных целей развития страны – «Цифровая трансформация» и «Комфортная и безопасная среда для жизни», определенных Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Федеральной службой по интеллектуальной собственности 18 декабря 2023 г. проведена государственная регистрация Федеральной государственной информационной системы «Единая цифровая платформа “Национальная система пространственных данных”» (ФГИС ЕЦП НСПД). Правообладателем является Российская Федерация в лице Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. Программа предназначена для сбора, хранения, обработки, предоставления пространственных данных, а также государственных и муниципальных услуг. Состав (подсистемы):

- обработки и хранения данных; геоинформационная; верификации и сопоставления данных;

- настройки и конфигурирования; информационного взаимодействия; пользовательской поддержки и смарт-коммуникаций; анализа данных и формирования аналитики;

- инструментов геокодирования; машинного обучения; начислений и платежей за услуги¹.

В рамках двустороннего сотрудничества Росреестр взаимодействует с аналогичными правительственные структурами Армении, Беларуси, Швеции, Польши. Представители Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии принимают активное участие в работе Международного координационного комитета по управлению памятником ЮНЕСКО «Геодезическая дуга Струве» [4, с. 111].

Следовательно, развитие использования технологий искусственного интеллекта в России намечается и в области контрольных мероприятий по выявлению нарушений обязательных требований использования земель, а также при предоставлении государственных массовых услуг в сфере земельно-имущественных отношений [5, с. 24].

Искусственный интеллект – это информационно-компьютерная система, способная на интеллектуальном уровне выполнять действия, свойственные человеческому мозгу, самообучаться, принимать решения и управлять различными, в том числе экономическими процессами [6, с. 147].

Согласно концепции цифровой трансформации налогового администрирования, предложенной специалистами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), необходимо выделить следующие основные направления: цифровая идентификация налогоплательщиков; трансформация модели взаимодействия налоговых администраций и налогоплательщиков; сервисы, применяемые для разъяснения налоговых правил; трансформация структуры управления; выработка новых навыков и технических решений; доступ к информации в целях осуществления налогового администрирования [7, с. 41].

Наиболее существенные изменения в механизме налогового контроля в последнее де-

¹ О федеральной государственной информационной системе «Единая цифровая платформа “Национальная система пространственных данных”» : постановление Правительства РФ от 07.06.2022 № 1040. URL: <http://static.government.ru/media/files/c2VDSPPhSoHmwq5vGwbTcpfKnzO1cn3.pdf> (дата обращения: 10.07.2025).

сятилетие так или иначе связаны с внедрением в деятельность налоговых органов цифровых технологий. Любой рода технологические средства традиционно рассматриваются в контексте правовой науки в качестве вспомогательных средств, способствующих решению целей и задач правового регулирования, однако в случае с налоговыми правоотношениями можно предполагать, что внедрение технологий выступает и в качестве причины для трансформации налоговых отношений [8, с. 638].

Наличие информационных систем, различных источников информации, автоматизированных программ значительно упрощает обмен информацией. Этот метод применяется для оперативного доведения важных сведений до налогоплательщиков. Информационные ролики, образцы заполнения документов должны быть доступны любому заинтересованному лицу [9, с. 155].

Внедрение цифровой платформы «Национальная система пространственных данных» позволит сформировать универсальный инструмент, включающий унифицированные данные, предназначенные для агрегации, систематизации и обеспечения интероперабельности пространственных данных, генерируемых широким спектром федеральных органов исполнительной власти. Внедрение такой системы будет оказывать трансформирующее влияние на процедуры налогового администрирования и налогового контроля, что послужит катализатором перехода от дискретных и фрагментированных операционных процедур к интегрированной, аналитически обоснованной и высокоавтоматизированной парадигме фискального управления.

В частности, предполагается охват сведений Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ о территориальном планировании, объектах капитального строительства и градостроительном зонировании; Министерства природных ресурсов и экологии РФ и Министерства сельского хозяйства РФ – об особо охраняемых природных территориях, режимах природопользования и землях сельскохозяйственного назначения, Министерства культуры РФ – об объектах культурного наследия и их охранных зонах. Федеральная налоговая служба интегрирует актуальный адресный реестр, критически важный для налогового учета и пространственной привязки, а Федеральное агентство по управ-

лению государственным имуществом – данные о госсобственности. Дополнительно система консолидирует информацию государственных лесного и водного фондов, недропользования, а также материалы дистанционного зондирования Земли для комплексного анализа и динамического мониторинга территорий

Следовательно, формируемая платформа представляет собой комплексную, семантически интегрированную и многослойную геоинформационную систему, призванную обеспечить единое информационное поле пространственных данных, способствующее повышению эффективности государственного управления и оптимизации процессов принятия решений на всех уровнях

В декабре 2022 г. был дан старт реализации национальной цифровой платформы в пилотном режиме. В число регионов, на территории которых началось внедрение Национальной системы пространственных данных, вошли 20 субъектов Российской Федерации, такие как Республика Бурятия, Приморский край, Республика Татарстан, Краснодарский край, Пермский край, Иркутская область, Хабаровский край и др. Цель данного этапа заключалась в верификации функционала платформы, оценке ее производительности и выявлении методологических и технических аспектов, требующих доработки, в условиях реальной эксплуатации.

Заявление главы Министерства земельных и имущественных отношений Республики Татарстан Азата Кадырова относительно детерминирующего влияния имплементации НСПД на оптимизацию процессов налогового администрирования и, как следствие, на увеличение доходной части бюджета от имущественных налогов является значимым индикатором для всех субъектов Российской Федерации. Следует отметить, что имущественные налоги выступают не основным бюджетообразующим, но стабильным источником, что подтверждается динамикой их доли в структуре консолидированного бюджета субъектов РФ в 2015–2023 гг., которая составляет от 6 до 7% [10, с. 100]. Это эмпирическое подтверждение акцентирует внимание на том, что капиталовложения в передовые геоинформационные технологии (ГИТ) – это не просто инструментарий для высокоточного кадастрового учета земельных участков и объектов недвижимости. Более того, эти инвестиции представляют собой мощный катализатор повышения комплексной

экономической эффективности территорий. Внедрение подобных систем способствует повышению прозрачности управления земельно-имущественным комплексом, минимизации числа неучтенных объектов налогообложения, более точной оценке кадастровой стоимости и, как результат, расширению налогооблагаемой базы и оптимизации налоговых поступлений в бюджеты различных уровней. Таким образом, ГИТ трансформируются из узкоспециализированного учетного инструмента в стратегический фактор территориального развития и экономической стабилизации.

Функционирование Национальной системы пространственных данных основано на принципах прецизионного геопространственного учета и динамического обновления данных, обеспечивая комплексную инвентаризацию земельных участков, объектов капитального строительства (ОКС) и сопутствующей атрибутивной информации об их правообладателях. Данная интегративная функциональность позволяет осуществлять систематическое выявление и идентификацию как ранее неучтенных или некорректно зарегистрированных объектов налогообложения в реестрах недвижимости, так и нерационально используемых или полностью неэксплуатируемых земельных ресурсов, потенциально подлежащих перераспределению или вовлечению в экономический оборот, а также прецедентов неполного или отсутствующего налогового учета объектов недвижимого имущества, свидетельствующих о потенциальном уклонении от налоговых обязательств.

Повышение верифицируемости и валидности оценочной стоимости имущества, достигаемое посредством унификации методологий и доступа к комплексным данным в рамках НСПД, критически важно для корректного формирования налогооблагаемой базы. Это минимизирует риски преднамеренного или не-преднамеренного занижения кадастровой или рыночной стоимости объектов, что напрямую предотвращает недополучение налоговых поступлений и обеспечивает полноту доходов бюджетной системы.

Обеспечение унифицированного доступа к релевантной, актуальной и достоверной геопространственной информации через НСПД должно существенно повысить и инвестиционную привлекательность регионов. Благодаря НСПД существует возможность провести полноценный анализ объектов недвижимости, их общие

характеристики с учетом градостроительной информации или документации. Ученые территориальные зоны позволяют рассмотреть земельные участки качественно и применить данные сведения в дальнейшей работе [11, с. 486]. Минимизация информационных асимметрий и снижение транзакционных издержек для потенциальных инвесторов, обусловленные прозрачностью сведений о земельных участках и объектах капитального строительства, формируют более предсказуемую и безопасную инвестиционную среду. Это должно стимулировать предпринимательскую активность, способствовать диверсификации экономической структуры и генерации новых рабочих мест, в том числе высококвалифицированных. В конечном итоге этот синергетический эффект может привести к расширению налогооблагаемой базы и устойчивому росту налоговых поступлений, обеспечивая долгосрочный налоговый эффект и способствуя устойчивому социальному-экономическому развитию региона

Опыт Республики Татарстан, связанный с внедрением и опытной эксплуатацией Национальной системы пространственных данных, представляет собой ценное эмпирическое подтверждение стратегической значимости данной инициативы для повышения комплексной экономической эффективности регионов. В этой связи другим субъектам Российской Федерации целесообразно изучать накопленный передовой опыт и интенсифицировать процессы имплементации НСПД, акцентируя внимание на следующих критически важных аспектах.

1. Фундаментальным условием для повышения операционной эффективности и реализации синергетического потенциала НСПД является обеспечение ее глубокой и бесшовной интероперабельности с существующими информационными системами федерального и регионального уровней.

2. Успешное функционирование и максимальная реализация потенциала НСПД напрямую зависят от уровня компетентности кадрового состава, работающего с данной системой. В этой связи необходимо создание и внедрение специализированных программ повышения квалификации и переподготовки для государственных гражданских служащих, сотрудников налоговых органов, органов местного самоуправления, специалистов Росреестра, кадастровых инженеров и других стейкхолдеров.

3. Для обеспечения легитимности, принятия и устойчивости функционирования НСПД в широком масштабе критически важным является разработка и реализация всеобъемлющей коммуникационной стратегии, которая должна предусматривать систематическое и целенаправленное информирование широкой общественности, включая субъекты предпринимательской деятельности, гражданское общество и потенциальных инвесторов, о целях, функциональных возможностях, преимуществах и перспективах НСПД посредством использования разнообразных каналов информации – от официальных пресс-релизов и веб-порталов до публичных лекций, семинаров, социальных медиа и интерактивных демонстраций – для охвата максимально широкой аудитории. Эффективное информационное сопровождение способствует минимизации сопротивления изменениям, формированию позитивного общественного мнения, обеспечению более широкого вовлечения стейкхолдеров в процессы цифровой трансформации и в конечном итоге повышению собираемости налогов за счет информированности и добровольного исполнения налоговых обязательств.

На 12-м заседании межведомственной рабочей группы по координации мероприятий, направленных на развитие и обеспечение функционирования ФГИС «Единая цифровая платформа “Национальная система пространственных данных”» в регионах России, было отмечено: «По итогам 2024 года Единая цифровая платформа НСПД внедрена в 53 регионах страны при плановом значении 20. На текущий момент НСПД интегрирована с 27 федеральными и 80 региональными информационными системами. На базе платформы для государства, граждан и бизнеса доступно 20 электронных сервисов. В рамках третьей очереди в 2025–2026 гг. ФГИС ЕЦП НСПД будет внедрена еще в 11 регионах, развитие получат десять подсистем и 12 цифровых сервисов, еще 6 сервисов будут созданы дополнительно. Ключевая задача до конца 2025 года – разработка и запуск на базе НСПД подсистемы рынка недвижимости, предназначеннной для расчета кадастровой стоимости»².

² Росреестр озвучил промежуточные результаты реализации проекта Национальной системы пространственных данных // Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии РФ : [сайт]. URL: <https://rosreestr.gov.ru/press/archive/rosreestr-ozvuchil-promezhutochnye-rezulaty-realizatsii-proekta-natsionalnoy-sistemy-prostranstvenn/> (дата обращения: 03.07.2025).

Внедрение современных систем пространственных данных, таких как НСПД, оказывает трансформирующее влияние и на эффективность налогового администрирования имущественных налогов, обеспечивая переход от дискретных и фрагментированных процессов к интегрированной, аналитически обоснованной и автоматизированной парадигме.

Налаженное налоговое администрирование обеспечивает финансовую устойчивость государства, поддержку социальных программ и инфраструктуры, регулирование экономической активности, а также создание равных условий для всех участников рынка [12, с. 350].

В первую очередь, интеграция данной системы окажет влияние на выявление неучтенных объектов, так как позволит проводить прецизионную инвентаризацию территории посредством интеграции данных дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ), аэрофотосъемки, сведений из различных государственных информационных систем (ЕГРН, ГИС ЖКХ, системы градостроительной деятельности и т.д.). Это даст возможность идентифицировать объекты капитального строительства и земельные участки, которые либо не были зарегистрированы вовсе («призрачные объекты»), либо их характеристики (площадь, назначение, фактическое использование) существенно отличаются от заявленных в официальных реестрах. Таким образом, НСПД расширяет налогооблагаемую базу за счет вовлечения ранее не облагаемых активов.

Эффективное налоговое администрирование имущественных налогов должно рассматриваться как совокупность мероприятий контрольно-надзорных органов по управлению налоговыми отношениями при осуществлении контроля за полнотой уплаты имущественных налогов, основанного на развитии сервис-ориентированных методов взаимодействия с налогоплательщиками. В качестве целевого ориентира налогового контроля в сфере имущественных налогов можно обозначить выявление объектов, не привлеченных к налогообложению [13, с. 11].

Для вывода объектов налогообложения из «тени» планируется корректировка законодательства, в результате чего будут приняты новые нормативные акты, направленные на упрощение или обязательное внесение данных о правах собственности на объекты капитального строительства в ЕГРН, а также на узаконивание самовольных построек. Органы государствен-

ной власти и местного самоуправления получат право требовать снос незаконно возведенных строений. При этом изменения не затронут объекты недвижимости, по которым уже оформлены права, зафиксированные в технических документах БТИ. Уточнение статуса объектов, права на которые не зарегистрированы в ЕГРН, будет возложено на органы власти и самоуправления [14, с. 302].

Систематическое обновление пространственных данных позволит обеспечить динамический мониторинг изменений характеристик объектов (например, самовольное строительство, реконструкция, изменение площади, вида разрешенного использования земельного участка), что будет способствовать оперативной корректировке налоговой базы и предотвращению недополучения доходов, связанных с устаревшими или некорректными данными.

Система пространственных данных является фундаментальной основой для реализации геостатистических моделей массовой кадастровой оценки. Она предоставляет богатый набор пространственных атрибутов (расположение относительно инфраструктуры, транспортной доступности, зон с особыми условиями использования территорий, градостроительных регламентов, рыночных индикаторов и т.д.), которые могут быть интегрированы в оценочные алгоритмы. Это позволит проводить более объективную, справедливую и обоснованную оценку кадастровой стоимости объектов, минимизируя возможности для занижения оценочной стоимости и, как следствие, предотвращая налоговые потери.

В связи с тем, что местоположение значительного числа зон еще не определено в соответствии с действующим законодательством, но при этом с точки зрения рисков для предпринимателей информация об их местоположении, пусть даже определенная предварительно, на основе информации о местоположении пространственных объектов и правил образования зон, значима, то соответствующий сервис может быть полноценно реализован именно как сервис поддержки работы с рисками на основе государственно-частного партнерства (государственные информационные ресурсы содержат лишь часть информации, значимой для поддержки работы с рисками) [15, с. 90].

Система пространственных данных может обеспечить возможность автоматизированной кросс-верификации информации об объектах на-

логообложения с данными о правообладателях из Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН), Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) и физических лиц (ЕГР ЗАГС, ФНС). Это позволит устраниТЬ ошибки в идентификации налогоплательщиков, выявить случаи, когда объект не ассоциирован с конкретным плательщиком, и обеспечить полноту учета налоговых обязательств.

Кроме того, интеграция и централизация пространственных данных позволит значительно сократить объем ручного труда, дублирование функций и бумажный документооборот в налоговых органах. Автоматизация процессов формирования налоговых уведомлений, сверки данных и обработки запросов повышает операционную эффективность, а также может стать единым источником достоверных пространственных данных для различных ведомств (налоговая служба, Росреестр, органы местного самоуправления, кадастровые инженеры), обеспечивая бесшовный обмен информацией и устраняя информационные асимметрии.

В этом контексте налоговые органы получают возможность использовать пространственные данные для целевого планирования выездных проверок, идентификации зон повышенного риска недоимки и более эффективного распределения ресурсов.

Помимо этого, налогоплательщики могут получить возможность доступа к информации, на основе которой формируется их налоговое обязательство, что повышает доверие к налоговой системе. Возможность визуализации и анализа данных позволяет им самостоятельно проверять корректность расчетов и оспаривать их при наличии обоснованных причин.

Объективность и обоснованность кадастровой оценки, подтвержденная пространственными данными, позволит сократить количество спорных ситуаций и апелляций, упрощая процесс досудебного и судебного урегулирования.

Косвенным результатом повышения эффективности налогового администрирования на основе системы пространственных данных может стать доступность актуальной и верифицированной информации о земельных участках, обременениях, границах, виде разрешенного использования и правообладателях, что снижает инвестиционные риски и повышает привлекательность инвестиций, стимулируя развитие предпринимательской деятельности и создание новых рабочих мест.

Активизация экономической деятельности и приток инвестиций могут способствовать увеличению общего объема оборота недвижимости и, как следствие, долгосрочному росту налоговых поступлений по имущественным налогам и другим налоговым сборам.

Реализация проекта по созданию и внедрению НСПД обусловлена необходимостью формирования новых подходов к управлению земельными ресурсами, основанных на масштабном коммуникативном взаимодействии государства, бизнеса и граждан, сельскохозяйственных организаций и крестьянских (фермерских) хозяйств в целях обеспечения своевременного, полного и актуального информационного обеспечения вопросов управления земельными ресурсами, регулирования земельных отношений [16, с. 68].

Внедрение систем пространственных данных в налоговое администрирование имущественных налогов является не просто техническим усовершенствованием, а стратегическим императивом, который трансформирует систему от реактивного сбора к проактивному управлению налоговым потенциалом территорий, повышает справедливость налогообложения, способствует борьбе с теневой экономикой и формирует основу для устойчивого социально-экономического развития

Результаты

В соответствии с положениями Федерального закона № 317-ФЗ, вступившего в силу с 1 января 2025 г., установлена императивная норма об использовании Национальной системы пространственных данных в процессе осуществления государственных и муниципальных функций. Данное законодательное нововведение направлено на унификацию и повышение эффективности предоставления публичных услуг, обеспечивая их единообразный подход на федеральном и региональном уровнях.

Разработка проекта нормативного правового акта Правительства Российской Федерации, призванного детерминировать исчерпывающий перечень из 64 релевантных услуг в сфере земельно-имущественных отношений, находится на завершающей стадии. Данный перечень включает в себя ключевые сервисы, затрагивающие вопросы кадастрового учета, регистрации прав на недвижимое имуще-

ство, предоставления земельных участков, градостроительного регулирования и иной деятельности, требующей оперирования пространственными данными.

Имплементация данного подхода предоставит уполномоченным органам государственной власти возможность формирования управлеченческих решений, базирующихся на верифицированных, всеобъемлющих и актуализированных пространственных данных, аккумулируемых указанной Платформой. Это критически важно для обеспечения:

– *повышения достоверности и полноты информации.* Централизованное хранение и обновление данных в НСПД минимизирует риски использования устаревшей или фрагментированной информации, что является основой для принятия корректных правовых и административных решений;

– *оптимизации процессов принятия решений.* Доступ к интегрированной и систематизированной пространственной информации значительно сокращает временные затраты на ее сбор и анализ, ускоряя административные процедуры;

– *единообразия применения норм.* В частности, использование стандартизированного инструментария и единой базы данных способствует унификации подходов к предоставлению услуг по всей территории Российской Федерации, снижая вариативность интерпретации законодательных и нормативных актов;

– *прозрачности и контроля.* Централизованная система позволяет повысить прозрачность деятельности органов власти и обеспечивает механизмы контроля за соблюдением регламентов при оказании услуг.

Таким образом, Национальная система пространственных данных выступает в качестве фундаментальной инфраструктурной компоненты, интегрирующей пространственные данные и обеспечивающей формирование единого информационного поля для повышения качества и эффективности государственного управления в сфере земли и недвижимости.

Нужно отметить, что успешный опыт Республики Татарстан в контексте увеличения налоговых поступлений, достигнутый благодаря внедрению НСПД, является убедительным примером потенциала современных геоинформационных технологий как мощного фактора экономического развития регионов и страны в целом.

Список литературы

1. Попов С. О. Роль государства в развитии инвестиций в цифровой экономике России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 135–140. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-2-135-140>
2. Лобанова В. Е. Индустрия 4.0. Использование новых цифровых платформ в сфере земельно-имущественных отношений // Эволюция российского права : материалы XX Междунар. науч. конф. молодых ученых и студентов. Екатеринбург : Издво Уральского гос. юрид. ун-та, 2022. С. 720–724. EDN: OVVPHK
3. Пылаева А. В., Кольченко О. В. Мониторинг рынка недвижимости в условиях создания национальной системы пространственных данных // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. 2023. Т. 1, № 2. С. 65–73. <https://doi.org/10.33764/2618-981X-2023-1-2-65-73>, EDN: YZWJXP
4. Мартынова Е. В. Направления формирования и обеспечения качества Национальной системы пространственных данных // Теория и практика общественного развития. 2023. № 4 (182). С. 109–114. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.4.14>, EDN: XYKMUI
5. Пылаева А. В., Акинин М. В. Искусственный интеллект и нейронные сети – инструменты кадастровой оценки недвижимости в составе Национальной системы пространственных данных // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 4 (271). С. 23–31. <https://doi.org/10.24412/2072-4098-2024-4271-23-31>
6. Красильников О. Ю. Роль искусственного интеллекта в развитии экосистем в российской экономике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 146–152. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-146-152>, EDN: GQSWPT
7. Баташев Р. В., Тухугов Я. Ш. Перспективы цифровой трансформации налогового администрирования в рамках налоговой концепции ОЭСР // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 12–2 (118). С. 40–43.
8. Цельникер Г. Ф., Мурзагалиев Р. Т. Перспективы совершенствования налогового контроля в РФ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 638–641. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_3_638
9. Коробова А. П., Свирилова А. В. Методы повышения эффективности работы налоговых органов при взимании налога на имущество организаций // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5. С. 153–155. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_153, EDN: FCJWTV
10. Богачев С. В., Мандрошенко О. В., Антонова М. Б. Аспекты использования геоинформационных технологий при администрировании имущественных налогов // Экономические системы. 2024. Т. 17, № 1 (64). С. 99–106. <https://doi.org/10.29030/2309-2076-2024-17-1-99-106>
11. Щораева Э. Н., Межян С. А. Анализ соблюдения правил землепользования и застройки при реализации инвестиционного проекта // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. № 12 (170). С. 483–494. <https://doi.org/10.26726/trpe2024v12aspzz>, EDN: KOCVMI
12. Узденова Ф. М., Семенова Л. У., Мамхягов М. А. Налоговое администрирование в обеспечении налоговых поступлений // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 2 (52). С. 349–353. EDN: DHJECW
13. Баснукаев М. Ш., Ибрагимов М. А. Налоговое администрирование имущественных налогов и налоговая безопасность региона // Вестник КНИИ РАН. Серия «Социальные и гуманитарные науки». 2025. № 2 (13). С. 9–14. <https://doi.org/10.69537/VKNIRAN.GUMNAUKI.2025.13.2.001>
14. Шафеева Э. И., Фазлиахметова А. Р. Государственная программа «Национальная система пространственных данных» и проблемы, возникающие при её реализации // Российский электронный научный журнал. 2025. № 2 (56). С. 299–307. <https://doi.org/10.31563/2308-9644-2025-56-2-299-307>
15. Анашкин П. А., Казанцев Н. Н., Серебряков С. В. Информационное обеспечение задач управления в условиях цифровой трансформации // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. 2022. Т. 1. С. 86–92. <https://doi.org/10.33764/2618-981X-2022-1-86-92>, EDN: BGBYPZ
16. Барсукова Г. Н., Карпенко А. А., Пузанова Д. С. Роль национальной системы пространственных данных в управлении земельными ресурсами, регулировании земельно-имущественных отношений // Московский экономический журнал. 2025. Т. 10, № 1. С 57–73. https://doi.org/10.55186/2413046X_2025_10_1_5

References

1. Popov S. O. The state role in the investments development in Russia's digital economy. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 135–140 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-2-135-140>
2. Lobanova V. E. Industry 4.0. The use of new digital platforms in the field of land and property relations. *Evolyutsiya rossiyskogo prava: materialy XX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh i studentov* [Evolution of Russian Law: Proceedings of the XX International scientific conferences of young scientists and students]. Ekaterinburg, Ural State Law University Publ., 2022, pp. 720–724 (in Russian). EDN: OVVPHK
3. Pylaeva A.V., Kolchenko O. V. Monitoring of the real estate market in the context of the creation of the national system of spatial data. *Interexpo*

- GEO-Siberia*, 2023, vol. 1, no. 2, pp. 65–73 (in Russian). <https://doi.org/10.33764/2618-981X-2023-1-2-65-73>, EDN: YZWJXP
4. Martynova E. V. The formation and quality assurance directions of the National Spatial Data Infrastructure. *Theory and Practice of Social Development*, 2023, no. 4 (182), pp. 109–114 (in Russian). <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.4.14>, EDN: XYKMUI
  5. Pylaeva A. V., Akinin M. V. Artificial Intelligence and Neural Networks – Tools for Cadastral Valuation of Real Estate as Part of the National Spatial Data System. *Property Relations in the Russian Federation*, 2024, no. 4 (271), pp. 23–31 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2072-4098-2024-4271-23-31>
  6. Krasilnikov O. Yu. The role of artificial intelligence in the development of ecosystems in the Russian economy. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 146–152 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-146-152>, EDN: GQSWPT
  7. Batashev R. V., Tukhugov Ya. Sh. Prospects for the Digital Transformation of Tax Administration within the Framework of the OECD Tax Concept. *Economy and Business: Theory and Practice*, 2024, no. 12–2 (118), pp. 40–43 (in Russian).
  8. Tselniker G. F., Murzagaliev R. T. Prospects for improving tax control in the Russian Federation. *Law and State: Theory and Practice*, 2025, no. 3, pp. 638–641 (in Russian). https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_3_638
  9. Korobova A. P., Sviridova A. V. Methods of increasing the efficiency of tax authorities in collecting corporate property tax. *Law and State: Theory and Practice*, 2024, no. 5, pp. 153–155 (in Russian). https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_153, EDN: FCJWTV
  10. Bogachev S. V., Mandroshchenko O. V., Antonova M. B. Aspects of the use of geoinformation technologies in the administration of property taxes. *Economic Systems*, 2024, vol. 17, no. 1 (64), pp. 99–106 (in Russian). <https://doi.org/10.29030/2309-2076-2024-17-1-99-106>
  11. Tsoraeva E. N., Mezhyan S. A. Analysis of compliance with rules of land use and development in the implementation of the investment project. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Economic Transformation]*, 2024, no. 12 (170), pp. 483–494 (in Russian). <https://doi.org/10.26726/rppe2024v12aspzz>, EDN: KOCVMI
  12. Uzdenova F. M., Semenova L. U., Mamkhyagov M. A. Tax administration in ensuring tax revenues. *Natural-Humanitarian Studies*, 2024, no. 2 (52), pp. 349–353 (in Russian). EDN: DHJECW
  13. Basnukaev M. Sh., Ibragimov M. A. Tax Administration of Property Taxes and Tax Security of the Region. *Bulletin of CI RAS. Series "Social and Humanitarian Sciences"*, 2025, no. 2 (13), pp. 9–14 (in Russian). <https://doi.org/10.69537/VKNIIRAN.GUMNAUKI.2025.13.2.001>
  14. Shafeeva E. I., Fazliakhmetova A. R. The state program “National spatial data system” and the problems that arise during its implementation. *Russian Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 2 (56), pp. 299–307 (in Russian). <https://doi.org/10.31563/2308-9644-2025-56-2-299-307>
  15. Anashkin P. A., Kazantsev N. N., Serebryakov S. V. Information support for management tasks in the conditions of digital transformation. *Interexpo GEO-Siberia*, 2022, vol. 1, pp. 86–92 (in Russian). <https://doi.org/10.33764/2618-981X-2022-1-86-92>, EDN: BGBYPZ
  16. Barsukova G. N., Karpenko A. A., Puzanova D. S. The role of the national spatial data system in land resources management, regulation of land and property relations. *Moscow Economic Journal*, 2025, vol. 10, no. 1, pp. 57–73 (in Russian). https://doi.org/10.55186/2413046X_2025_10_1_5

Поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 28.09.2025; принята к публикации 28.09.2025
The article was submitted 22.09.2025; approved after reviewing 28.09.2025; accepted for publication 28.09.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 387–397

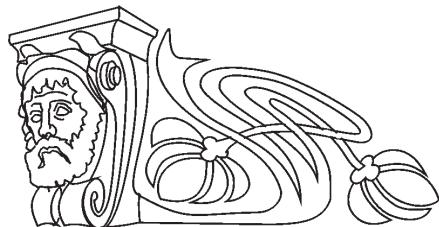
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 387–397

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-387-397>, EDN: IFIIEW

Научная статья
УДК 338.43

Конечные результаты как критерии эффективности управления развитием агропродовольственного комплекса

М. Е. Кадомцева[✉], И. Л. Хонин

Институт аграрных проблем РАН – обособленное структурное подразделение ФИЦ «Саратовский научный центр Российской академии наук», Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94

Кадомцева Марина Евгеньевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории стратегии развития институциональной среды агропромышленного комплекса, kozyreva_marina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9547-5564>

Хонин Илья Леонидович, аспирант лаборатории макроэкономического анализа и стратегии развития агропромышленного комплекса, honin.ilya@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2440-3210>

Аннотация. Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки научно обоснованных подходов к оценке эффективности управления агропродовольственным комплексом на основе анализа его конечных результатов. Особую значимость при этом приобретает системный мониторинг интеграционных процессов и теоретический анализ их влияния на сбалансированность экономических, социальных и экологических показателей АПК. Методология исследования. В статье применены системный и мезоэкономический подходы, с использованием которых агропродовольственный комплекс проанализирован как многоуровневая динамическая система. Проведен сравнительный анализ целевых функций агропромышленного и агропродовольственного комплексов. Литературный обзор трактовок «конечные результаты агропродовольственного комплекса» позволил привести авторское определение данной категории. Разработана концепция конечных результатов как интегрального показателя эффективности, объединяющего экономические, социальные и экологические параметры. Обоснована ключевая роль межотраслевого баланса как инструмента для оценки структурных взаимосвязей и управления интеграционными процессами в отраслях АПК. Эмпирический анализ. Представлена структурная организация таблиц межотраслевого баланса и возможности их применения для исследования эффективности горизонтальных и вертикальных связей в агропродовольственном комплексе. Описаны динамические связи между квадрантами матрицы «затраты-выпуск». Разработана концептуальная модель управления агропродовольственным комплексом, где межотраслевой баланс выступает аналитическим ядром для мониторинга показателей, оценки эффективности интеграционных процессов; обоснования управленческих решений. Выводы. Проведенное исследование показало, что система показателей конечных результатов может служить критерием эффективности управления АПК, позволяя выявлять диспропорции, оптимизировать производственно-сбытовые цепочки и принимать научно обоснованные решения. Применение методологии межотраслевого баланса создает основу для оценки вклада каждого звена АПК в достижение стратегических целей комплекса, что делает инструмент межотраслевого баланса инструментом для управления развитием агропродовольственного комплекса на основе его конечных результатов.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, конечные результаты, горизонтальные и вертикальные связи, управление, межотраслевой баланс

Для цитирования: Кадомцева М. Е., Хонин И. Л. Конечные результаты как критерии эффективности управления развитием агропродовольственного комплекса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 387–397. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-387-397>, EDN: IFIIEW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Final results as criteria for the effectiveness of the agro-food complex development management

М. Ye. Kadomtseva[✉], I. L. Khonin

Institute of Agrarian Problems RAS – Subdivision of the Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 94 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Marina Ye. Kadomtseva, kozyreva_marina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9547-5564>

Ilya L. Khonin, honin.ilya@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2440-3210>

Abstract. Introduction. The relevance of this study is due to the need to develop scientifically based approaches to assessing the effectiveness of agro-food complex management based on the analysis of its final results. In the context of global challenges and transformation of economic

processes, systemic monitoring of integration processes and *theoretical analysis* their impact on the balance of economic, social and environmental indicators of the agro-industrial complex is of particular importance. **Research methodology.** The article applies systemic and mesoeconomic approaches, which made it possible to analyze the agro-industrial complex as a multi-level dynamic system. The article provides a comparative analysis of the target functions of the agro-industrial and agro-food complexes. A literature review of the "final results of the agro-food complex" interpretations allowed us to provide the author's definition of this category. The concept of final results as an integral indicator of efficiency, combining economic, social and environmental parameters has been developed. The key role of the intersectoral balance as a tool for assessing structural relationships and managing integration processes has been substantiated. **Empirical analysis.** The article presents the structural organization of inter-industry balance tables and the possibilities of their application for studying the efficiency of horizontal and vertical links in the agro-industrial complex. The article describes the dynamic links between the quadrants of the input-output matrix. A conceptual model of agro-food complex management has been developed, where the inter-industry balance acts as an analytical core for monitoring indicators, assessing the effect of integration processes; substantiating management decisions. Practical examples of the management decisions' influence on the final results of the agro-industrial complex are demonstrated. **Conclusions.** The study confirmed that the final results' system of indicators serves as a criterion for the efficiency of agro-industrial complex management, allowing to identify imbalances, optimize production and distribution chains and make scientifically sound decisions. The application of the inter-industry balance methodology creates a basis for assessing the contribution of each link of the agro-industrial complex to achieving the strategic goals of the industry, which makes it an indispensable tool for managing the development of the agro-food complex.

Keywords: agro-food complex, final results, horizontal and vertical links, management, inter-sectoral balance

For citation: Kadomtseva M. Ye., Khonin I. L. Final results as criteria for the effectiveness of the agro-food complex development management. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 387–397 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-387-397>, EDN: IFIIEW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Агропродовольственный комплекс представляет собой открытую, многоуровневую и динамичную систему, объединяющую взаимосвязанные отрасли, деятельность которых направлена на обеспечение полного цикла производства, распределения и потребления продовольствия. Эффективность отраслевой структуры комплекса зависит от слаженной работы всех ее элементов. Их функционирование базируется на устойчивых связях. Основным механизмом организации таких связей выступает интеграция, которая в агропродовольственном комплексе проявляется в двух основных формах – горизонтальной и вертикальной. Каждая из них обладает своими характеристиками, мотивами к взаимодействию и по-разному влияет на эффективность хозяйственной деятельности.

Горизонтальная интеграция подразумевает объединение хозяйствующих субъектов, функционирующих на одном уровне производственно-сбытовой цепочки. В аграрном секторе это проявляется в виде формирования кооперативных объединений сельских производителей. Горизонтальные интеграционные структуры отличаются оптимизацией ценовой политики, повышением конкурентоспособности ее участников и расширением их влияния на рынке [1]. Вертикальная интеграция

предполагает объединение предприятий, находящихся на разных ступенях производственного цикла (от производства сырья до реализации готовой продукции) в единую цепочку. Несомненным преимуществом данной формы взаимодействия являются тесные производственно-технологические связи. При этом, как правило, вертикальная интеграция характеризуется географической рассредоточенностью объектов. Различают также смешанную интеграцию диагонального типа. Она сочетает в себе элементы вертикального и горизонтального типов взаимодействия, объединяя предприятия из разных отраслей, выпускающих сопутствующую продукцию. Смешанная интеграция позволяет гибко реагировать на рыночные изменения, расширяет возможности диверсификации производства и снижения коммерческих рисков (рис. 1).

Разнообразие форм интеграции в агропродовольственном комплексе создает основу для формирования производственно-сбытовых цепочек. Однако само по себе наличие интеграционных связей не гарантирует высокой продуктивности системы. Для повышения результативности требуется целенаправленное управление интеграционными процессами, учитывающее особенности различных форм взаимодействия участников. Эффективность управления горизонтальными и вертикальными связями в агропродовольственном комплексе

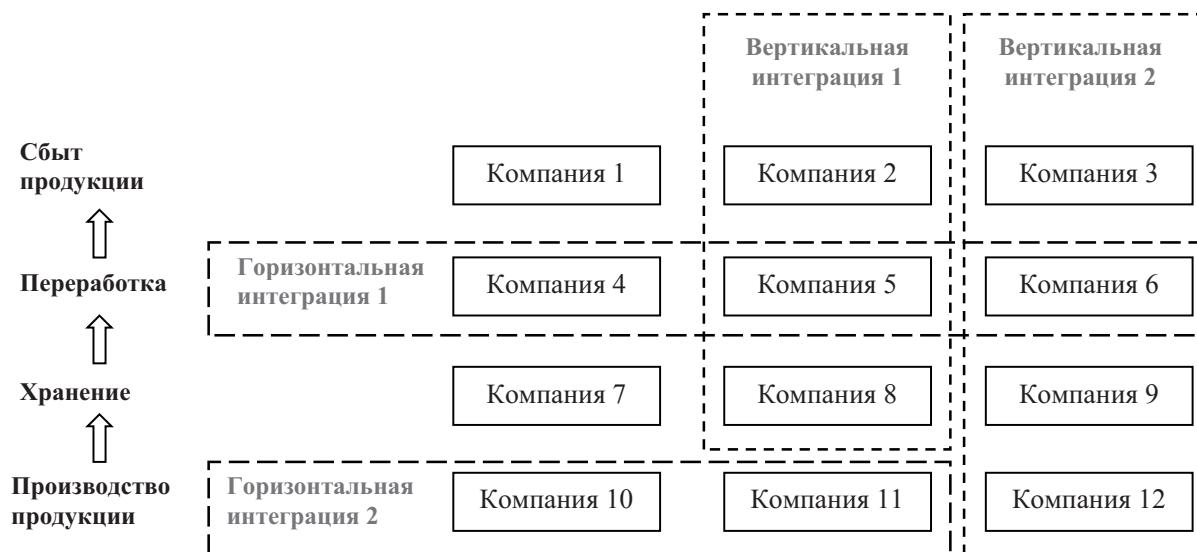

Рис. 1. Горизонтальная и вертикальная интеграция в агропродовольственном комплексе

Fig. 1. Horizontal and vertical integration in the agro-food complex

находит отражение в конечных результатах его деятельности. Конечные результаты показывают, насколько оптимально выстроено взаимодействие участников и в какой мере достигаются стратегические цели отрасли.

Цель исследования заключается в разработке научно обоснованных подходов к оценке эффективности управления развитием агропродовольственного комплекса на основе анализа его конечных результатов с учетом системного взаимодействия горизонтальных и вертикальных связей, а также применения методологии межотраслевого баланса для оптимизации производственно-сбытовых цепочек.

Методология исследования

Теоретико-методологическую базу исследования составили системный и мезоэкономический подходы, а также комплекс общенаучных и специальных методов. Следуя принципам системного подхода, агропродовольственный комплекс представлен в виде многоуровневой системы. Этот подход позволил проанализировать его через иерархическую соподчиненность уровней (микро-, мезо- и макроэкономического). Системный подход рассматривает агропродовольственный комплекс как целостную систему, где взаимосвязи элементов определяют ее устойчивость и эффективность.

Дополнением к системному подходу является мезоэкономический подход [2], который ис-

следует агропродовольственный комплекс как промежуточное звено между микро- и макроуровнем экономики. Будучи одним из основных элементов национального хозяйства, агропродовольственный комплекс тесно интегрирован практически со всеми видами экономической деятельности через систему промежуточного потребления. Отрасли комплекса используют для собственного производства продукцию смежных отраслей. В свою очередь, продукция АПК поступает для потребления в другие сферы экономики.

Наряду с теоретическими методами были применены и дополнительные методы научного познания. Так, использование методов анализа и синтеза позволило разложить агропродовольственный комплекс на структурные элементы и последующее объединение их в единую систему для оценки эффективности. Для сопоставления и выявления различий и взаимодополняемости целевых функций агропромышленного и агропродовольственного комплексов использован метод сравнительного анализа.

Теоретический анализ

Теоретический анализ эффективности агропродовольственного комплекса определяет необходимость понимания его целевых функций и обозначения разницы с целевыми функциями агропромышленного комплекса. Специфика структур и задач комплексов обуславливает раз-

личия в их масштабах, приоритетах и объектах воздействия. Агропромышленный комплекс включает в себя не только продовольственные, но и «непищевые» направления. Это производство сельскохозяйственной техники, химиков, ГСМ и пр. Основная цель агропромышленного комплекса по большей части заключается в максимизации прибыли, снижении издержек и развитии технологий в рамках производственных процессов. Поэтому он ориентирован на экономическую эффективность всей цепочки – от производства средств производства до сельскохозяйственного сырья, его промышленной переработки, логистики и сбыта. В отличие от него, агропродовольственный комплекс охватывает сегменты, связанные с производством, переработкой и распределением сельскохозяйственного сырья и продовольствия, исключая «непищевые» отрасли. Важнейшей задачей агропродовольственного комплекса является обеспечение продовольственной безопасности, доступности и качества питания для населения. Приоритетом агропромышленного комплекса является экономико-технологическая оптимизация всех звеньев цепочки, тогда как агропродовольственный комплекс ставит во главу угла устойчивое воспроизводство продовольственных ресурсов.

Сопоставление целевых функций агропромышленного и агропродовольственного комплексов позволяет продемонстрировать их диалектическую взаимосвязь. Если первый формирует материально-техническую основу для роста, то второй обеспечивает сбалансированность между экономической эффективностью и социальными приоритетами. В данной статье объектом исследования является агропродовольственный комплекс. Его конечные результаты заключаются в сокращении импортозависимости, поддержании физической и экономической доступности продуктов питания для населения, создании новых рабочих мест, особенно на сельских территориях. Эти результаты служат интегральным индикатором эффективности агросистемы, отражая степень реализации ее целевой функции.

В экономической литературе рассматриваются различные аспекты развития методов управления конечными результатами в АПК [3–5] и содержания конечных результатов агропродовольственного комплекса [6–11]. В качестве конечных результатов А. П. Алтухов видит способность надежно обеспечивать на-

селение страны экономически доступным и качественным продовольствием преимущественно отечественного производства. Это включает устойчивое развитие сельского хозяйства, рациональное использование ресурсов, повышение конкурентоспособности продукции и достижение продовольственной независимости [7]. Схожие концептуальные подходы к определению конечных результатов агропродовольственного комплекса у А. В. Петрикова и И. Г. Ушачева [8, 9]. Авторы связывают конечные результаты с эффективностью организационно-управленческого механизма АПК, но расставляют разные акценты. А. В. Петриков подчеркивает важность повышения самодостаточности агропродовольственного комплекса страны, для чего, по его мнению, необходимо формирование собственной технологической базы на основе развития сельскохозяйственной науки и образования. И. Г. Ушачев фокусирует внимание на организации процесса управления комплексом.

Основываясь на подходе системной интеграции, Э. Н. Крылатых рассматривает конечный результат АПК как продукт взаимодействия всех его звеньев (сельское хозяйство, переработка, логистика, торговля), где эффективность определяется сбалансированностью подсистем и минимизацией потерь на каждом этапе [10]. А. А. Анфиногентова оценивает макроэкономический вклад агропродовольственного комплекса в ВВП, экспортный потенциал, обеспечение продовольственной безопасности и снижение зависимости от импорта [11]. Акцент делается на рентабельности сектора и создания добавленной стоимости. А. А. Никонов уделял значительное внимание социально-демографической роли АПК [12]. Конечный результат он связывал с уровнем занятости в сельской местности, доступностью продуктов для всех слоев населения и стабильностью цен. Это подразумевает социальную справедливость в распределении благ. Стоит отметить, что в работах вышеперечисленных исследователей присутствует инновационная составляющая – внедрение технологий для повышения производительности и качества продукции. Экологическая устойчивость рассматривалась в работе Э. Н. Крылатых и А. А. Анфиногентовой. При этом результат оценивался через призму рационального использования ресурсов.

Основываясь на анализе научных работ, а также содержании целевых функций агропро-

довольственного комплекса, можно сформулировать определение «конечных результатов агропродовольственного комплекса» как комплексной экономической категории, отражающей интегрированную эффективность всей цепочки создания стоимости в АПК – от производства сельскохозяйственного сырья до удовлетворения потребностей населения в качественных и доступных продуктах питания с учетом социально-экономических, экологических и инновационных параметров. Экономический аспект «конечных результатов» охватывает экономическую эффективность и проявляется через оптимизацию логистических и производственных издержек, рост производительности и рентабельности аграрного производства, увеличение вклада агропродовольственного комплекса в ВВП и экспортный потенциал. Социальная составляющая проявляется в повышении качества жизни сельского населения через создание рабочих мест, обеспечение продовольственной доступности для всех слоев населения и развитие сельских территорий. Экологический аспект конечных результатов может оцениваться через внедрение ресурсосберегающих технологий, снижение углеродного следа и рациональное использование природных ресурсов, сохранение биоразнообразия и плодородия почв.

Конечные результаты могут быть оценены через систему взаимосвязанных экономических, социальных и экологических показателей. При этом конечный результат АПК не является простой суммой отдельных показателей, а отражает синергетический эффект от их комплексного взаимодействия в рамках единой системы.

Количественные параметры конечных результатов, включая объемы валового выпуска, показатели рентабельности и другие, наряду с качественными характеристиками, такими как экологическая безопасность, соответствие санитарно-гигиеническим нормам и прочее, выступают измеримыми индикаторами, релевантными стратегическим приоритетам обеспечения продовольственной безопасности и устойчивого развития аграрного сектора. Систематический мониторинг данных показателей позволяет осуществлять оперативную корректировку управлеченческих решений при выявлении отклонений от плановых значений. Таким образом, конечные результаты агропродовольственного комплекса выполняют двойственную функцию: служат критериальным основанием для оценки эффективности межотраслевого управлеченско-

го механизма и предоставляют комплексную количественно-качественную характеристику текущего состояния системы.

Эмпирический анализ

В масштабах агропродовольственного комплекса конечные результаты материализуются в форме конечного продукта. При этом в условиях глубокой специализации то, что для отдельного производителя представляет собой конечный продукт (например, произведенные комбикорма), для всего комплекса является промежуточным продуктом. В отличие от конечного потребления, промежуточное является отложенным потреблением, в процессе которого товары и услуги используются для того, чтобы произвести другие товары и услуги. Последние в конечном счете обеспечивают удовлетворение потребностей населения.

Измерение конечных результатов – одна из ключевых проблем оценки структурных характеристик экономического роста, включающих натурально-вещественные и стоимостные показатели в их единстве и взаимосвязях, определяемых иерархической системой управления. Комплексная оценка конечных результатов требует одновременного учета данных параметров, что представляет собой сложную методологическую задачу.

Одним из универсальных решений стал метод межотраслевого баланса (МОБ), основанный на таблицах «затраты-выпуск» В. В. Леонтьева. Межотраслевой баланс является эффективным инструментом для анализа структурных взаимосвязей в агропродовольственном комплексе и оценки его развития. Именно межотраслевой баланс позволяет количественно определить взаимосвязь между параметрами производства, уровнем используемых технологий, показателями конечного спроса и добавленной стоимостью [13, 14]. С экономической точки зрения межотраслевой баланс интегрирует натурально-вещественные и стоимостные показатели, что позволяет анализировать не только физические объемы производства и потребления продукции в АПК, но и их стоимостное выражение, формирующее добавленную стоимость. Это дает возможность определить вклад каждой отрасли в конечный продукт через систему межотраслевых связей, выявить структуру затрат и распределение доходов, а также определить эффективность использования ресурсов.

Матричная форма представления данных в межотраслевом балансе создает методологическую основу для моделирования и

комплексной оценки конечных результатов деятельности агропродовольственного комплекса (таблица).

Схема межотраслевого баланса производства и распределения продукции
Table. Scheme of inter-industry balance of products' production and distribution

Отрасль	Отрасль					Конечный спрос	Выпуск
	1	2	3	...	n+1		
1	x ₁₁	x ₁₂	x ₁₃	...	x _{1,n+1}	Y ₁	X ₁
2	x ₂₁	x ₂₂	x ₂₃	...	x _{2,n+1}	Y ₂	X ₂
3	x ₃₁	x ₃₂	x ₃₃	...	x _{3,n+1}	Y ₃	X ₃
...	...	...	...	...	...		
	I квадрант			...		II квадрант Y _{n+1}	...
n+1	x _{n+1,1}	x _{n+1,2}	x _{n+1,3}		x _{n+1,n+1}		X _{n+1}
Валовая добавленная стоимость	V ₁	V ₂	V ₃	...	V _{n+1}		
	III квадрант						
Выпуск	X ₁	X ₂	X ₃	...	X _{n+1}		

Структурная организация межотраслевого баланса традиционно представлена следующими элементами: x_i – объем выпуска i -й отрасли (стоимость произведенной продукции). Элементы x_{ij} (объем затрат продукции i -й отрасли на производство j -й отрасли), называемые промежуточными потоками, формируют I квадрант таблицы, который отражает производственное (промежуточное) потребление товаров и услуг. Итог каждой строки I квадранта показывает так называемый промежуточный спрос, итог каждого столбца – промежуточное потребление. Y_i – конечный спрос i -й отрасли (спрос, выходящий за пределы производственного процесса: конечное потребление и накопление, экспорт). Элементы конечного спроса формируют II квадрант таблицы межотраслевого баланса. V_j – валовая добавленная стоимость в j -й отрасли, включает оплату труда, амортизацию, налоги на производство, прибыль. Элементы добавленной стоимости формируют III квадрант межотраслевого баланса. Кроме этого, валовой внутренний продукт национальной экономики рассчитывается как сумма валовой добавленной стоимости [15].

Конечный продукт отражает часть валовой продукции, которая не расходуется на текущие производственные нужды, а направляется на удовлетворение потребностей населения, формирование резервов и экспорт. Валовая добав-

ленная стоимость характеризует финансовые итоги деятельности агропродовольственного комплекса, включая фонды оплаты труда, взаимоотношения с бюджетом и конечные финансовые результаты. Эти показатели исключают повторный счет и позволяют оценить реальный вклад АПК в экономику страны, что делает их важными критериями для оценки эффективности управления комплексом.

Для иллюстрации практической значимости межотраслевого баланса рассмотрим его применение в контексте управления интеграционными процессами. Применительно к исследованию горизонтальных связей детализированное представление отраслей в матричной форме позволяет измерять интенсивность взаимодействия предприятий одного технологического уровня. Анализ коэффициентов прямых затрат и расчет матрицы полных материальных затрат дают возможность определить степень взаимозависимости смежных отраслей, что важно, например, при исследовании региональных агропродовольственных кластеров [16]. Структурная организация таблиц межотраслевого баланса позволяет выявлять как прямые, так и косвенные связи между отраслями, что имеет важнейшее значение для понимания системных эффектов в АПК.

В контексте анализа вертикальных связей структурная организация межотраслевого баланса обеспечивает возможность просле-

живания всего цикла создания стоимости – от производства первичного сельскохозяйственного сырья до стадии его переработки и конечного потребления. Квадранты межотраслевого баланса, отражающие промежуточное и конечное потребление, позволяют количественно оценить вклад каждого звена технологической цепочки в формирование конечного продукта. Особое значение имеет I квадрант, где фиксируются межотраслевые потоки, что способствует выявлению точек возникновения добавленной стоимости. Анализ коэффициентов прямых и полных затрат

позволяет определять степень зависимости и эффективность взаимодействия различных уровней агропродовольственной системы. Это имеет большое значение для выявления узких мест в производственно-сбытовых цепочках.

Информационные возможности структуры межотраслевого баланса делают его незаменимым инструментом для принятия обоснованных управлеченческих решений на различных уровнях регулирования, так как межотраслевой баланс интегрирует различные аспекты агропродовольственного комплекса в единую систему управлеченческого анализа (рис. 2).

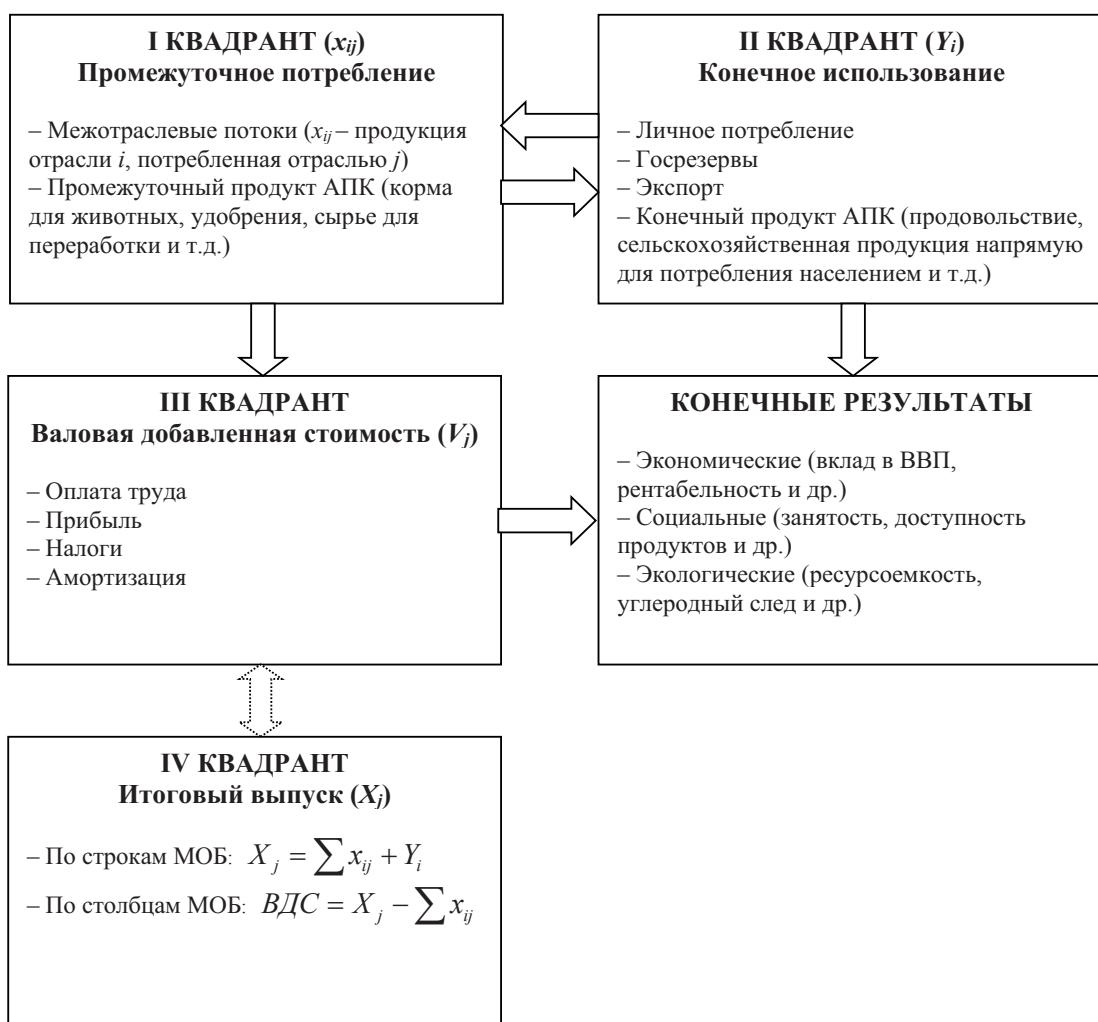

Рис. 2. Детализированная схема динамических связей между квадрантами матрицы «затраты-выпуск» в контексте управления АПК

Fig. 2. Detailed diagram of dynamic links between the quadrants of the input-output matrix in the context of agro-industrial complex management

Из данных, приведенных на рис. 2, видно, что между I и II квадрантами отмечена прямая и обратная связь. Прямая связь (I-II) выражает

ется в том, что часть продукции из I квадранта (промежуточное потребление) выходит за пределы производственного цикла и становится

конечным продуктом. Обратная связь (II–I) демонстрирует, как изменения в конечном спросе (II) влияют на межотраслевые потоки (I). Две отдельные стрелки демонстрируют разные экономические механизмы (прямая – выход продукции из производственной цепочки; обратная – корректировка производственных связей под спрос). Одна двунаправленная стрелка между III и IV квадрантами показывает формульную взаимосвязь. Валовая добавленная стоимость является частью X_j и наоборот. В данном случае нет отдельных процессов, складывается только балансовое тождество.

Межотраслевой баланс обладает значительным аналитическим потенциалом. С его помощью можно осуществлять моделирование сценариев оптимизации производственных процессов, прогнозирование влияния технологических изменений, оценку динамики

доступности продуктов питания при разных вариантах развития АПК на основе анализа конечного потребления. Особую аналитическую ценность представляет возможность использования структурных элементов межотраслевого баланса для расчета мультипликаторов (производственных, доходных, занятости). Эти показатели позволяют количественно оценивать эффект распространения изменений в отдельных звеньях АПК.

В настоящее время в экономике получило развитие такое направление, как управление на основе конечных результатов [17]. Для наглядного представления связи между интеграционными процессами, управлением решениями и конечными результатами агропродовольственного комплекса на рис. 3 изображена модель процесса управления развитием АПК на основе критериев конечных результатов.

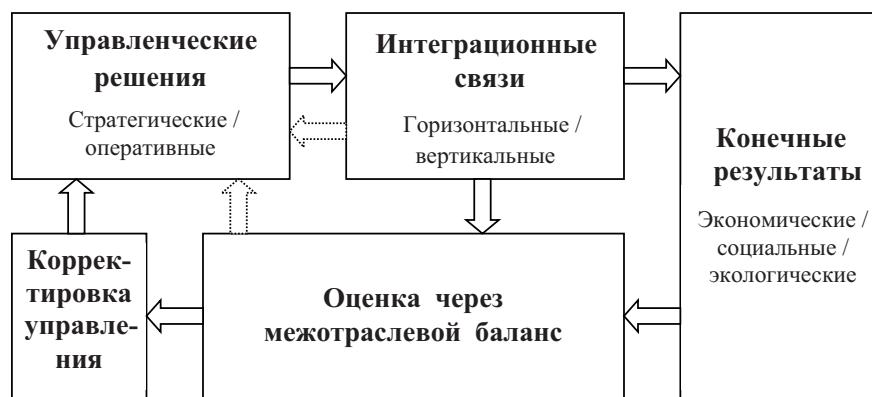

Рис. 3. Концептуальная модель процесса управления развитием АПК на основе критериев конечных результатов

Fig. 3. Conceptual model of managing the agro-industrial complex development process based on the final results criteria

Циклическая модель демонстрирует, как конечные результаты агропродовольственного комплекса становятся системообразующим элементом управления, выполняя три ключевые функции. Во-первых, они служат интегральным показателем эффективности принятых управлеченческих решений и выстроенных интеграционных связей (горизонтальных и вертикальных). Во-вторых, выступают критерием сбалансированности развития при оценке через межотраслевой баланс, позволяя выявлять диспропорции и точки роста добавленной стоимости. В-третьих, формируют основу для корректировки стратегического и оперативного управления, создавая замкнутый цикл посто-

янного совершенствования. Особое значение имеет понимание конечных результатов не как простой суммы показателей, а как синергетического эффекта взаимодействия всех элементов АПК, что подтверждается количественными оценками межотраслевого баланса, выступающего одновременно инструментом диагностики, прогнозирования и верификации эффективности управления комплексом.

В качестве примера взаимосвязи управлеченческих решений и конечных результатов агропродовольственного комплекса можно привести влияние увеличения инвестиций (через механизм выделения грантов, государственного субсидирования) в «умную» сель-

скохозяйственную технику [18]. Экономический эффект технико-технологического обновления производства выражается в снижении ресурсоемкости (расход топлива, воды, удобрений) за счет оптимизации процессов, что уменьшает себестоимость продукции и повышает рентабельность производства [19, 20]. Например, использование телеметрии и автоматизации в орошении позволяет сократить расходы воды на полив на 20–30%, а технология фертигации экономит объемы вносимых химических веществ (удобрений и пестицидов) до 15–25% [21]. Уменьшение расхода ГСМ и химикатов снижает углеродный след сельскохозяйственного производства и нагрузку на окружающую среду, что соответствует критериям экологической устойчивости. Внедрение автономных комбайнов в зерновом секторе сокращает потери урожая, увеличивая объем конечного продукта (II квадрант). Вместе с тем это отражается на росте валовой добавленной стоимости (III квадрант) и увеличении экспортного потенциала [22]. Социальный аспект автоматизации проявляется в снижении трудоемкости процессов, высвобождая рабочую силу для более квалифицированных задач (например, управление цифровыми системами). Все это способствует росту производительности труда и доходов в сельской местности.

Из представленного примера видно, что снижение потерь на стадиях производства сельхозпродукции, а также углубление переработки сырья способствуют увеличению конечного продукта без наращивания объемов первичного производства. Таким образом, ориентация на конечные результаты позволяет выявить резервы роста и оптимизировать структуру комплекса взаимосвязанных отраслей.

Выводы

Конечные результаты агропродовольственного комплекса – это не просто индикаторы, а важнейшие критерии эффективности управления его развитием. Они отражают степень достижения стратегических целей отрасли. Конечные результаты, выраженные в показателях валовой добавленной стоимости, объема конечной продукции, снижения ресурсоемкости и т.д., позволяют оценить, насколько эффективно выстроены горизонтальные и вертикальные связи, распределены ресурсы и внедрены инновации. Анализ конечных результатов через инстру-

менты межотраслевого баланса обеспечивает объективную основу для принятия управленческих решений, выявления дисбалансов и оптимизации производственно-сбытовых цепочек, что подтверждает их роль как интегрального индикатора эффективности управления агропродовольственным комплексом.

Список литературы

- Бурлаков В. Б. Современное состояние и тенденции развития сельскохозяйственной потребительской кооперации // Научные исследования и разработки. Экономика. 2024. Т. 12, № 4. С. 20–27. <https://doi.org/10.12737/2587-9111-2024-12-4-20-27>
- Мезоэкономика: элементы новой парадигмы / под ред. В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной-Чэндлер. М. : ИЭ РАН, 2020. 392 с.
- Яковенко А. А., Яковенко Н. А. Использование метода «затраты-выпуск» в прогнозировании структуры конечного продукта // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Саратов, 16–17 октября 2018 г.). Саратов, 2018. С. 113–117.
- Анфиногентова А. А., Решетникова Е. Г., Иосипенко В. Д., Решетникова Н. В., Кузнецова Н. Н., Ржевская М. Я. Теория и методы управления межотраслевыми и межрегиональными взаимодействиями в агропродовольственном комплексе. Саратов : Саратовский источник, 2019. 118 с. EDN: PNHBQQ
- Кулова Л. С. Формирование механизма управления конечными результатами функционирования субъектов АПК: на материалах Кабардино-Балкарской Республики : дис. ... канд. экон. наук. Нальчик, 2004. 195 с.
- Дзагоев В. А. Формирование механизма управления конечными результатами функционирования субъектов АПК (на материалах Республики Северная Осетия – Алания) : дис. ... канд. экон. наук. Владикавказ, 2009. 177 с.
- Алтухов А. И. Парадигма продовольственной безопасности России. М. : Кадровый резерв, 2019. 685 с.
- Петриков А. В. Приоритеты и механизмы развития сельского хозяйства в России и ее регионах в новой реальности // Федерализм. 2022. Т. 27, № 2. С. 122–142. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2022-2-122-142>
- Ушачев И. Г. Научные проблемы импортозамещения и формирования экспортного потенциала в агропромышленном комплексе России // Импортозамещение в АПК России: проблемы и перспективы / отв. за вып. И. Г. Ушачев. М. : Всероссийский НИИ экономики сельского хозяйства, 2015. С. 14–38.
- Крылатых Э. Н. К вопросу о структуре агропромышленного комплекса и системе моделей его планирования // Экономика и математические методы. 1979. Т. 15, № 3. С. 529–538.

11. Анфиногентова А. А., Крылатых Э. Н. Продовольственная безопасность России: состояние, проблемы, условия обеспечения // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2013. № 1. Ст. 1. EDN: PYECTP
12. Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М. : Энциклопедия российских деревень, 1995. 574 с.
13. Леонтьев В. В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М. : Политиздат, 1990. 415 с.
14. Саяпова А. Р. Взаимосвязь развития инструментария и аналитических возможностей метода «затраты-выпуск» // Проблемы прогнозирования. 2021. № 1. С. 59–69. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-184-59-69>
15. Саяпова А. Р., Широв А. А. Основы метода «затраты-выпуск». М. : МАКС Пресс, 2019. 336 с. <https://doi.org/10.29003/m801.978-5-317-06263-7>, EDN: NRHALG
16. Монахов С. В. Модели развития крупных интегрированных агропромышленных образований: теория и практика // Экономика сельского хозяйства России. 2024. № 8. С. 29–36. <https://doi.org/10.32651/248-29>, EDN: ZZPHSM
17. Решетникова Е. Г., Иосипенко В. Д. Межотраслевой анализ условий и факторов региональной дифференциации вектора конечного продукта агропродовольственного комплекса России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2021. № 3. С. 72–79. EDN: DIWPKG
18. Осовин М. Н. Анализ современных тенденций внедрения технологий искусственного интеллекта в сельское хозяйство // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти первого директора ИАГП РАН В. Б. Островскому (Островские чтения 2024), г. Саратов, 29–30 октября 2024 г. Саратов : Изд-во Ин-та аграрных проблем РАН, 2024. С. 136–144.
19. Потапов А. П. Повышение эффективности ресурсного потенциала аграрного производства как основы продовольственной независимости России : дис. ... д-ра экон. наук. Саратов, 2024. 358 с.
20. Денисов В. И., Тулупов А. С. Инновационный подход к принятию решений народнохозяйственного уровня (на примере агропромышленного производства) // Продовольственная политика и безопасность. 2022. Т. 9, № 1. С. 9–22. <https://doi.org/10.18334/prpb.9.1.114330>, EDN: PIQCUU
21. Туктаров Р. Е., Морозов М. И., Греков Д. А. SWOT-анализ внедрения технологий фертигации в процесс агропроизводства // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2025. № 1. С. 52–58. EDN: XCWPS
22. Научно-технологическое развитие АПК России в новых экономических условиях: механизмы и направления / под ред. И. С. Санду, В. И. Нечаева. М. : Научный консультант, 2022. 176 с. EDN: OUGLTC

References

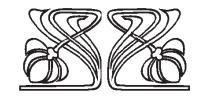
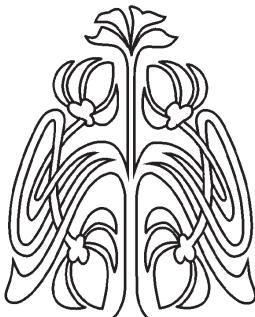
1. Burlakov V. B. Current State and Development Trends of Agricultural Consumer Cooperation. *Scientific Research and Development. Economics*, 2024, vol. 12, no. 4, pp. 20–27 (in Russian). <https://doi.org/10.12737/2587-9111-2024-12-4-20-27>
2. Mezoekonomika: elementy novoy paradigmы [Maevsky V. I., Kirdina-Chandler S. G. (eds.) *Mesoeconomics: Elements of a new paradigm*]. Moscow, Institute of Economics RAS Publ., 2020. 392 p. (in Russian).
3. Yakovenko A. A., Yakovenko N. A. Using the input-output method in forecasting the structure of final products. In: *Zakonomernosti razvitiya regional'nykh agroprodovol'stvennykh sistem: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Saratov, 16–17 oktyabrya 2018 g.)* [Patterns of Development of Regional Agro-Food Systems. Proceedings of the International scientific and practical conference (Saratov, October 16–17, 2018)]. Saratov, 2018, pp. 113–117 (in Russian).
4. Anfinnogentova A. A., Reshetnikova E. G., Iosipenko V. D., Reshetnikova N. V., Kuznetsova N. N., Rzhevskaya M. Ya. *Teoriya i metody upravleniya mezhotraslevymi i mezhhregional'nymi vzaimodeystviyami v agroprodovol'stvennom komplekse* [Theory and methods of managing interindustry and interregional interactions in the agro-food complex]. Saratov, Saratovskiy istochnik, 2019. 118 p. (in Russian). EDN: PNHBQQ
5. Kulova L. S. *Formation of a mechanism for managing the final results of functioning of subjects of the agro-industrial complex: Based on the materials of the Kabardino-Balkarian Republic*. Diss. Cand. Sci. (Econ.). Nalchik, 2004. 195 p. (in Russian).
6. Dzagoev V. A. *Formation of the mechanism for managing the final results of the functioning of agricultural complex entities (based on materials from the Republic of North Ossetia – Alania)*. Diss. Cand. Sci. (Econ.). Vladikavkaz, 2009. 177 p. (in Russian).
7. Altukhov A. I. *Paradigma prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossii* [The paradigm of Russia food security]. Moscow, Kadrovyy rezerv, 2019. 685 p. (in Russian).
8. Petrikov A. V. Priorities and mechanisms of agricultural development in Russia and its regions in the new reality. *Federalism*, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 122–142 (in Russian). <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2022-2-122-142>
9. Ushachev I. G. Scientific problems of import substitution and formation of export potential in the agro-industrial complex of Russia. In: *Importozameshchenie v APK Rossii: problemy i perspektivy / otv. za vyp. I. G. Ushachev* [Import substitution in the Russian agro-industrial complex: Problems and prospects / responsible for the issue I. G. Ushachev]. Moscow, All-Russian Research Institute of Agricultural Economics Publ., 2015, pp. 14–38 (in Russian).
10. Krylatykh E. N. On the question of the structure of the agro-industrial complex and the system of models for its planning. *Economics and Mathematical Methods*, 1979, vol. 15, no. 3, pp. 529–538 (in Russian).

11. Anfinogentova A. A., Krylatykh E. N. Food security of Russia: State, problems, conditions of provision. *Regional Agricultural Systems: Economics and Sociology*, 2013, no. 1, art. 1 (in Russian). EDN: PYECTP
12. Nikonorov A. A. *Spiral' mnogovekovoy dramy: agrarnaya nauka i politika Rossii (XVIII–XX vv.)* [The spiral of a centuries-old drama: Agrarian science and policy of Russia (18th–20th centuries)]. Moscow, Entsiklopediya rossiyskikh dereven', 1995. 574 p. (in Russian).
13. Leontief V. V. *Ekonomicheskie esse. Teorii, issledovaniya, факты и политика* [Economic essays: Theories, research, facts and policy]. Moscow, Politizdat, 1990. 415 p. (in Russian).
14. Sayapova A. R. Interrelation between Tooling Evolution and Analytical Potential of Input-Output Method. *Studies on Russian Economic Development*, 2021, vol. 32, no 1, pp. 37–43. <https://doi.org/10.1134/S1075700721010135>
15. Sayapova A. R., Shirov A. A. *Osnovy metoda «zatraty-vypusk»* [Fundamentals of the Input-Output Method]. Moscow, MAKS Press, 2019. 333 p. (in Russian). <https://doi.org/10.29003/m801.978-5-317-06263-7>, EDN: NRHALG
16. Monakhov S. V. Development models of large integrated agro-industrial entities: Theory and practice. *Economics of Agriculture of Russia*, 2024, no. 8, pp. 29–36 (in Russian). <https://doi.org/10.32651/248-29>, EDN: ZZPHSM
17. Reshetnikova E. G., Iosipenko V. D. Inter-sectoral analysis of conditions and factors of regional differentiation of the vector of the final product of the agri-food complex of Russia. *Regional'nye agrosistemy: ekonomika i sotsiologiya* [Regional Agricultural Systems: Economics and Sociology], 2021, no. 3, pp. 72–79 (in Russian). EDN: DIWPKG
18. Osovina M. N. Analysis of modern trends in the implementation of artificial intelligence technologies in agriculture. In: *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamяти pervogo direktora IAgP RAN V. B. Ostrovskому (Ostrovskie chteniya 2024)*, Saratov, 29–30 oktyabrya 2024 g. {Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of the first director of the Institute of Agrarian Problems of the RAS V. B. Ostrovsky (Ostrovsky Readings 2024), Saratov, October 29–30, 2024. Saratov, Institute of Agrarian Problems RAS Publ., 2024, pp. 136–144 (in Russian).
19. Potapov A. P. *Improving the efficiency of the resource potential of agricultural production as the basis for Russia food independence*. Diss. Dr. Sci. (Econ.). Saratov, 2024. 358 p. (in Russian).
20. Denisov V. I., Tulupov A. S. An innovative approach to decision-making at the national economic level (on the example of agro-industrial production). *Food Policy and Security*, 2022, vol. 9, no. 1, pp. 9–22 (in Russian). <https://doi.org/10.18334/ppib.9.1.114330>, EDN: PIQCUU
21. Tuktarov R. B., Morozov M. I., Grekov D. A. SWOT analysis of the implementation of fertigation technologies in agricultural production. *Regional Agricultural Systems: Economics and Sociology*, 2025, no. 1, pp. 52–58 (in Russian). EDN: XCWWPS
22. *Nauchno-tehnologicheskoe razvitiye APK Rossii v novykh ekonomiceskikh usloviyah: mekhanizmy i napravleniya* [Sandu I. S., Nechaev V. I. (eds.) Scientific and technological development of the Russian Agro-Industrial Complex in new economic conditions: Mechanisms and directions]. Moscow, Nauchnyy konsul'tant, 2022. 176 p. (in Russian). EDN: OUGLTC

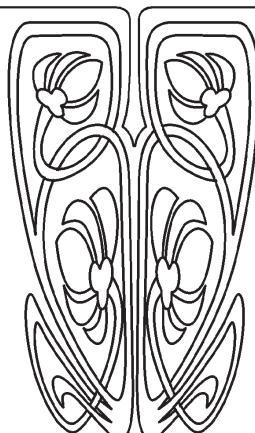
Поступила в редакцию 12.08.2025; одобрена после рецензирования 25.09.2025; принята к публикации 30.09.2025
The article was submitted 12.08.2025; approved after reviewing 25.09.2025; accepted for publication 30.09.2025

ПРАВО

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 398–408

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 398–408
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-398-408>

EDN: KDWQCD

Научная статья
УДК 342.951

Реформа высшего образования: новые реалии в условиях цифровизации

О. В. Романовская¹, Г. Б. Романовский^{2,3}✉

¹Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

²Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РГА Минюста России) в г. Саранске, Россия, 430003, г. Саранск, ул. Федосенко, д. 6

³Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Россия, 430005, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68

Романовская Ольга Валентиновна, доктор юридических наук, главный научный сотрудник НИИ фундаментальных и прикладных исследований, olga71.olgarom@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4563-1725>

Романовский Георгий Борисович, доктор юридических наук, ²профессор кафедры уголовного права и процесса; ³ведущий научный сотрудник, vlad1993gb@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0546-2557>

Аннотация. *Введение.* В статье выявлены основные проблемы правового обеспечения внедрения цифровых технологий в образовательную деятельность. Определена степень влияния цифровых технологий на преобразования в системе образования. Рассматривается содержание цифровой трансформации, которая затрагивает не только систему образовательных организаций и содержание образовательного процесса, но и систему органов управления в сфере образования. *Эмпирический анализ.* Проведен юридический анализ Стратегии цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования, разработанной Минобрнауки России в 2021 г. Трактовка цифровизации образования только через расширение возможностей онлайн-обучения устаревает (хотя этот элемент сохраняет свое весомое значение). Меняется предназначение высшего учебного заведения, поскольку цифровые технологии трансформируют ключевые коммуникативные связи. Обозначено влияние новых технологий на улучшение эффективности системы образования и способствование персонализации получения знаний. Показано, что ускоренная цифровизация содействует построению бесшовности образовательного процесса, оптимизации управления в образовательных организациях, а также их интеграции с высокотехнологичными компаниями. *Теоретический анализ.* В статье обоснован жесткий административный подход к внедрению цифровых технологий в образовательную деятельность на основе мониторинга всей системы и выявления соответствия отдельных элементов индикаторам цифровой зрелости. Цифровизация обуславливает структурные изменения в организации образовательной деятельности в высшей школе. Во многом она несет в себе полезный универсализм, который снижает административную нагрузку на преподавателя, переключив его усилия на человеческое взаимодействие с обучающимися. В основе преобразовательных процессов должны стать платформенные решения, показавшие свою эффективность в современной экономике. Выделен новый вызов – перестройка рынка труда, которая затронет и образовательную систему России.

Результаты. В условиях жестких подходов к экономии государственных ресурсов Минобрнауки России придется руководствоваться административными методами при выстраивании индикаторов преобразования вуза в «цифровой университет» и оценке соответствия им при анализе текущего состояния образовательной организации.

Ключевые слова: реформа, высшее образование, цифровизация, платформизация, цифровой университет, онлайн-курсы

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-00322, <https://rscf.ru/project/25-28-00322/>).

Для цитирования: Романовская О. В., Романовский Г. Б. Реформа высшего образования: новые реалии в условиях цифровизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 398–408. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-398-408>. EDN: KDWQCD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Higher education reform: New realities in the context of digitalization

O. V. Romanovskaya¹, G. B. Romanovsky^{2,3}✉

¹Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

²Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Saransk, 6 Fedoseenko St., Saransk 430003, Russia

³National Research Ogarev Mordovian State University, 68 Bolshevikskaya St., Saransk 430005, Russia

Olga V. Romanovskaya, olga71.olgarom@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4563-1725>

Georg B. Romanovsky, vlad1993gb@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0546-2557>

Abstract. *Introduction.* The article identifies the main problems of legal support for the introduction of digital technologies into educational activities. The degree of influence of digital technologies on transformations in the education system has been determined. The authors consider the content of digital transformation which affects not only the system of educational organizations and the content of the educational process, but also the system of governing bodies in the field of education. *Empirical analysis.* The legal analysis of the Strategy for Digital Transformation of Science and Higher Education, developed by the Ministry of Education and Science of Russia in 2021, was conducted. The interpretation of digitalization of education only through the expansion of online learning opportunities is becoming outdated (although this element retains its significant importance). The purpose of a higher education institution is changing, as digital technologies are transforming key communication links. The impact of new technologies on improving the efficiency of the education system and promoting personalization of knowledge acquisition was highlighted. The authors demonstrate that accelerated digitalization contributes to the construction of a seamless educational process, optimization of management in educational organizations, as well as their integration with high-tech companies. *Theoretical analysis.* The article substantiates a strict administrative approach to the introduction of digital technologies into educational activities based on monitoring the entire system and identifying the compliance of individual elements with digital maturity indicators. Digitalization causes structural changes in the organization of educational activities in higher education. In many ways, it carries a useful universalism that will reduce the administrative burden on the teacher, switching his / her efforts to human interaction with students. Transformational processes should be based on platform solutions that have proven their effectiveness in the modern economy. A new challenge has been identified – the restructuring of the labor market, which will also affect the educational system of Russia. *Results.* In the context of strict approaches to saving public resources, the Ministry of Education and Science of Russia will have to be guided by administrative methods when building indicators for transforming a university into a "digital university" and assessing compliance with them when analyzing the current state of an educational organization.

Keywords: reform, higher education, digitalization, platformization, digital university, online courses

Acknowledgments: This work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 25-28-00322, <https://rscf.ru/project/25-28-00322/>).

For citation: Romanovskaya O. V., Romanovsky G. B. Higher education reform: New realities in the context of digitalization. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 398–408 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-398-408>. EDN: KDWQCD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Реформирование системы высшего образования в настоящее время находится на пике общественных обсуждений. Старт был дан Указом Президента РФ от 12.05.2023 г. № 343 «О некоторых вопросах совершенствования

системы высшего образования»¹, в соответствии с которым был обозначен переход от системы «бакалавриат – магистратура» к «ба-

¹ О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования : указ Президента РФ от 12.05.2023 № 343 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 20, ст. 3535.

зовое высшее – специализированное высшее». Сохранение двухуровневой модели приводит к заключению, что главное в содержательной стороне будущей трансформации не отказ от терминологии, а смена образовательных траекторий в подготовке специалистов. В настоящее время происходит реализация пилотного проекта, обозначены вузы-участники. Постановлением Правительства РФ от 09.08.2023 № 1302² определены общие параметры реформы, в том числе утверждены Правила реализации пилотного проекта.

Подобные инициативы возникли не только в силу политической ситуации. Уже на протяжении многих лет озвучиваются традиционные недостатки подготовки кадров в высшей школе: косность образовательного процесса; слабая подготовка выпускников к решению функциональных задач на конкретном рабочем месте; нацеленность вуза на получение максимальной прибыли в ущерб качеству образования; поточность в профессиональной деятельности преподавателя и многое другое. Наряду с оценкой указанных недостатков добавляется дополнительная проблема – цифровая трансформация системы образования, которая затрагивает не только образовательные организации, но и органы управления. Поскольку внедрение инновационных технологий приводит к переформатированию всех коммуникативных связей, процесс реформирования необходимо анализировать с учетом построения новой реальности. Уровни образования и их наполнение – одна сторона, но не менее важными выступают такие аспекты, как институции, формы и методы доведения необходимой информации до обучающихся. К сожалению, следует признать, что многие высшие учебные заведения представляют собой устаревшую модель передачи знаний. При ее сохранении любые новшества будут просто торпедироваться отсталостью исполнителей.

В этой же логике следует признать изменение полномочий Правительства РФ о регулировании «платных» мест в высших учебных заведениях. До 2025 г. такая возможность допускалась только в отношении бюджетных мест. В соответствии с Федеральным законом от 23.05.2025 № 114-ФЗ «О внесении измене-

ний в статьи 101 и 104 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»»³ регламентационные полномочия появились и в отношении числа мест для приема на обучение по образовательным программам высшего образования по договорам об оказании платных образовательных услуг. Государство пытается навести порядок в системе высшего образования, нацелив образовательные организации на подготовку именно к тем специальностям, которые имеют реальную востребованность в народном хозяйстве страны. Иными словами, получение образования не должно быть каким-то пустым пропуском во взрослую жизнь, а нести в себе положительную нагрузку – подготовку специалиста. Показательно, что когда вносился в законодательный орган проект указанного закона, его соавторами стали 346 (из 450) депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, представлявших все фракции парламента. Цифровизация образования преследует такую же цель – подготовка мотивированного специалиста, желающего получить новые знания и навыки, а не только документ, подтверждающий достижение образовательного уровня.

Эмпирический анализ

Цифровизация образовательной среды уже имеет определенную историю, которая позволяет выявить как позитивные моменты, так и складывающиеся сложности. Следует упомянуть Постановление Правительства РФ от 07.12.2020 № 2040 «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды»⁴. Эксперимент проводился на территории нескольких субъектов РФ с декабря 2020 г. по 31 декабря 2022 г. и признан успешным. Принято также Постановление Правительства РФ от 16.11.2020 № 1836⁵, утвердившее Положение о государственной информационной системе «Современная цифровая образовательная среда», но

³ О внесении изменений в статьи 101 и 104 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» : федер. закон от 23.05.2025 № 114-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 21, ст. 2535.

⁴ О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды : постановление Правительства РФ от 07.12.2020 № 2040 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 50 (ч. V), ст. 8240.

⁵ Положение о государственной информационной системе «Современная цифровая образовательная среда» : постановление Правительства РФ от 16.11.2020 № 1836 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 47, ст. 7538.

² О реализации пилотного проекта, направленного на изменение уровней профессионального образования : постановление Правительства РФ от 09.08.2023 № 1302 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 34, ст. 6571.

которая имеет узкую направленность – создание единой площадки для доступа к онлайн-курсам. В то же время уровень развития цифровых технологий позволяет указывать, что сужение смысла реформ до расширения дистанционных форм обучения не отвечает реальному смыслу цифровизации.

Еще один аспект: внедрение системы электронной образовательной среды началось более 10 лет назад. Настойчивость Минобрнауки России в этом вопросе дала свой результат, но даже сейчас практика показывает, что она используется на минимуме своих возможностей. Во многих вузах присутствует формальный подход к использованию цифровых сервисов как со стороны студентов, так и со стороны профессорско-преподавательского состава. Причем опыт показывает, что, наряду с созданной в вузе электронной системой, могут активно применяться параллельные системы онлайн-общения: мессенджеры, социальные сети. Здесь важен функционал, который и обуславливает выбор цифровой платформы для проактивного взаимодействия. В цифровой среде необходима клиентаориентированность: если студент (как и преподаватель) игнорирует официальные каналы связи, значит, у них есть какие-то базовые недостатки. Внедрение электронной информационной среды в административном порядке без учета мнения конечного пользователя приводит к ее отторжению. Необходима обратная связь, соучастие всех субъектов образовательного процесса.

Подобный подход хорошо зарекомендовал себя в построении цифровой модели государственного управления, где примером может служить новый девиз цифровизации Сингапура – «Умная нация»⁶. Она базируется на концепте «Web 3.0», основные параметры которого заключаются в децентрализации управления, постоянном взаимодействии всех участников цифрового мира, открытости исходного кода. Этот концепт пытаются перенести на все сферы возможных коммуникаций, и образование не является исключением. Одновременно с этим ключевым элементом выступает кибербезопасность. Российская практика показывает, что использование цифровой среды происходит зачастую без соблюдения элементарных правил кибербезопасности. Это заметно проявилось в процессе реализации различных мошенни-

ческих схем, потерпевшими в которых были сотрудники образовательных организаций. Значительная часть персональных данных находится в открытом доступе, что позволяет создавать полное представление об обучающемся или работнике высшей школы. Открытость и доступность – принципы, позволяющие развивать образовательный процесс, но не следует игнорировать также риски и угрозы, которые чаще всего возникают в условиях функционирования цифровой среды.

В июле 2021 г. Минобрнауки РФ разработало Стратегию цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования, которая нацелена на достижение отраслью «цифровой зрелости». Обращает на себя внимание то, что основные задачи строятся на координации всех субъектов образовательной организации. В Стратегии также поставлен неутешительный диагноз: низкая степень заинтересованности в научной карьере среди российского населения. Снижается общее число граждан России, имеющих ученые степени. По данным Росстата, в 2015 г. количество докторов наук составляло 28 046 чел., кандидатов наук – 83 487; в 2023 г. – 22 626 и 69 975 чел. соответственно⁷ [2]. Больше половины докторов наук старше 65 лет, причем 40% (от общего числа) – в возрастной границе 70 лет и старше [1].

Данные факторы являются одними из самых значимых, поскольку цифровую трансформацию реализуют кадры, они выступают одним из ключевых объектов воздействия с ее стороны. Если негативный тренд не будет переломлен, то он приведет к воспроизведству проблемы от поколения к поколению. Не самые лучшие специалисты (которые, как правило, не отличаются необходимыми креативностью и мотивацией), приходящие в систему образования, станут поколенческим мостом в процессе передачи знаний. Их недостатки будут только усугублять негативный тренд.

Распоряжением Правительства РФ от 05.07.2025 № 1805-р утверждено Стратегическое направление в области цифровой трансформации науки и высшего образования до 2030 года⁸, согласно которому будет создаваться единый

⁷ Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/nauka_3.xls (дата обращения: 26.08.2025).

⁸ Стратегическое направление в области цифровой трансформации науки и высшего образования до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 05.07.2025 № 1805-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 28, ст. 4024.

⁶ A Thriving Digital Future for All. URL: <https://www.smartnation.gov.sg/> (дата обращения: 26.08.2025).

цифровой контур. В его основе – домены «Наука и инновации» и «Образование». Ключевые тренды: использование искусственного интеллекта, облачные вычисления, информационная безопасность. Приведенный перечень, показывает, что трактовка цифровизации образования только через расширение возможностей онлайн-обучения устаревает (хотя этот элемент сохраняет свое весомое значение). Меняется предназначение высшего учебного заведения, цифровые технологии трансформируют коммуникативные связи, которые всегда в образовании обладают приоритетом.

Знакомство с министерской Стратегией позволяет определиться с общими мировыми тенденциями в цифровой трансформации образования и науки, что необходимо учитывать в отечественных реалиях. Систематизируем их.

1. Рост популярности онлайн-образования и иных цифровых форм получения новых знаний. Появилось такое понятие, как «микрообучение», согласно которому в рамках дистанционных форм приобретаются «микронавыки».

2. Появление мобильного образования, отличающегося своей спецификой – разделением курса на небольшие темы с 2–3-минутным видео и небольшими пояснениями. На рынке появляются мобильные платформы для получения отдельных профессиональных навыков. Подобная модель создает основу для непрерывного образования: получение компетенций через мобильный телефон в режиме реального времени и под возникающую ситуацию. В качестве банального примера можно привести ситуацию поиска решения личной проблемы: от починки бытовой техники до поиска нового рецепта. Стало нарицательным слово «погуглить», что позволяет найти необходимое видео, где даются практические советы. Аналогичные практики сейчас используются и в образовании. В первую очередь, их освоили корпорации, нацеленные на постоянное повышение квалификации собственных работников.

3. Монополизация рынка, вызванная внедрением таких технологий, как облачные вычисления, искусственный интеллект, обработка больших данных. С учетом того, что в цифровом бизнесе уже сформировался свой пул основных участников, он перенесен и на цифровое образование. Обратим внимание, что гиганты технологической индустрии ведут серьезную экспансию, которая простирается не только на экономику (для получения максимальной

прибыли), но и на политику, на формирование поведенческой аксиологии. Если указывать на американские компании, то, помимо огромных финансовых ресурсов, они заручились поддержкой со стороны официальной власти. В июле 2025 г. на сайте Белого дома (США) опубликован документ «Победа в гонке ИИ. План действий Америки в области ИИ»⁹ (в нем особое место уделено развитию науки и образования), в котором технологический прорыв основывается на продвижении американских ценностей. Соединение технологического прогресса и гуманитарных ценностей – ключевой элемент стратегий многих стран, где следует выделить принятый в Японии Базовый план науки и технологий на 2022–2026 гг.)¹⁰. В его центре – человекоориентированность.

4. «Глобальный цифровой разрыв», который накладывается на поколенческое разделение. С учетом того, что для российской системы образования характерно старение кадров, то указанный разрыв тиражируется на процесс передачи данных. Старшее поколение не может сформировать у обучающихся необходимые цифровые навыки, что приводит к общему отставанию системы образования, к невозможности выпускников конкурировать в высокотехнологичной среде.

5. Быстрое «старение» профессиональных умений, что требует постоянного обновления «багажа знаний». Высоковостребован на рынке труда специалист, способный к постоянному обучению и имеющий цифровые навыки такого периодического обновления.

Все перечисленные тенденции указывают на еще большую востребованность персонализации образовательного процесса (как сейчас модно указывать – «индивидуальный трек»). Если углубляться в проблематику, то это также приводит к понятию бесшовного образования, активно обсуждаемому в последнее время (непрерывное обучение в течение всей жизни человека). Бесшовность предполагает также гармоничный переход от уровня к уровню образования, от программы к программе, что может привести к мобильности студенчества, вокруг которой сломано немало копий при переходе

⁹ Winning the Race. America's AI Action Plan. URL: <https://www.whitehouse.gov/articles/2025/07/white-house-unveils-americas-ai-action-plan/> (дата обращения: 26.08.2025).

¹⁰ Science, Technology, and Innovation Basic Plan, March 26, 2021, Government of Japan. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/english/sti_basic_plan.pdf (дата обращения: 26.08.2025).

к принципам Болонской системы еще в начале 2000-х гг. Благодаря цифровизации такая бесшовность как раз может быть обеспечена с минимальными административными и организационными барьерами [2].

Теоретический анализ

При анализе нового явления – цифровизации высшего образования – многими оно рассматривается в упрощенной логике, где в центре внимания находятся цифровые технологии, которые применимы к одной из социальных сфер. В данном случае речь идет об образовании. Однако, не умаляя значения такого подхода, хотелось бы расширить проблематику: цифровизация несет в себе качественные изменения, где происходит переход от личных коммуникаций (преподаватель – обучающийся) к отдаленным формам взаимодействия, а также к алгоритмическим способам решения всех возникающих вопросов. При этом, как отмечают многие исследователи, цифровизация в настоящем виде не представляет альтернативных моделей поведения [3]. Она неизбежна и носит всеобъемлющий характер. Таким образом, применение инноваций приведет к переформатированию всей модели передачи знаний. Это неизбежно обусловит изменение роли учебных заведений, которые, по-видимому, будут представлять собой иную институциональную модель, параметры которой отчасти вырисовываются, но все еще не ясны.

Уточним заявленный тезис. Цифровые технологии превратились в значимую общественную силу, меняющую при их применении основы основ. Приведем показательный пример. Создание платформенной экономики сделало для глобализации больше, чем все предыдущие проведенные политические форумы (которые только способствовали появлению антиглобалистов) под знаменем открытости экономического обмена. Появились такие явления, как «юберизация» экономики, благодаря которой происходит вытеснение тех участников, которые не строят свою экономическую деятельность на основе цифровой платформы. Стало значимым понятие «gig economy» – экономика свободного заработка с помощью цифровой платформы¹¹, которая преобразовала фриланс

(англ. *freelance* – буквально: свободный работник) в стандартную модель экономического поведения. В Российской Федерации принят Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»¹², который отчасти отреагировал на прошедшие изменения. Экономика совместного пользования как один из главных трендов платформизации превращается в образование совместного обучения (с максимальным использованием возможностей сетевого взаимодействия) [4].

Происходит трансформация образования, при которой обучающийся перестает быть потребителем знаний, а вуз его источником (в лице преподавателя и вспомогательных подразделений – библиотека, учебная лаборатория, лекторий, кинозал и др.). Сейчас все обучающие технологии доступны каждому благодаря цифровому гаджету (простому, недорогому и не занимающему много места). Он открывает доступ ко всем научным фондам, виртуальным симуляторам, обучающим программам, онлайн-занятиям с ведущими учеными. В такой конкуренции вуз, пытающийся опираться только на «старый багаж», будет изначально проигравшей стороной. К тому же он не сможет дать качественное образование, которое все больше и больше будет опираться исключительно на цифровые решения и соответствующие навыки, которые должны быть не только у обучающегося, но и у проводника знаний. Более того, в растущей цифровизации образования заинтересованы многие технологические компании, которые предлагают различные алгоритмические решения всевозможных проблем, быстрое получение профессиональных навыков, которые позволяют улучшить свои экономические позиции будущего специалиста. Происходит слияние образовательной среды с платформенными экосистемами, когда приоритеты выстраиваются под запросы технологической компании. Подобная тенденция констатируется за рубежом [5].

Аналогичные примеры конвергенции можно наблюдать в России. Высшая школа экономики в партнерстве с Yandex Cloud реализует программу построения Цифрового университета, который предназначен «для формирования комфортной, профессиональной среды для

¹¹ What is the gig economy and what's the deal for gig workers? // World Economic Forum. Nov. 22, 2024. URL: <https://www.weforum.org/stories/2024/11/what-gig-economy-workers/> (дата обращения: 26.08.2025).

¹² Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 31, ст. 4643.

студентов, преподавателей, исследователей и ученых». Иными словами, цифровой университет – это концепт соединения возможностей современных технологий и процесса получения знаний. Одно из его достоинств заключается в создании таких платформенных решений (цифровые образовательные сервисы, контент с разнообразным функционалом, цифровые тренажеры и многое другое), которые с минимальной «подгонкой» могут применяться широким кругом пользователей¹³. Есть и другие формы сотрудничества: Университет 20.35 и Яндекс подписали соглашение о запуске образовательной программы по анализу данных. В развитии цифрового образования активно участвуют такие организации, как СберУниверситет (создал уникальную образовательную платформу для повышения квалификации и развития цифровых навыков преподавателей среднего и высшего образования в онлайн-формате), ИТМО, реализующий программы по использованию искусственного интеллекта в образовательной деятельности совместно с Альфа-банком.

Подобная политика интеграции вытекает из новых подходов, определенных в ряде аналитических документов, подготовленных для оценки стратегии будущего развития цифрового государства. Среди них следует особо выделить доклады «Государство как платформа» [6] (подготовлен коллективом РАНХиГС) и «Государство как платформа, (кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация» [7] (подготовлен Центром стратегического развития). В этих документах обосновывается перенесение принципов платформенной экономики на функционирование органов публичной власти. Это – мировой тренд, обусловленный современным технологическим развитием. Эта модель может быть перенесена на образовательную деятельность. Общая идея поддержана высшими органами государственной власти Российской Федерации, что отражено в Концепции создания и функционирования единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех» (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 21.10.2022 № 3102-р¹⁴),

¹³ Цифровой университет Высшей школы экономики. URL: <https://yandex.cloud/ru/cases/digital-hse> (дата обращения: 20.08.2025).

¹⁴ Концепции создания и функционирования единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех» : распоряжение Правительства РФ от 21.10.2022 № 3102-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 44, ст. 7594.

Положении о единой цифровой платформе Российской Федерации «ГосТех» (утверждено Постановлением Правительства РФ от 16.12.2022 № 2338¹⁵). Обратим также внимание, что в Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹⁶ предусматривается обновленная цель национального развития, включающая в себя цифровую трансформацию не только государственного и муниципального управления, но и экономики и социальной сферы.

При общем позитивном эффекте от указанной конвергенции образовательных организаций и коммерческих экосистем есть и негативный момент, который констатируется во всем мире: цифровые технические навыки превалируют над гуманитарными ценностями, которые приобретаются в процессе традиционных академических устремлений [8]. Цифровизация в современном виде тесно связана с технокапitalизмом, господством технологических компаний, которые все увереннее диктуют свои условия развития общества, где образование превращается в предпринимательскую ценность, а обучающиеся рассматриваются как поставщики данных, необходимых для алгоритмической обработки с помощью искусственного интеллекта. Изначально цифровизация продвигалась с заманчивым обещанием о доступности, равенстве и инклюзивности образования. Задача общества и государства – чтобы оно не утрачивало свою актуальность.

Всеобщая цифровизация определяет новый вызов – перестройка рынка труда. Различные новостные ленты пестрят сообщениями о неизбежности многих устоявшихся профессий. Одним из цитируемых в 2025 г. стало интервью основателя компании «Microsoft» Билла Гейтса, который сформулировал свой прогноз изменений мира под влиянием искусственного интеллекта: значительное сокращение числа профессий, где нужен будет человек, а не машина [9]. В их числе находятся и юристы. Более оптимистичен Отчет компании Mckinsey – Mckinsey Digital Report, который публикуется

¹⁵ Положение о единой цифровой платформе Российской Федерации «ГосТех» : постановление Правительства РФ от 16.12.2022 № 2338 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 52, ст. 9610.

¹⁶ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 20, ст. 2584.

ежегодно, в 2025 г. он получил специальное название – «Суперагентство на рабочем месте: предоставление людям возможности раскрыть весь потенциал ИИ»¹⁷. В данном документе прогнозируется, наоборот, увеличение числа рабочих мест, но с новыми навыками и профессиональными компетенциями. В любом случае в перспективе переходный период, который непосредственно затрагивает систему образования, перед которой будет поставлена не только задача подготовки молодых специалистов, но и переобучение уже состоявшихся, но вытесненных в результате распространения инноваций. Отметим, что темпы изменения структуры рынка труда не имеют точных параметров. Разрывы, вызванные цифровизацией, будут представлять собой асинхронный процесс, затрагивающий каждый спектр образовательных услуг (по направлениям и уровням подготовки) с разной скоростью и с разным содержанием. Уже сейчас есть указания на то, что постцифровой мир (есть целая концепция постцифрового будущего, содержание которой требует самостоятельного исследования) приведет к масштабным разочарованиям в самой системе образования, ее содержании и базовых принципах культуры общества (среди которых есть представление о труде как основе социального благополучия) [10].

Футурология постцифрового образования согласна в ключевом аспекте – повышается роль человека, участвующего в образовательном процессе. Преподаватель высшей школы – это не только «мостик» передачи знаний от поколения к поколению, но и канал преемственности гуманистических ценностей, значение которых только вырастает в сложное время, которое мы переживаем. Как отмечает И. В. Ершова, «надеемся, что компьютерные симуляции, виртуальная реальность, облачные технологии и общение с ботом не заменят единственную настоящую роскошь – роскошь человеческого общения» [11, с. 67]. М. Л. Гальперин подчеркивает, что именно харизматические преподаватели должны стать активом вуза, где его основная задача – заполучить и удержать их любой ценой [12].

Цифровизация обуславливает и структурные изменения в организации образовательной

деятельности в высшей школе. Во многом она несет в себе полезный универсализм, который снизит административную нагрузку с преподавателя, переключив его усилия на человеческое взаимодействие с обучающимися.

В этой части необходимо рассмотреть уже апробированный опыт передовых образовательных организаций. Цифровизация во многом ускорила взаимодействие государства с гражданами. Мы все привыкли к получению документов в электронном виде, к автоматической наполненности заявлений из ранее представленных сведений и сохраненных в личном кабинете, к онлайн- отправке запросов и многому другому, что можно сделать в круглогодичном режиме с помощью любого удобного электронного гаджета, имеющего подходящий функционал.

Необходимо использовать пример Российского биотехнологического университета (РОСБИОТЕХ), где административные ресурсы по взаимодействию с обучающимися объединены в МФЦ «Единый деканат», подразделения которого расположены в двух кампусах вуза. Его предназначение предельно ясно обозначено на сайте: формирование цифрового пространства, обеспечивающего единство процессов образовательной деятельности в формате системы «одного окна»¹⁸. Аналогичный МФЦ действует в Московском государственном юридическом университете им. О. Е. Кутафина¹⁹. Большинство необходимых справок любой обучающийся может заказать без очного похода в деканат, а благодаря электронному запросу через свой личный кабинет. Внедрение подобного подхода ускоряет процесс административного делопроизводства, устраниет неэффективные барьеры, которые максимально раздражают: выдача сведений только в строго отведенное время, длительное ожидание получения документов, хождения по инстанциям для получения заветного согласования. Такие изменения необходимо масштабировать на все образовательные организации. Помимо удобства и клиентоориентированности следствием изменений будет оптимизация административного персонала.

По-видимому, Минобрнауки России должно своим волевым решением принять «дорож-

¹⁷ Superagency in the workplace: Empowering people to unlock AI's full potential. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/superagency-in-the-workplace-empowering-people-to-unlock-ais-full-potential-at-work> (дата обращения: 25.08.2025).

¹⁸ МФЦ «Единый деканат». URL: <https://mgupp.ru/obuchayushchimsya/dekanat/> (дата обращения: 25.08.2025).

¹⁹ МФЦ. URL: <https://mfc.msal.ru/> (дата обращения: 25.08.2025).

ную карту» цифровизации административного документооборота с установлением параметров, сроков внедрения. Это приведет к значимой экономии государственных расходов. Во многих вузах сохраняется парадоксальная ситуация: государство проделало огромную работу по цифровизации публичного управления, а система образования, которая должна готовить специалистов для ее обеспечения, находится в устаревшей системе координат. Чаще всего за отсутствием внедрения инноваций стоит нежелание управленческого звена менять устоявшиеся правила, позволяющие сохранять собственный комфорт за федеральные средства.

Платформенные решения для образовательной деятельности – направление будущего развития. В этой части необходимо выявление «сильных игроков» – университетов, заявляющих амбициозные планы по расширению своей сферы деятельности и распространению опыта на все регионы Российской Федерации. Самым выгодным вариантом (в том числе в плане экономии федеральных ресурсов) было бы выделение экспериментальных вузов, имеющих опыт по обеспечению деятельности системы «цифровой университет», в числе которых следует выделить Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), РАНХиГС, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Каждый из указанных вузов имеет сеть филиалов, отработанную систему электронного взаимодействия, унифицированные учебные материалы. Учет их опыта послужит основой для последующих решений оптимизации образовательного пространства. Не будем скрывать, что значительный объем федеральных ресурсов оттягивают высшие учебные заведения, не проявляющие себя в различных федеральных программах, которые разрабатывались Правительством РФ, Минобрнауки России. Эти программы утверждались именно для внедрения инноваций в процесс обучения, где ключевым фактором выступала конвергенция образования и науки, учебного заведения и потенциальных работодателей, процесса познания и интеграции технологий. Многие учебные заведения не соответствовали критериям «входного билета», показали слабый уровень условий для освоения новаций, не смогли претендовать ни на статус «национального исследовательского университета», ни на статус опорного вуза, не смогли войти

в программу «Приоритет 2030». При этом те организации, которые получают дополнительное финансирование (а оно происходит уже на протяжении двух десятилетий), увеличивают разрыв своей базы с теми, кто не смог достойно заявиться во всех возможных конкурсах. Анализ управленческой базы «отстающих» вузов показывает, что в них ставка делается на кадры, которые не отличаются высокой компетенцией. Продвигаются лица, не являющиеся в работе с обучающимися нравственными ориентирами, не имеющие личностных качеств, высоких реальных научных и образовательных достижений. Среди них есть и те, которые запятнаны фактами плагиата и научной нечистоплотностью. При таком подборе кадров вряд ли можно ждать научных прорывов и слаженной коллективной работы.

Подобные факты должны стать основой для организационных решений: преобразования отстающих вузов в филиалы передовых университетов (именно в филиалы нескольких вузов, исходя из их специализации, чтобы это не выглядело отягощенной «общественной нагрузкой»; бремя надо распределять). Такая практика приведет к повышению эффективности государственных затрат, которые будут централизованы и находиться под контролем головного учебного заведения. Это также создаст необходимую конкуренцию на местах.

Результаты

Цифровизация – условие будущего развития современного образования. От скорости внедрения инноваций в текущую деятельность высших учебных заведений зависит состояние готовности общества к серьезным преобразованиям, которые намечаются в период смены эпох. Следует признать, что в условиях жестких подходов к экономии государственных ресурсов Минобрнауки России придется руководствоваться административными методами при выстраивании индикаторов преобразования вуза в «цифровой университет» и оценке соответствия им при анализе текущего состояния образовательной организации. Необходимо провести мониторинг эффективности всей образовательной системы, на основе которого и будут приниматься организационные выводы в отношении управленческого звена, показывающего неспособность к столь значимым преобразованиям.

Преобразования необходимо разделить на две большие составляющие: институциональные и содержательные. Если еще 10 лет назад цифровизация ассоциировалась с наполнением соответствующей техникой, то сейчас данное направление должно охватывать:

1) институции – систему образовательных организаций «нового поколения». Сложность будет заключаться в том, что некоторые организации в силу различных причин не смогут дотянуться до поставленной государством планки, что предопределит их судьбу. Оптимизация образовательной сферы должна основываться на преобразовании «отстающих» в филиалы передовых вузов или в кластеры, объединенные по принципу сетевого взаимодействия;

2) содержание образования, которое должно сочетать в себе элементы универсализма, которые в наибольшей мере будут реализовываться благодаря алгоритмизации и цифровым решениям, и элементы прямого контакта обучающегося и преподавателя-человека. Принципы платформенной экономики должны быть внедрены в образовательный процесс. При этом роль личности будет, как никогда, определять статус университета. Именно Человек может обеспечить передачу навыков по построению эмоционального интеллекта, где значение приобретает не сумма знаний (это обеспечит искусственный интеллект), а эмпатия и умение сотрудничать.

В условиях тотальной цифровизации (которая распространяется на все сферы жизни) усиливается значение гуманитарной подготовки, определяющей этику поведения подрастающего поколения. Уже с ее учетом необходимо привитие навыков постоянного обучения. Наиболее актуальные в настоящий момент тренды – смена структуры рынка трудовых ресурсов, вытеснение человека из определенных сфер деятельности, снижение зависимости личного благосостояния от привычного понимания труда – повышают значение мобильности образовательной системы и ее возможности интегрировать междисциплинарные знания в процесс получения новых профессиональных навыков.

Меняется роль преподавателя, который перестает быть пассивным проводником в мире знаний. Эта роль может выполняться цифровыми помощниками с искусственным интеллектом, причем гораздо лучше, чем некоторые представители высшей школы (не будем

прятаться от констатации некоторых очевидных фактов). Повышается значение научной деятельности профессорско-преподавательского состава, который должен стать тем источником данных, которые могут подвергаться алгоритмизации для успешного и эффективного функционирования технологий на основе искусственного интеллекта.

Таким образом в центре цифровых преобразований должен стоять человек. А это: 1) студент, который формируется как целостная личность, вбирающая в себя человеческие качества, обусловливающие поступательное развитие общества и государства; 2) преподаватель, современный, отзывчивый, дружелюбный, креативный, харизматический, способный выстроить эмоциональную связь с молодым поколением для привития ему желание постоянно обогащать свои знания, не утрачивая при этом в себе элементарной человечности.

Список литературы

1. Индикаторы науки: 2025 : стат. сб. / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич [и др.]. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 396 с.
2. Улинова И. Х. Развитие ИТ-компетенций в научно-образовательной сфере как фактор формирования современной социализированной личности // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2024. № 6. С. 88–91.
3. Armila P., Sivenius A., Stanković B., Juutilainen L. Digitalization of education: Commodification hidden in terms of empowerment? // Postdigital Science and Education. 2024. Vol. 6. P. 556–571. <https://doi.org/10.1007/s42438-022-00347-8>
4. Knox J. What does the «Postdigital» mean for education? Three critical perspectives on the digital, with implications for educational research and practice // Postdigital Science and Education. 2019. Vol. 1. P. 357–370. <https://doi.org/10.1007/s42438-019-00045-y>
5. Shen Chien-wen, Ho Jung-tsung. Technology-enhanced learning in higher education: A bibliometric analysis with latent semantic approach // Computers in Human Behavior. 2020. Vol. 104. Art. 106177. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.106177>
6. Государство как платформа: Люди и технологии / под ред. М. С. Шклярук. М. : РАНХиГС, 2019. 111 с.
7. Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Государство как платформа, (кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9cce0db1eecd56071b98f5f.pdf> (дата обращения: 26.08.2025).

8. Jandrić P., Hayes S. Postdigital We-Learn // Studies in Philosophy and Education. 2020. Vol. 39. P. 285–297. <https://doi.org/10.1007/s11217-020-09711-2>
9. Huddleston Jr. T. Bill Gates: Within 10 years, AI will replace many doctors and teachers – humans won't be needed «for most things». URL: <https://www.cnbc.com/2025/03/26/bill-gates-on-ai-humans-wont-be-needed-for-most-things.html> (дата обращения: 26.08.2025).
10. Jandrić P., Knox J. The postdigital turn: Philosophy, education, research // Policy Futures in Education. 2022. Vol. 20, iss. 7. P. 780–795. <https://doi.org/10.1177/14782103211062713>
11. Ершова И. В. Цифровизация образования: pro et contra // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 61–68.
12. Гальперин М. Л. Почему после цифрового века юридического образования наступит Средневековье? // Закон. 2021. № 8. С. 96–101.

References

1. Indikatory nauki: 2025: statisticheskiy sbornik [Gokhberg L. M., Dikovsky K. A., Evnevich E. I. et al. Science indicators: 2025: Statistical digest]. Moscow, ISSEK HSE Publ., 2025. 396 p. (in Russian).
2. Ulinova I. Kh. Development of IT competencies in the scientific and educational sphere as a factor in the formation of a modern socialized personality. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'* [Intellectual Property. Industrial Property], 2024, no. 6, pp. 88–91 (in Russian).
3. Armila P., Sivenius A., Stanković B., Juutilainen L. Digitalization of education: Commodification hidden in terms of empowerment? Postdigital Science and Education, 2024, vol. 6, pp. 556–571. <https://doi.org/10.1007/s42438-022-00347-8>
4. Knox J. What does the “Postdigital” mean for education? Three critical perspectives on the digital, with implications for educational research and practice. *Postdigital Science and Education*, 2019, vol. 1, pp. 357–370. <https://doi.org/10.1007/s42438-019-00045-y>
5. Shen Chien-wen, Ho Jung-tsung. Technology-enhanced learning in higher education: A bibliometric analysis with latent semantic approach. *Computers in Human Behavior*, 2020, vol. 104, art. 106177. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.106177>
6. Gosudarstvo kak platforma: Lyudi i tekhnologii [Shklyaruk M. S. (ed.) The State as a Platform: People and Technologies]. Moscow, RANEPA, 2019. 111 p. (in Russian).
7. Petrov M., Burov V., Shklyaruk M., Sharov A. Gosudarstvo kak platforma, (kiber)gosudarstvo dlya tsifrovoy ekonomiki. Tsifrovaya transformatsiya (The State as a Platform, (Cyber)State for the Digital Economy. Digital Transformation). Available at: <https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9cce0db1ee0cd56071b98f5f.pdf> (accessed August 26, 2025) (in Russian).
8. Jandrić P., Hayes S. Postdigital We-Learn. *Studies in Philosophy and Education*, 2020, vol. 39, pp. 285–297. <https://doi.org/10.1007/s11217-020-09711-2>
9. Huddleston Jr. T. Bill Gates: Within 10 years, AI will replace many doctors and teachers – humans won't be needed «for most things». Available at: <https://www.cnbc.com/2025/03/26/bill-gates-on-ai-humans-wont-be-needed-for-most-things.html> (accessed August 26, 2025).
10. Jandrić P., Knox J. The postdigital turn: Philosophy, education, research. *Policy Futures in Education*, 2022, vol. 20, iss. 7, pp. 780–795. <https://doi.org/10.1177/14782103211062713>
11. Ershova I. V. Digitalization of education: Pro et contra. *Business Law*, 2019, no. 3, pp. 61–68 (in Russian).
12. Galperin M. L. Why will the Middle Ages come after the digital age of legal education? *Law*, 2021, no. 8, pp. 96–101 (in Russian).

Поступила в редакцию 27.08.2025; одобрена после рецензирования 12.09.2025; принята к публикации 15.09.2025
The article was submitted 27.08.2025; approved after reviewing 12.09.2025; accepted for publication 15.09.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 409–415

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 409–415

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-409-415>, EDN: KJLFMO

Научная статья

УДК 342.9

Таможенный контроль как цифровая экосистема

С. А. Агамагомедова

Институт государства и права Российской академии наук, Россия, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Агамагомедова Саняят Абдулганиевна, доктор юридических наук, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, saniyat_ag@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8265-2971>

Аннотация. Введение. В условиях активного реформирования государственного контроля и надзора, стремительной цифровизации контрольно-надзорных механизмов формируются относительно новые подходы к исследованию контрольно-надзорной деятельности государства, ее видов и направлений. Одним из таких научных подходов выступает экосистемный подход – подход, основанный на позиционировании контроля и надзора в качестве цифровой экосистемы. В статье предпринята попытка рассмотреть современный таможенный контроль как цифровую экосистему. **Теоретический анализ.** Понятие экосистемы пришло из теории естественного научного знания, ноочно внедряется в область общественных наук. Оно начинает использоваться специалистами применительно к государственному контролю и надзору. Использование понятия экосистемы применительно к таможенному контролю вполне оправданно с точки зрения уровня цифровизации таможенного контроля. Цифровая экосистема таможенного контроля включает в себя: нормативно-правовую основу таможенного контроля; систему таможенных органов; принципы правовой регламентации и осуществления таможенного контроля; контрольно-надзорные процедуры и информационные системы. **Эмпирический анализ.** Выявлено, что цифровая экосистема таможенного контроля проявляется в использовании системы управления рисками, позиционировании цифровых профилей в качестве объектов таможенного контроля, развитии цифровых сервисов, появлении новых инструментов таможенного контроля (таможенный мониторинг). **Результаты.** На основе проведенного анализа выделено несколько вариантов понимания цифровой экосистемы таможенного контроля: цифровая экосистема таможенного контроля как отражение уровня цифровой зрелости таможенного контроля; экосистемный подход как современный принцип таможенного контроля; понятие цифровой экосистемы как основы методологического приема к исследованию таможенного контроля в современных условиях; цифровая экосистема как критерий оценки уровня взаимодействия участников контрольно-надзорных правоотношений; цифровая экосистема как показатель оценки степени открытости и доверия внутри данной системы.

Ключевые слова: цифровая экосистема, таможенный контроль, цифровые сервисы, информационные системы, система управления рисками, доверие, таможенный мониторинг

Для цитирования: Агамагомедова С. А. Таможенный контроль как цифровая экосистема // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 409–415. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-409-415>, EDN: KJLFMO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Customs control as a digital ecosystem

S. A. Agamagomedova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10 Znamenka St., Moscow 119019, Russia

Saniyat A. Agamagomedova, saniyat_ag@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8265-2971>

Abstract. Introduction. In the context of active reform of state control and supervision, rapid digitalization of control and supervisory mechanisms, relatively new approaches to the study of state control and supervisory activities, their types and directions are being formed. One of these scientific approaches is the ecosystem approach, the approach based on positioning control and supervision as a digital ecosystem. The article attempts to consider modern customs control as a digital ecosystem. **Theoretical analysis.** The concept of an ecosystem comes from the theory of natural scientific knowledge, but is firmly embedded in the field of social sciences. It is beginning to be used by specialists in relation to state control and supervision. The use of the ecosystem concept in relation to customs control is fully justified from the point of view of the level of digitalization of customs control. The digital ecosystem of customs control includes: the regulatory framework of customs control; the system of customs authorities; principles of legal regulation and implementation of customs control; control and supervisory procedures and information systems. **Empirical analysis.** It was revealed that the digital ecosystem of customs control is manifested in the use of a risk management system, the positioning of digital profiles as objects of customs control, the development of digital services, and

the emergence of new customs control tools (customs monitoring). **Results.** Based on the conducted analysis, several interpretations of the digital ecosystem of customs control were identified: the digital ecosystem of customs control as a reflection of the level of digital maturity of customs control; the ecosystem approach as a modern principle of customs control; the concept of a digital ecosystem as the basis for a methodological approach to studying customs control in modern conditions; the digital ecosystem as a criterion for assessing the level of interaction between participants in control and supervisory legal relations; the digital ecosystem as an indicator of the degree of openness and trust within a given system.

Keywords: digital ecosystem, customs control, digital services, information systems, risk management system, trust, customs monitoring

For citation: Agamagomedova S. A. Customs control as a digital ecosystem. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 409–415 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-409-415>, EDN: KJLFMO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Государственный контроль и надзор, отдельные их виды могут рассматриваться в современной юридической науке с самых разных точек зрения. Развитие методологических подходов к исследованию контрольно-надзорной деятельности государства происходило постепенно, от понимания контроля и надзора в государственном управлении в качестве средств обеспечения законности и дисциплины до современного позиционирования контрольно-надзорной деятельности как публично-правового института, административной процедуры (части административного процесса), административного барьера, стадии регуляторного цикла, средства достижения охраняемых законом ценностей в определенной сфере общественных отношений. Все эти методологические приемы к исследованию государственного контроля и надзора имеют место быть и представляют определенную научную ценность, так как позволяют акцентировать внимание на различных свойствах, сторонах, аспектах данного понятия, вычленить его характеристики, значимые для конкретной области социального взаимодействия и (или) этапа государственного строительства.

Одним из относительно новых, порожденных цифровизацией научно-методологических подходов к исследованию данного понятия выступает, на наш взгляд, возможность рассмотрения государственного контроля и надзора в качестве цифровой экосистемы. Представляется, что для этого есть достаточные основания:

– во-первых, это неразрывная связь современных контрольно-надзорных процедур с информационными системами различного рода (включая государственные информационные системы);

– во-вторых, усложнение структуры контрольно-надзорного взаимодействия, вклю-

чающей в себя систему управления рисками, иные составляющие, использование которых осуществляется в большинстве своем в цифровом поле;

– в-третьих, появление новых объектов контрольно-надзорного внимания (цифровые профили, цифровые двойники и др.), а также новых инструментов государственного контроля и надзора, основанных на цифровой открытости данных как административных органов, так и подконтрольных лиц (налоговый и таможенный мониторинг и др.);

– в-четвертых, в условиях формирующейся платформенной экономики контрольно-надзорное воздействие в экономической сфере не может быть вне платформенных решений, цифровых платформ, цифровых экосистем, иных новых форматов цифрового взаимодействия.

Актуальность обозначенной темы исследования обусловлена и последними изменениями отечественного законодательства. Речь идет, прежде всего, о принятии федерального закона «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»¹, который должен вступить в силу 1 октября 2026 г.

С учетом того, что наиболее развитыми сегодня являются финансовые экосистемы, такие финансовые направления государственной контрольно-надзорной деятельности, как таможенный, налоговый, валютный контроль, закономерно рассматриваются с позиций создания и функционирования специализированных цифровых экосистем. Особое место здесь занимает таможенный контроль, который по праву признается максимально автоматизированным, включенным в процессы

¹ Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 31, ст. 4643.

цифрового взаимодействия при трансграничном перемещении товаров, оценки соблюдения таможенных правил и защиты частных и публичных интересов при совершении таможенных операций, подавляющее большинство которых сегодня осуществляется в электронной форме.

Все эти факторы определили необходимость исследования института таможенного контроля с точки зрения цифровой экосистемы.

Теоретический анализ

Прежде чем говорить о цифровой экосистеме таможенного контроля, необходимо определиться с пониманием экосистемы в современной науке в целом, тем более что понятие это имеет междисциплинарный характер.

Первоначальный смысл понятия экосистемы в науке был связан с экологией и учитывал биологические, экологические и иные факторы в развитии. Позже данный экологический подход был распространен на социальное взаимодействие и развитие. Ученые сравнивают функционирование экосистемы с процессами, которые составляют физиологическое функционирование в организме, и позиционируют эти функции в качестве основы для устойчивого предоставления «товаров» и «услуг», от которых зависят люди [1, с. 1–2].

Под социально-экономической экосистемой отечественные ученые понимают локализованный комплекс организаций, бизнес-процессов, инновационных проектов и инфраструктурных образований, способный к длительному самостоятельному функционированию за счет кругооборота ресурсов, продуктов и систем [2, с. 40]. Социально-экономическая экосистема основывается на создании, дифференциировании и обороте информации (по аналогии с оборотом вещества и энергии в природных экосистемах). Экосистемы – это тип социально-экономических систем [3, с. 6].

Если мы говорим о цифровой экосистеме как объекте правового регулирования, то в первую очередь следует учитывать объемы и скорость оборота информации, которая является основой любого социального взаимодействия, включая административно-правовое.

Ведущие ученые справедливо отмечают, что, будучи порождением созданной в середине XX в. кибернетики, цифровизация с начала своего появления была нацелена в первую очередь

на совершенствование процессов управления в системах любой сложности, ибо управление всегда зиждется на получении, переработке и передаче информации [4, с. 495].

Таможенный контроль как вид государственного контроля не является исключением и основан на информационных связях между государством в лице таможенных органов и участниками внешнеэкономической деятельности. Специалисты в области финансового права отстаивают научную позицию, согласно которой контрольно-надзорные отношения относятся к разновидности информационных связей [5]. Современный таможенный контроль – это не просто информационные связи, это цифровые информационные связи.

Цифровая экосистема таможенного контроля обеспечивает создание, оборот, использование и обработку огромных массивов информации в цифровой форме. При этом содержанием такой экосистемы выступает не только движение информации. Цифровая экосистема таможенного контроля включает в себя следующие базовые элементы, взаимосвязь которых обеспечивает ее полноценное функционирование:

- нормативно-правовую базу таможенного контроля, включающую в себя универсальный международный, интеграционный международный и национальный уровни правового регулирования;
- систему таможенных органов различного уровня и, соответственно, компетенции, осуществляющих таможенный контроль;
- принципы правовой регламентации и осуществления таможенного контроля, важнейшим среди которых выступает принцип использования информационно-коммуникационных технологий при проведении таможенного контроля;
- контрольно-надзорные процедуры, различаемые по стадии осуществления, объекту и форме таможенного контроля, мере, обеспечивающей его проведение, иным критериям дифференциации;
- информационные системы, используемые при осуществлении таможенного контроля (включая государственные информационные системы).

Думается, что перечень этот можно дополнить в части элементов, не прямо входящих в рассматриваемую экосистему, а неразрывно с ней связанных, обеспечивающих ее эффектив-

ность и встроенность в систему публичного управления в целом. На наш взгляд, к таким элементам можно отнести разрешительную систему, систему государственных услуг, механизм досудебного обжалования, юрисдикционные механизмы, связанные с цифровизацией процедур привлечения к административной ответственности за правонарушения, выявленные по результатам контрольно-надзорных мероприятий. Все эти вспомогательные и обеспечивающие элементы косвенно воздействуют на цифровую экосистему таможенного контроля, способствуют ее оптимизации в условиях реформы государственного контроля и надзора в целом.

Эмпирический анализ

Наиболее распространенными среди потребителей в России являются экосистемы в финансовой сфере (банковские и иные). Так, в докладе Банка России для общественных консультаций экосистема (цифровая экосистема) определена как совокупность сервисов, в том числе платформенных решений, одной группы компаний или компаний и партнеров, позволяющих пользователям получать широкий круг продуктов и услуг в рамках единого бесшовного интегрированного процесса². Экосистема, как правило, – это совокупность цифровых платформ.

Согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы в качестве национальных интересов в области цифровой экономики определены в том числе формирование новых рынков, основанных на использовании информационных и коммуникационных технологий, и обеспечение лидерства на этих рынках за счет эффективного применения знаний, развития российской экосистемы цифровой экономики. Под последней в данном документе понимается партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и

² Экосистемы: подходы к регулированию. Доклад для общественных консультаций. Москва, Банк России, 2021. 45 с. URL: https://cbk.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (дата обращения: 07.10.2025).

граждан³. Таким образом, главный принцип экосистемы, цифровой экосистемы – взаимная полезность для всех участников взаимодействия в рамках экосистемы.

Понятие экосистемы государственного контроля медленно и осторожно начинает использоваться экспертами в рамках оценки промежуточных результатов реформы разрешительной и контрольно-надзорной деятельности в России [6, с. 112].

Применительно к таможенной сфере государство также начинает использовать экосистемный подход. Так, согласно официальной информации Федеральной таможенной службы, запланированы и регулярно проходят встречи представителей таможенных органов с региональным бизнесом, целью которых является совместная работа по созданию новой цифровой экосистемы таможенных органов. Эта система будет нацелена не только на обеспечение бесшовности таможенного контроля и технологической независимости, но и на удобство всех пользователей таможенных сервисов⁴.

Представляется, что цифровая экосистема таможенного контроля выступает частью цифровой экосистемы таможенных органов с учетом того, что таможенный контроль выступает базовой функцией таможенных органов, а последние позиционируются на современном этапе, в первую очередь, как органы контроля и надзора⁵.

Важнейшей частью цифровой экосистемы таможенного контроля выступают цифровые сервисы ФТС России. Их функционирует несколько десятков в рамках личного кабинета участника ВЭД, среди них такие цифровые сервисы, которые напрямую связаны с проведением таможенного контроля, отдельных его форм: «Лицевой счет. Проверка открытия лицевого счета физического лица»; «Категория уровня

³ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20, ст. 2901.

⁴ В Центральном таможенном управлении обсудили с бизнесом создание новой цифровой экосистемы таможенных органов. URL: https://t.me/s/customs_rf (дата обращения: 07.10.2025).

⁵ Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе, внесении изменений в Положение о Министерстве финансов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 23.04.2021 № 636 (ред. от 15.05.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 18, ст. 3146.

риска»; «Личный кабинет декларанта»; «Личный кабинет правообладателя»; «Отчетность уполномоченного экономического оператора»; «Отчетность владельца таможенного склада» и др.

Отдельного внимания заслуживает система управления рисками при проведении таможенного контроля, которая используется в таможенной сфере с начала 2000-х гг., задолго до начали использования риск-ориентированного подхода в централизованной сфере государственного контроля и надзора. В настоящее время она полностью внедрена в систему электронного таможенного декларирования и выступает ядром принципа выборочности и достаточности таможенного контроля. Таможенные органы на основе системы управления рисками выбирают объекты и формы таможенного контроля, меры, обеспечивающие его проведение. Использование системы управления рисками направлено на сокращение издержек при проведении таможенного контроля и одновременно на повышение его эффективности.

Использование управления рисками различается на разных этапах таможенного контроля. Если на этапе текущего контроля (на этапе таможенного декларирования товаров) рассматриваемая система управления рисками органично встроена в специализированные программные средства таможенных органов, то на этапе таможенного контроля после выпуска товаров, который в настоящее время выступает приоритетным направлением таможенного контроля, использование механизмов выборочности не может быть полностью автоматизировано [7].

С другой стороны, при проведении таможенного контроля после выпуска товаров цифровизация проявляется в том, что объектом таможенной проверки выступает цифровой профиль подконтрольного лица [8].

Отражением цифровой трансформации инструментария таможенного контроля под воздействием информационно-коммуникационных технологий является внедрение таможенного мониторинга⁶. Несмотря на экспериментальный режим таможенного мониторинга, данный

механизм, с одной стороны, отражает тесную связь таможенного контроля с иными видами государственного контроля фискальной направленности (налоговый мониторинг) [9]. С другой стороны, данный инструмент таможенного контроля стал возможен исключительно как результат развития цифровых технологий, позволяющих предоставить таможенным органам доступ к данным налогового и бухгалтерского учета подконтрольных лиц.

Цифровая экосистема таможенного контроля – это не только и не сколько упрощение контрольно-надзорных процедур, снижение административных барьеров для законопослушного и добросовестного бизнеса [10]. Она представляет собой качественно новый формат цифрового взаимодействия всех сторон контрольно-надзорного правоотношения, в ее правовом и одновременно цифровом поле осуществляются все процессы в рамках управлений связей между элементами экосистемы.

Безусловно, понимание таможенного контроля в качестве цифровой экосистемы развивает теорию таможенного контроля и теорию государственного контроля и надзора в целом, а в практическом отношении несет удобство, комфорт, открытость для сторон контрольно-надзорного взаимодействия. В то же время цифровой формат такого взаимодействия связан с возникновением новых рисков и угроз, связанных как с обеспечением информационной безопасности, так и с проблемами защиты прав подконтрольных субъектов при прохождении цифрового таможенного контроля. Об этом свидетельствует судебная практика по административным спорам, инициированным по результатам контрольно-надзорных мероприятий таможенных органов⁷. Экосистемные подходы в исследовании таможенного контроля призваны решить подобные проблемы, минимизировать их появление в будущем.

Цифровая экосистема таможенного контроля – часть цифровой экосистемы государственного контроля и надзора и одновременно элемент цифровой экосистемы таможенных органов. В то же время более широкий взгляд на понятие экосистемы позволяет рассматривать цифровую экосистему таможенного контроля как составляющую предпринимательской эко-

⁶ О проведении эксперимента по мониторингу таможенными органами сведений, имеющихся в их распоряжении и полученных от лиц, участвующих в данном эксперименте, из систем учета товаров (вместе с «Положением о проведении эксперимента по мониторингу таможенными органами сведений, имеющихся в их распоряжении и полученных от лиц, участвующих в данном эксперименте, из систем учета товаров») : постановление Правительства РФ от 16.02.2023 № 240 (ред. от 11.08.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 9, ст. 1476.

⁷ См.: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.12.2021 № 13АП-37700/2021 по делу № А56-879/2021 ; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.11.2022 № Ф09-7873/22 по делу № А76-25577/2021. Документы опубликованы не были. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

системы, в которой государство присутствует, прежде всего, посредством контрольно-надзорного внимания [11].

Результаты

На основе проведенного анализа можно сделать выводы о возможности нескольких вариантов понимания цифровой экосистемы таможенного контроля.

Во-первых, цифровая экосистема таможенного контроля отражает уровень цифровой зрелости таможенного контроля.

Во-вторых, экосистемный подход может рассматриваться в качестве современного принципа таможенного контроля, определенным развитием более традиционного принципа цифровизации контрольно-надзорной деятельности таможенных органов [12].

В-третьих, понятие цифровой экосистемы выступает стержнем методологического приема к исследованию таможенного контроля в современных условиях. Подобный экосистемный подход дополняет уже сложившуюся методологию в научных исследованиях таможенного контроля, связанных с совершенствованием контрольной деятельности таможенных органов в условиях цифровизации [13–15], обогащает ее, учитывая при этом развитие информационно-коммуникационных технологий при осуществлении контрольно-надзорного взаимодействия, в том числе и в рамках международного сотрудничества.

В-четвертых, учет цифровой экосистемы таможенного контроля позволяет оценить уровень взаимодействия всех участников контрольно-надзорных правоотношений.

В-пятых, наличие в системе таможенного контроля признаков цифровой экосистемы позволяет оценить степень открытости и доверия внутри данной системы, свидетельствует об определенном качестве взаимодействия сторон контрольно-надзорного правоотношения, их сопричастности и солидарности, нацеленности на совместное обеспечение охраняемых законом ценностей посредством контрольно-надзорного воздействия.

Список литературы

- Christensen N. L., Franklin J. F. Ecosystem function and ecosystem management // *Ecosystem Function & Human Activities* / eds. R. D. Simpson, N. L. Christensen. Boston, MA : Springer, 1997. P. 1–23. https://doi.org/10.1007/978-1-4615-6049-4_1
- Клейнер Г. Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 40–45. EDN: YYIULJ
- Клейнер Г. Б. Социально-экономические экосистемы в свете системной парадигмы // Системный анализ в экономике – 2018 : сб. тр. V Междунар. науч.-практ. конф.-биеннале / под общ. ред. Г. Б. Клейнера, С. Е. Щепетовой. М. : Прометей, 2018. С. 5–14. <https://doi.org/10.33278/SAE-2018.rus.005-014>
- Россинский Б. В. Развитие системы государственного управления: воспоминания и размышления административиста. М. : Норма, 2025. 532 с.
- Запольский С. В. Правовая информатика и управление отраслями экономики // Правовая информатика. 2021. № 1. С. 4–11. <https://doi.org/10.21681/1994-1404-2021-1-04-12>, EDN: QTKFGL
- Плаксин С. М., Абузярова И. А., Алимпеев Д. Р., Казиаков В. Д., Кашанин А. В., Кнутов А. В., Скляр В. Д., Чаплинский А. В., Шабала Ю. И. Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность в Российской Федерации. Аналитический доклад-2024. М. : Изд. дом НИУ ВШЭ, 2025. 166 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-4188-3>
- Бакаева О. Ю. Использование фискальными органами цифровых технологий в процессе применения риск-ориентированного подхода к подконтрольным субъектам // Финансовое право в условиях цифровизации экономики : материалы междунар. науч.-практ. круглого стола. Минск : Изд-во БГУ, 2020. С. 18–23.
- Давыдов Р. В. Технология «цифрового двойника» как основа выбора объектов таможенного контроля после выпуска товаров // Вестник Российской таможенной академии. 2020. № 3. С. 25–32.
- Бакаева О. Ю., Покачалова Е. В. Мониторинг и аудит как инструмент достижения частных и публичных интересов в налоговых и таможенных отношениях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 616–643. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-42-616-643>
- Агамагомедова С. А. Административные барьеры для бизнеса: минимизация в условиях реформы государственного контроля и надзора // Российская юстиция. 2021. № 2. С. 6–9. <https://doi.org/10.18572/0131-6761-2021-2-6-9>, EDN: WEGYSI
- Агамагомедова С. А. Государство в предпринимательской экосистеме: правовое обоснование // Предпринимательское право. 2025. № 2. С. 37–42. <https://doi.org/10.18572/1999-4788-2025-2-37-42>
- Агамагомедова С. А. Принципы таможенного контроля как вида государственного контроля // Вестник Российской таможенной академии. 2017. № 1. С. 82–89. EDN: YFWCQZ
- Moshkina N. A., Kondrashchenko D. A., Bekher V. V., Gelyahova L. A., Mashekuasheva M. H. Improving Control Activities and International Cooperation of Customs Authorities in the Context of Digitalization // Challenges of the Modern Economy Digital Technologies, Problems, and Focus Areas of the Sustainable Development of Country and Regions / eds. Y. G. Buchaev, A. S. Abdulkadyrov, J. V. Ragulina, A. A. Khachaturyan, E. G. Popkova. Cham : Springer, 2023. P. 377–380. https://doi.org/10.1007/978-3-031-29364-1_75

14. Мошкина Н. А., Геляхова Л. А. Информационные технологии в деятельности таможенных органов в условиях реализации Стратегии развития таможенной службы до 2030 года // Развитие таможенной службы в современных реалиях: теория, практика, перспектива : сб. науч. тр. Саратов : Центр вынужденных переселенцев «Саратовский источник», 2023. С. 149–152. EDN: CHUBIX
  15. Мошкина Н. А. Контрольная деятельность таможенных органов в условиях цифровизации // Современные векторы развития таможенного дела и внешнеэкономической деятельности : сб. науч. тр. Саратов : Амирит, 2022. С. 41-45. EDN: COPPWN
- References**
1. Christensen N. L., Franklin J. F. Ecosystem function and ecosystem management. In: Simpson R. D., Christensen N. L. (eds). *Ecosystem Function & Human Activities*. Springer, Boston, MA, 1997 pp. 1–23. https://doi.org/10.1007/978-1-4615-6049-4_1
  2. Kleiner G. B. Ecosystem economy: Step into the future. *Economic Revival of Russia*, 2019, no. 1 (59), pp. 40–45 (in Russian).
  3. Kleiner G. B. Socio-economic ecosystems in light of the systems paradigm. *Sistemnyy analiz v ekonomike – 2018: sbornik trudov V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii-biyennale* [Kleiner G. B., Shchepetova S. E. (eds.) Systems Analysis in Economics – 2018. Proceedings of the V International scientific and practical conference-biennale]. Moscow, Prometey, 2018, pp. 5–14 (in Russian). <https://doi.org/10.33278/SAE-2018.rus.005-014>
  4. Rossinsky B. V. *Razvitie sistemy gosudarstvennogo upravleniya: vospominaniya i razmyshleniya administrativista* [Development of the public administration system: Memories and reflections of an administrative specialist]. Moscow, Norma, 2025. 532 p. (in Russian).
  5. Zapolsky S. V. Legal informatics and managing economic sectors. *Legal Informatics*, 2021, no. 1, pp. 4–11 (in Russian). <https://doi.org/10.21681/1994-1404-2021-1-04-12>, EDN: QTKFGL
  6. Plaksin S. M., Abuzyarova I. A., Alimpeyev D. R., Kazikayev V. D., Kashanin A. V., Knutov A. V., Sklyar V. D., Chaplinskiy A. V., Shabala Yu. I. *Kontrol'no-nadzornaya i razreshitel'naya deyatel'nost' v Rossiyskoy Federatsii. Analiticheskiy doklad-2024* [Control, Supervision, and Permitting Activities in the Russian Federation. Analytical report-2024]. Moscow, HSE Publishing House, 2025. 166 p. (in Russian). <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-4188-3>
  7. Bakaeva O. Yu. Use of digital technologies by fiscal authorities in the process of applying a risk-based approach to controlled entities. In: *Finansovoye pravo v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. kruglogo stola* [Financial Law in the Context of Economy Digitalization. Proceedings of the International scientific and practical round table]. Minsk, BSU Publ., 2020, pp. 18–23 (in Russian).
  8. Davydov R. V. “Digital Double” technology as the basis for selecting customs control objects after the release of goods. *Vestnik of Russian Customs Academy*, 2020, no. 3, pp. 25–32 (in Russian).
  9. Bakaeva O. Yu., Pokachalova E. V. Monitoring and audit as a tool for achieving balance of private and public interests in tax and customs legal relations. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences], 2018, iss. 41, pp. 616–643 (in Russian). <https://doi.org/10.17072/19954190-2018-42-616-643>
  10. Agamagomedova S. A. Administrative barriers to business: Minimization in the context of the reform of state control and supervision. *Russian Justice*, 2021, no. 2, pp. 6–9 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/0131-6761-2021-2-6-9>, EDN: WEGYSI
  11. Agamagomedova S. A. The state in the entrepreneurial ecosystem: Legal basis. *Entrepreneurial Law*, 2025, no. 2, pp. 37–42 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1999-4788-2025-2-37-42>
  12. Agamagomedova S. A. Principles of customs control as a type of state control. *Vestnik of Russian Customs Academy*, 2017, no. 1, pp. 82–89 (in Russian). EDN: YFWCQZ
  13. Moshkina N. A., Kondrashchenko D. A., Bekher V. V., Gelyakhova L. A., Mashekuasheva M. H. Improving Control Activities and International Cooperation of Customs Authorities in the Context of Digitalization. In: Buchaev Y. G., Abdulkadyrov A. S., Ragulina J. V., Khachaturyan A. A., Popkova E. G. (eds). *Challenges of the Modern Economy Digital Technologies, Problems, and Focus Areas of the Sustainable Development of Country and Regions*. Springer, Cham, 2023. P. 377–380. https://doi.org/10.1007/978-3-031-29364-1_75
  14. Moshkina N. A., Gelyakhova L. A. Information technologies in the activities of customs authorities in the context of the implementation of the Strategy for the Development of the Customs Service until 2030. In: *Razvitie tamozhennoy sluzhby v sovremenyykh realiyakh: teoriya, praktika, perspektiva* [Development of the Customs Service in Modern Realities: Theory, Practice, Prospects. Collection of scientific papers]. Saratov, Center for Internally Displaced Persons “Saratovsky Istochnik” Publ., 2023, pp. 149–152 (in Russian). EDN: CHUBIX
  15. Moshkina N. A. Control activities of customs authorities in the context of digitalization. In: *Sovremennye vektorы razvitiya tamozhennogo dela i vnesheekonomiceskoy deyatel'nosti* [Modern Vectors of Development of Customs Affairs and Foreign Economic Activity. Collection of scientific papers]. Saratov, Amirit, 2022, pp. 41–45 (in Russian). EDN: COPPWN

Поступила в редакцию 08.10.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принятая к публикации 20.10.2025
The article was submitted 08.10.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication 20.10.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 416–423

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 416–423

<https://eup.sgu.ru>

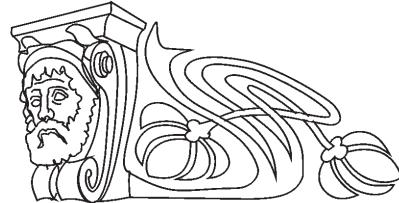
<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-416-423>, EDN: PLSNYQ

Научная статья

УДК 342(470)(072.8)

Защита детей в чрезвычайных ситуациях

О. А. Угланова

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Угланова Оксана Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева, oksanochka7777@mail.ru, SPIN: 4258-4717, AuthorID: 691437

Аннотация. *Введение.* Жизнь любого человека начинается с момента рождения и во многом формируется в период его детства. По прошествии этого жизненного этапа подрастающие поколения полноценно вливаются в жизнь общества. Став частью единого целого, они определяют жизнеспособность всего социума, задают направления его развития на десятилетия вперед. Обстоятельства, с которыми человек сталкивается в детском возрасте, переживания и опыт, полученный ими лично, формируют из ребенка личность, определяют его взгляды на окружающий мир, закладывают в него стремление к созиданию нового или же к отстранению от общества. Таким образом, состояние детства влияет не только на будущее самого человека, оно определяет будущее как отдельных народов, так и человечества в целом. Одной из опасностей являются чрезвычайные ситуации. Обладая техногенным или природным происхождением, они в равной степени ставят под угрозу жизнь и здоровье детей. Появляются новые обстоятельства, связанные с вооруженными конфликтами, проведением Россией специальной военной операции на территории Украины и попытками недружественных сил посягнуть на национальную безопасность России, в том числе посредством беспилотных летательных аппаратов и угрозы применения других видов вооружения. В результате возникают ситуации, требующие принятия оперативных решений с целью реализации всего комплекса личных, социально-экономических прав и свобод несовершеннолетних граждан (детей), в особенности оставшихся без попечения родителей. Действующий Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» не рассматривает детей как особых субъектов защиты в условиях чрезвычайных ситуаций и их последствий, что создает правовые барьеры в деятельности органов государственной власти и препятствует реализации прав детей в полном объеме. Цель настоящего исследования – это выработка универсальных правовых регуляторов защиты прав детей, вне зависимости от оснований введения чрезвычайных ситуаций, территориальных границ и возможных последствий. *Теоретический анализ.* Научные исследования в рассматриваемой сфере общественных отношений позволяют сделать вывод о необходимости конкретизации определения понятия «чрезвычайная ситуация», а также дополнительного исследования вопросов, связанных с правовым регулированием защиты комплекса прав ребенка в условиях чрезвычайных ситуаций. В основном научный интерес ученых касается общих вопросов защиты прав ребенка, которые имеют отношение к состоянию защищенности детей в ситуациях чрезвычайного характера, но не раскрывает данный механизм в полном объеме. Основной объем научных исследований раскрывает элементы механизма защиты детей с позиции медицинского права, социальной защиты населения в чрезвычайных ситуациях, оказания психологической помощи, деятельности правоохранительных органов в указанных ситуациях, а также роли международных организаций, деятельность которых в настоящее время нельзя признать эффективной. С позиции конституционного права Российской Федерации данные общественные отношения рассмотрены недостаточно. *Эмпирический анализ.* В последнее время проблема защиты детей стала предметом программных выступлений Президента РФ, стратегических документов развития России. В адрес Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка поступают обращения о защите прав несовершеннолетних, связанные с последствиями техногенных аварий, обстоятельствами природного характера, а также результатами посягательства на национальную безопасность России, ее суверенитет и государственную целостность, последствий атаки беспилотных летательных аппаратов. *Результаты.* Проведенное теоретическое исследование и результаты правоприменительной практики свидетельствуют о необходимости комплексного подхода к рассматриваемым отношениям. Следует внести дополнения в Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и включить детей в качестве отдельного субъекта правовой защиты в условиях чрезвычайной ситуации, а также конкретизировать само понятие «чрезвычайная ситуация».

Ключевые слова: дети, несовершеннолетние, права ребенка, чрезвычайная ситуация, чрезвычайное положение, специальная военная операция, атака беспилотных летательных аппаратов, органы публичной власти, защита прав детей

Для цитирования: Угланова О. А. Защита детей в чрезвычайных ситуациях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 416–423. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-416-423>, EDN: PLSNYQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Protection of children in emergency situations

O. A. Uglanova

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Oksana A. Uglanova, oksanochka7777@mail.ru, SPIN: 4258-4717, AuthorID: 691437

Abstract. *Introduction.* The life of any person begins at the moment of birth and is largely shaped during their childhood. After this stage of life, the younger generations fully integrate into society. Once they become part of the whole, they determine the vitality of the entire society and set the direction of its development for decades to come. The circumstances that a person encounters during their childhood, as well as the experiences and lessons they learn, shape their personality, determine their views on the world, and instill in them a desire to create or distance themselves from society. Thus, the state of childhood affects not only the future of the individual, but also the future of nations and humanity as a whole. One of the dangers is emergencies. Whether they are man-made or natural, they pose a threat to children's lives and health. New circumstances have emerged due to armed conflicts, Russia's special military operation in Ukraine and the attempts of unfriendly forces to encroach on Russia's national security, including through the use of unmanned aerial vehicles and the threat of using other types of weapons. As a result, situations arise that require prompt decisions to ensure the full range of personal, social, and economic rights and freedoms for minors (children), especially those who have been left without parental care. The current Federal Law "On Protection of the Population and Territories from Natural and Man-Made Emergencies", hereinafter referred to as the Law, does not provide for children as a special subject of protection in emergency situations and their consequences, which creates legal barriers in the activities of state authorities and hinders the full implementation of children's rights. The purpose of this study is to develop universal legal regulations for protecting children's rights, regardless of the reasons for the introduction of emergencies, territorial boarders, and possible consequences. *Theoretical analysis.* Scientific research in the field of social relations under consideration concludes that it is necessary to specify the definition of the concept of "emergency situation," as well as to conduct additional research on issues related to the legal regulation of the protection of children's rights in emergency situations. The main focus of scientific research is on general issues related to the protection of children's rights in emergency situations, but it does not fully explore the mechanism of protection. The main body of scientific research reveals the elements of the mechanism for protecting children from the perspective of medical law, social protection of the population in emergency situations, provision of psychological assistance, the activities of law enforcement agencies in these situations, as well as the role of international organizations, whose activities cannot currently be considered effective. From the perspective of the constitutional law of the Russian Federation, these social relations have not been sufficiently examined. *Empirical analysis.* Recently, the issue of child protection has been the subject of speeches by the President of the Russian Federation and strategic documents on Russia's development. The Commissioner for Children's Rights under the President of the Russian Federation has received appeals regarding the protection of minors' rights, including those related to the consequences of man-made accidents, natural disasters, and attacks on Russia's national security, sovereignty, and territorial integrity. *Results.* The conducted theoretical research and the results of law enforcement practice demonstrate that there is a need for a comprehensive approach to the relations under consideration. It is necessary to amend the Federal Law "On Protecting the Population and Territories from Natural and Man-Made Emergencies" and include children as a separate subject of legal protection in emergency situations, as well as to specify the concept of "emergency situation" itself.

Keywords: children, minors, children's rights, emergency situation, state of emergency, special military operation, drone attacks, public authorities, protection of children's rights

For citation: Uglanova O. A. Protection of children in emergency situations. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 416–423 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-416-423>, EDN: PLSNYQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Дети являются одной из наиболее незащищенных социально-демографических групп населения. На детство приходится период становления личности человека, его физического, умственного, нравственного, духовного, морального и психологического развития. От того, насколько качественным будет это развитие, напрямую зависит степень участия будущего взрослого человека в делах общества, его законопослушность, степень ответственности перед окружающим его миром. Кроме того, важно иметь в виду, что в силу возраста дети не могут в полной мере самостоятельно отстаивать свои права, в связи с чем им требуются дополнительные гарантии для обеспечения безопасного и эффективного становления и развития. Дети в условиях чрезвычайных ситуаций, как никто другой, подвержены травматизму, болезням, страхам потери родителей, самых близких людей, оставаться одинокими и беззащитными, поэтому они нуждаются в особом внимании и заботе [1, с. 57].

Формы защиты детей эволюционировали совместно с развитием человека, облекались в оболочку, характерную для конкретного общества и в конкретный период времени в зависимости от самых различных условий: культуры, географических и климатических условий, религиозных представлений о жизни и т.д. Формы со временем менялись, но суть их – особое внимание к проблемам детей и детства – сохранилась. «Стремительное развитие науки и техники, современных информационных, репродуктивных и медицинских технологий приводит не только к прогрессу общества, но и ставит новые вызовы перед обеспечением безопасности детей» [2, с. 25].

В отечественной науке права ребенка определяются как «принадлежащие ребенку от рождения неотъемлемые и неотчуждаемые основные права и свободы человека и гражданина, установленные Конституцией Российской Федерации, а также специальные права, обеспечивающие органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, орга-

нами местного самоуправления в соответствии с действующим законодательством и международно-правовыми обязательствами Российской Федерации» [3, с. 20]. Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г. стала квинтэссенцией всего того пути, который был проделан международным сообществом в сфере установления и защиты прав ребенка¹. «Потребность в ее принятии была продиктована необходимостью принятия неотложных мер по защите прав ребенка на национальном и международном уровне ввиду сохранявшегося критического положения детей во многих регионах мира» [4, с. 60]. Вместе с тем в современных условиях международной эскалации и вызовах, с которыми сталкивается Россия, наиболее эффективными могут стать внутригосударственные механизмы защиты прав детей.

Возникновение новых обстоятельств чрезвычайного характера, связанных с проведением специальной военной операции на территории Украины, и защита прав детей требуют совершенствования правового регулирования рассматриваемых общественных отношений. На сегодняшний день Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (далее – Закон № 68-ФЗ)² не регулирует обстоятельства, связанные с атакой беспилотных летательных аппаратов на территорию России и опасностью применения других видов вооружения. Вместе с тем последствия, которые возникают при этом, требуют реализации комплекса прав и свобод ребенка, выходящих за рамки оказания медицинской помощи и обеспечения безопасности.

Закон не рассматривает детей как отдельных субъектов защиты при возникновении обстоятельств чрезвычайного характера; требует также расширения и само понятие «чрезвычайная ситуация». Законодательство Российской Федерации в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций должно являться частью правового регулирования механизма защиты детей. Задача по совершенствованию нормативно-правовой базы в области защиты населения и территорий от чрезвычайных си-

туаций была обозначена еще в 2018 г. в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года»³. В связи с этим законодательство постоянно дополняется новыми положениями. Так, в 2024 г. были приняты поправки к Закону № 68 ФЗ, согласно которым органы государственной власти субъектов Российской Федерации были наделены дополнительным полномочием по проведению мероприятий по предупреждению чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера и ликвидации их последствий, а также реализации мероприятий, направленных на спасение жизни и сохранение здоровья людей при чрезвычайных ситуациях. При этом дети требуют особого подхода: «Дети во время чрезвычайных ситуаций подвержены травматизму, болезням, опасности потерять родителей и родственников и остаться беспомощными в большой массе людей и потому нуждаются в особом внимании, заботе и медицинской помощи» [5, с. 74]. Защита прав детей в чрезвычайных ситуациях носит междисциплинарный характер: требуются социальная поддержка детей, их материально-финансовое обеспечение, гражданско-правовая защита, своевременное оказание медицинской помощи, психологическая поддержка и многое другое. Настоящее регулирование рассматриваемой сферы общественных отношений свидетельствует о краткосрочном характере мер поддержки граждан в условиях чрезвычайных ситуаций и ограничивается периодом ликвидации их последствий. Осуществление комплекса мероприятий по эффективной защите прав детей в чрезвычайных ситуациях возможно только при нормативно-правовом регулировании рассматриваемой сферы общественных отношений и организационных инструментах их реализации.

Теоретический анализ

В. Т. Кабышев отмечает, что среди всех юридических мер именно защита прав и свобод человека и гражданина занимает доминирующее место [6, с. 241]. Представляется, что данный тезис справедлив и в отношении

¹ Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 45, ст. 955.

² О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : федер. закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 35, ст. 3648 ; 2024. № 33 (ч. 1), ст. 4928.

³ Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года : указ Президента РФ от 11.01.2018 № 12 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 3, ст. 515.

прав ребенка как части общей системы прав человека. Согласно определению, которое дает Л. Н. Дегтярева, под защитой прав несовершеннолетних следует понимать «систему нормативных правовых актов, устанавливающих правовой статус несовершеннолетних как участников общественных правоотношений (права, обязанности, гарантии соблюдения прав и обязанностей) и закрепляющих основы организации деятельности системы органов по работе с несовершеннолетними и защите их прав и законных интересов» [7, с. 30].

В 2020 г. по результатам общероссийского голосования в текст Конституции Российской Федерации была добавлена ст. 67¹, ч. 4 которой гласит: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России»⁴. Кроме того, п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ относит защиту детства, а также создание условий для достойного воспитания детей в семье к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, что позволяет включить в систему нормативных правовых актов по защите прав детей также законы субъектов Российской Федерации.

Из всего этого следует, что Конституция РФ декларирует защиту детства в качестве приоритета в деятельности государства. Несмотря на это, в доктрине конституционного права отмечается, что одного лишь декларирования недостаточно для обеспечения эффективной государственной политики в данной области. Исследователи делают акцент на недостаточности внимания к определению конституционно-правовой защиты прав ребенка [2, с. 26]. Кроме того, Основной закон практически не предусматривает ответственность государства и его должностных лиц за неисполнение возложенных на них обязательств [8, с. 85]. Это снижает эффективность конституционной защиты прав и свобод граждан, в том числе и несовершеннолетних. Компенсировать данные обстоятельства призвано федеральное законодательство, в котором положения Конституции России должны находить свое развитие.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416 ; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.06.2025).

Теоретические исследования последних лет в рассматриваемой сфере общественных отношений свидетельствуют о выделении следующих проблем защиты прав детей в чрезвычайных ситуациях: «...недостаточная координация между различными ведомствами и организациями, ответственными за защиту прав детей» [9, с. 118]; «...введения режима чрезвычайной ситуации без определения конкретных мероприятий и ответственных за их выполнение лиц» [10, с. 427]. Обращает на себя внимание отсутствие комплексных исследований конституционно-правовых отношений, отражающих специфику механизма защиты прав детей в чрезвычайных ситуациях, включающего в себя особенности как нормативно-правового регулирования, так и организационных инструментов.

Прежде чем говорить о том, каким образом и в каком объеме чрезвычайные ситуации влияют на реализацию и защиту прав ребенка, нужно сначала определиться с тем, что понимается под чрезвычайными ситуациями. Слово «чрезвычайный» подразумевает неординарность, исключительность сложившихся обстоятельств. С точки зрения толкования словосочетание «чрезвычайная ситуация» раскрывается как неожиданное событие, которое вызвано исключительными обстоятельствами и не предусмотрено обычным ходом дел. Нормативное определение понятия «чрезвычайная ситуация» Закон № 68-ФЗ закрепляет как «обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей».

Именно в соответствии с данным определением в каждом индивидуальном случае органами власти решается вопрос о присвоении той или иной неблагоприятной обстановке статуса чрезвычайной ситуации. Однако, несмотря на наличие легального определения понятия «чрезвычайная ситуация», не все исследователи согласны с его формулировкой. Опираясь на указанное определение, можно выделить следующие признаки чрезвычайной ситуации: ограниченность определенной территорией,

обусловленность чрезвычайными обстоятельствами (причинами), причинение или угроза причинения вреда, нарушение условий жизнедеятельности людей.

А. И. Фролов отмечает, что при действующем определении статусом чрезвычайной ситуации может наделяться любое явление, не причиняющее существенного ущерба [11, с. 74]. Более того, чрезвычайная ситуация ограничивается только обстоятельствами природного и техногенного характера. Под чрезвычайной ситуацией следует понимать исключительную обстановку, возникшую на определенной территории вследствие появления на ней чрезвычайных обстоятельств природного, техногенного или иного характера, которая нарушает нормальные условия жизнедеятельности людей и влечет либо способна повлечь за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде. При таком определении подчеркиваются специфические признаки чрезвычайной ситуации, выходящие за рамки природных катаклизмов и техногенных аварий, а также возможные последствия.

При этом защита прав детей в чрезвычайных ситуациях выходит за рамки общих механизмов защиты прав граждан Российской Федерации, установленных в Законе № 68-ФЗ. В условиях чрезвычайных ситуаций нарушается функционирование медицинских, образовательных, социальных учреждений, при этом указанный Закон не предусматривает установления специальных гарантий реализации прав ребенка, как наиболее уязвимой категории населения, особенно детей, оставшихся без попечения родителей [12, с. 15]. Особое внимание вызывает необходимость эффективного взаимодействия органов государственной власти различных территориальных уровней организации при необходимости восстановления утраченных документов несовершеннолетних граждан, вступления их в наследство, перемещения из небезопасных мест нахождения и осуществления других действий.

Эмпирический анализ

На практике существует множество случаев чрезвычайных ситуаций, в результате которых права ребенка нарушились или ставились под угрозу. Ряд из них прямо связан с техногенными катастрофами в экологической сфере. Различные аварии, утечки опасных

веществ не только нарушают право на благоприятную окружающую среду, но еще и ставят под угрозу жизнь и здоровье людей, в том числе несовершеннолетних и их родителей. Примерами чрезвычайных ситуаций последнего периода являются разлив ртути в районе города Севастополь в 2022 г. В связи с данным происшествием в адрес Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка поступило обращение, в котором заявитель указала, что она и члены ее семьи (четверо детей) получили отравление парами ртути, что привело к появлению постоянных головных болей, признаков интоксикации, нарушению сна и т.д.⁵ Подобным же образом жизням и здоровью детей угрожает разлив мазута в Черном море после крушения танкеров, в целях ликвидации которого был объявлен режим чрезвычайной ситуации⁶. Последствия данного бедствия стремительно распространялись вдоль российского побережья Черного моря, что существенно ухудшает состояние окружающей среды на огромных территориях. Таким образом, чрезвычайные ситуации угрожают надлежащему соблюдению прав ребенка на жизнь, охрану здоровья, благоприятную окружающую среду.

Однако техногенные чрезвычайные ситуации угрожают защищенности прав ребенка не только в экологической сфере; не меньшую опасность представляют взрывы, обрушения зданий и сооружений, дорожно-транспортные происшествия с участием пассажирского транспорта. При этом, согласно данным государственного доклада МЧС России «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2022 году», подобные ДТП непосредственно оказывают влияние на жизнь и здоровье несовершеннолетних⁷.

⁵ Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2022 г. // Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка : [сайт]. URL: <https://deti.gov.ru/Deyatelnost/documents/245> (дата обращения: 21.07.2025).

⁶ О техногенной чрезвычайной ситуации регионального характера, связанной с разливом нефтепродуктов : указ главы Республики Крым от 28.12.2024 № 433-У. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁷ О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2022 году : гос. доклад // МЧС России : [сайт]. URL: <https://mchs.gov.ru/uploads/document/2023-05-19/f632a8be1f2ec57b78712234d5fc06b.pdf> (дата обращения: 23.07.2025).

В контексте чрезвычайных ситуаций требуют отдельного регулирования и специальная военная операция, осуществляющаяся на территории Украины, и угрозы мирному населению, проживающему на приграничных с Украиной, российских территориях, а также факты атаки беспилотных летательных аппаратов на всей территории России и угроза применения иного оружия. Одним из основных прав, реализации которого угрожают боевые действия, является право жить и воспитываться в семье. С одной стороны, дети, оказавшиеся в зоне ведения боевых действий, могут лишиться семьи и дома, остаться беспризорными, в связи с чем поднимается вопрос об их эвакуации и обустройстве на новые места жительства в приемные семьи. С другой стороны, столкнуться с проблемами в реализации данного права дети могут, даже непосредственно не находясь в зоне боевых действий. Так, в 2022 г. в адрес Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка поступило множество обращений в защиту интересов несовершеннолетних, в том числе по вопросу мобилизации отцов, которые воспитывают ребенка одни. В подобной ситуации ребенок, имеющий лишь одного родителя, может и вовсе лишиться семьи, возможностей в ней жить и воспитываться, что представляется недопустимым. Проведенное исследование заключает необходимость комплексного подхода к механизму защиты детей в чрезвычайных ситуациях. Органы государственной власти обязаны способствовать реализации прав и законных интересов ребенка [13].

Результаты

Чрезвычайные ситуации оказывают крайне негативное влияние на права ребенка, ставя под угрозу возможность их надлежащего осуществления и должной защиты. Понятие «чрезвычайная ситуация» закрепленное в Законе № 68-ФЗ, требует пересмотра. Чрезвычайные ситуации не столько угрожают отдельным правам и законным интересам ребенка, сколько создают угрозу реализации целого комплекса прав. Закон не содержит отдельных положений, касающихся защиты детей в условиях чрезвычайных ситуаций, осуществляя только общее регулирование этого вопроса. Это представляется упущением законодательного регулирования, поскольку особый статус детей предполагает и наличие у них особых прав,

например, права на приоритетную и безотлагательную эвакуацию из зон чрезвычайных ситуаций, права на обеспечение наилучших условий содержания в пунктах временного размещения и последующее сопровождение, поскольку восстановление всего комплекса прав ребенка, пострадавшего в чрезвычайной ситуации, может носить длительный характер [14, с. 54]. Забота о защите прав ребенка в условиях чрезвычайных ситуаций была отражена в Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года⁸. Расширение круга субъектов защиты населения, несомненно, позволит задействовать большее количество ресурсов для защиты граждан от чрезвычайных ситуаций, что положительно скажется на защищенности прав детей.

Одной из особенностей защиты прав детей от чрезвычайных ситуаций является потребность в тщательном проведении профилактических мер по предупреждению как самих чрезвычайных ситуаций, так и их негативных последствий. Непосредственно в условиях чрезвычайных ситуаций для наиболее эффективной защиты прав детей недостаточно вмешательства лишь одного органа государственной власти. Защита прав ребенка в чрезвычайной ситуации требует комплексной работы органов публичной власти Российской Федерации. Б. С. Эбзеев отмечает: «Во всех действиях в отношении детей первоочередное внимание должно уделяться обеспечению интересов ребенка» [15, с. 273].

Для наиболее полной защиты прав детей в условиях чрезвычайной ситуации необходимо:

1) внести дополнения в Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и рассматривать детей в качестве отдельного субъекта правовой защиты в условиях чрезвычайной ситуации, а именно дополнить Закон главой 2.1. «Защита детей в чрезвычайных ситуациях»;

2) расширить и конкретизировать понятие «чрезвычайная ситуация», выходящее за рамки природных катастроф и техногенных аварий, в частности, предусмотреть следующую редакцию ч. 1 ст. 1 Закона: «Чрезвычайная ситуация – это исключительная обстановка, возникшая на определенной территории вслед-

⁸ О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 21, ст. 3696.

ствие появления на ней чрезвычайных обстоятельств природного, техногенного или иного характера, которая нарушает нормальные условия жизнедеятельности людей и влечет или способна повлечь за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде»;

3) закрепить дополнительные гарантии детей, находящихся на воспитании в неполных семьях, от обстоятельств, при которых ребенок останется без попечения родителей, в частности, внести изменения в ст. 18 Федерального закона «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»⁹ и предусмотреть отсрочку от призыва на военную службу по мобилизации для лиц, имеющих на иждивении и воспитывающих без матери одного ребенка и более в возрасте до 16 лет.

Список литературы

1. Мурадова М. М., Костюченко М. В. Психологические аспекты в чрезвычайных ситуациях у детей // Вестник оперативной хирургии и топографической анатомии. 2025. Т. 6, № 1 (14). С. 54–57.
2. Булаков О. Н. К вопросу о защите конституционных прав детей в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8, № 4 (32). С. 25–32. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2020-8-4-3>, EDN: BJPPET
3. Бондаренко О. А. Реализация конституционных прав и свобод ребенка в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 29 с.
4. Звенигородская Н. Ф. Правовое регулирование защиты прав детей в чрезвычайных ситуациях // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2010. № 1. С. 59–67.
5. Гумбатова Р. М. Защита детей в чрезвычайных ситуациях // Вестник науки и образования. 2021. № 3–1 (106). С. 73–75. EDN: MCRIYY
6. Кабышев В. Т. Защита прав человека и гражданина – критерий эффективности публичной власти // Кабышев В. Т. С Конституцией по жизни: избранные научные труды. М. : Формула права, 2013. С. 240–245.
7. Дегтярева Л. Н. Теоретико-правовые основы защиты конституционных прав и свобод несовершеннолетних в России. Тамбов : ООО «Консалтинговая компания Юком», 2017. 78 с. <https://doi.org/10.17117-mon.2017.04.01>, EDN: YORZYP
8. Плотникова И. Н. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина в России – обязанность государства // Человек и право – XXI век: Альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. 2023. Вып. 1. С. 80–87.
9. Куэнцов А. А., Азарян К. А. Правовое регулирование защиты детей в чрезвычайных ситуациях // Тенденции развития науки и образования. 2025. № 121, ч. 3. С. 117–120.
10. Басова Ю. Ю. Деятельность прокуратуры Российской Федерации по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72), № 1. С. 423–430.
11. Фролов А. И. Понятие чрезвычайной ситуации по российскому законодательству // Криминалистика. 2015. № 1 (16). С. 72–76.
12. Аристов Е. В., Михалева Г. Г. Вопросы конституционно-правового обеспечения и защиты прав детей в России // Закон и право. 2020. № 9. С. 15–23. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2020-10410>, EDN: ZVMZBS
13. Синцов Г. В., Лихтер П. Л. Институт Уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации: теория и практика, тенденции и противоречия развития. М. : Юрлитинформ, 2018. 216 с.
14. Зырянова С. М., Вахрамеева А. С. Проблемы обеспечения и защиты прав ребенка // 30 лет конвенции о правах ребенка: современные вызовы и пути решения проблем в сфере защиты прав детей : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург : РГППУ, 2020. С. 54–59. EDN: DANAIG
15. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М. : Норма, 2024. 384 с.

References

1. Muradova M. M., Kostyuchenko M. V. Psychological aspects in emergency situations in children. *Bulletin of Operative Surgery and Topographic Anatomy*, 2025, vol. 6, no. 1 (14), pp. 54–57 (in Russian).
2. Bulakov O. N. On the protection of the constitutional rights of children in the Russian Federation. *Science. Society. State*, 2020, vol. 8, no. 4 (32), pp. 25–32 (in Russian). <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2020-8-4-3>, EDN: BJPPET
3. Bondarenko O. A. *Implementation of constitutional rights and freedoms of the child in the Russian Federation*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Chelyabinsk, 2012. 29 p. (in Russian).
4. Zvenigorodskaya N. F. Legal regulation of the protection of children's rights in emergency situations. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoy protivopozharnoy sluzhby MCHS Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia], 2010, no. 1, pp. 59–67 (in Russian).

⁹ О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации : федер. закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собр. законодательства. Рос. Федерации. 1997. № 9, ст. 1014 ; 2024. № 45, ст. 7666.

5. Gumbatova R. M. Protection of children in emergency situations. *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of Science and Education], 2021, no. 3–1 (106), pp. 73–75 (in Russian). EDN: MCRIYY
6. Kabyshhev V. T. Protection of human and civil rights as a criterion of public authority effectiveness. In: Kabyshhev V. T. *S Konstitutsiyey po zhizni: izbrannye nauchnye trudy* [Living With the Constitution: Selected Scientific Works]. Moscow, Formula prava, 2013, pp. 240–245 (in Russian).
7. Degtyareva L. N. *Teoretiko-pravovye osnovy zashchity konstitutsionnykh prav i svobod nesovershennoletnikh v Rossii* [Theoretical and Legal Foundations of Protecting the Constitutional Rights and Freedoms of Minors in Russia]. Tambov, OOO “Konsaltingovaya kompaniya Yukom” Publ., 2017. 78 p. (in Russian). <https://doi.org/10.17117/mon.2017.04.01>, EDN: YORZYP
8. Plotnikova I. N. Recognition, observance and protection of human and civil rights and freedoms in Russia – the duty of the state. *An Individual and the Law – XXI Century: Saratov State Law Academy Institute of Prosecution Almanac*, 2023, iss. 1, pp. 80–87 (in Russian).
9. Kuznetsov A. A., Azaryan K. A. Legal regulation of protection of children in emergency situations. *Trends in the Development of Science and Education*, 2025, no. 121, pt. 3, pp. 117–120 (in Russian).
10. Basova Yu. Yu. Activities of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation to ensure the rule of law in emergency situations. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences*, 2020, vol. 6 (72), no. 1, pp. 423–430 (in Russian).
11. Frolov A. I. The concept of an emergency situation under Russian law. *Kriminalist*, 2015, no. 1 (16), pp. 72–76 (in Russian).
12. Aristov E. V., Mikhaleva G. G. Issues of the constitutional-legal support and protection of the rights of children in Russia. *Zakon i pravo* [Law and Right], 2020, no. 9, pp. 15–23 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2020-10410>, EDN: ZVMZBS
13. Sintsov G. V., Licher P. L. *Institut Upolnomochennogo po pravam rebenka v sub”yektakh Rossiyskoy Federatsii: teoriya i praktika, tendentsii i protivorechiya razvitiya* [The Institute of the Commissioner for Children’s Rights in the Subjects of the Russian Federation: Theory and Practice, Trends and Contradictions of Development]. Moscow, Yurlitinform, 2018. 216 p. (in Russian).
14. Zyryanova S. M., Vakhrameeva A. S. Problems of ensuring and protecting the rights of the child. In: *30 let konventsii o pravakh rebenka: sovremennye vyzovy i puti resheniya problem v sfere zashchity prav detey. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [30 Years of the Convention on the Rights of the Child: Modern Challenges and Solutions in the Field of Protecting Children’s Rights. Collection of Materials from the International scientific and practical conference]. Yekaterinburg, 2020, pp. 54–59 (in Russian). EDN: DANAIG
15. Ebzeev B. S. *Lichnost’ i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaya otvetstvennost’ i konstitutsionnye obyazannosti* [Personality and the State in Russia: Mutual Responsibility and Constitutional Duties]. Moscow, Norma, 2024. 384 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 29.07.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принятая к публикации 15.09.2025
 The article was submitted 29.07.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 15.09.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 424–436

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 424–436

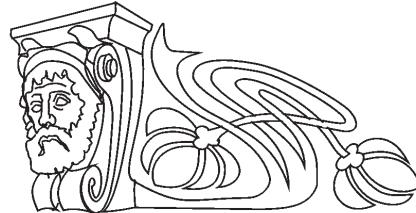
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-424-436>, EDN: QPNPRC

Научная статья

УДК 342+004.056

Правовые проблемы обеспечения информационной безопасности личности в цифровом пространстве

П. В. Ересько

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, Россия, ул. Вольская, д. 1

Ересько Полина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий, pv.ereshko@yandex.ru, AuthorID: 318985

Аннотация. *Введение.* В условиях развития технологий искусственного интеллекта, больших данных (BigData), нейросетей и повсеместной цифровизации индивид расширяет свои возможности в цифровом пространстве, но при этом возникают угрозы его приватности, автономии и информационной безопасности. Личность в цифровом пространстве становится объектом эксплуатации и манипуляции, что требует адекватного правового ответа, вследствие чего законодательная база в области обеспечения информационной безопасности личности нуждается в совершенствовании и выработке новых подходов. *Теоретический анализ.* В российском и международном праве существуют проблемы обеспечения информационной безопасности личности в цифровом пространстве, такие как неэффективная защита персональных данных в сети «Интернет», неадаптированность традиционных правовых институтов к цифровой среде, недооценка приоритета защиты прав личности перед интересами технологического развития и др. Для эффективной защиты прав и свобод человека в современном цифровом пространстве требуется формирование комплексной системы, содержащей правовые и технические средства защиты. В настоящее время в российском праве отсутствует определение «информационная безопасность личности», что создает правовую неопределенность. Решением выявленных проблем может быть разработка и принятие Доктрины информационной безопасности личности. *Эмпирический анализ.* К правовым проблемам обеспечения информационной безопасности личности в цифровом пространстве отнесены проблемы киберпреступности, нарушения неприкосновенности частной жизни, распространения недостоверной информации (фейков) и др. Проанализированная статистика Яндекс до 2024 г. по обращениям о праве на забвение показывает достаточно большое количество отказов – 80%, что обуславливается ограниченным применением нормы права только на операторов поисковых систем, чья деятельность была сопряжена с распространением рекламы, нацеленной на российских потребителей. Усовершенствованная норма права в 2024 г. устранила неравенство между операторами поисковых систем, показала большую эффективность применения права на забвение, усовершенствовала защиту прав пользователя сети «Интернет». *Результаты.* Доказана необходимость совершенствования действующего законодательства в части обеспечения информационной безопасности личности в цифровом пространстве; сформулирован комплекс законодательных предложений, содержащий разработку и принятие Доктрины информационной безопасности личности, законодательное закрепление определения информационной безопасности личности, комплексную систему защиты личности в цифровом пространстве, включающую правовые и технические средства. **Ключевые слова:** информационная безопасность личности, цифровое пространство, искусственный интеллект, персональные данные, право на забвение, блокировка вредоносной информации, киберпреступность, фейки

Для цитирования: Ересько П. В. Правовые проблемы обеспечения информационной безопасности личности в цифровом пространстве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 424–436. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-424-436>, EDN: QPNPRC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Legal problems of ensuring personal information security in the digital space

P. V. Eresko

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Polina V. Eresko, pv.ereshko@yandex.ru, AuthorID: 318985

Abstract. *Introduction.* In the context of the development of artificial intelligence technologies, Big Data, neural networks and widespread digitalization, an individual is expanding his / her capabilities in the digital space, but, at the same time, there are threats to his / her privacy, autonomy and information security. A person in the digital space becomes an object of exploitation and manipulation, which requires an adequate legal response. As a result, the legislative framework in the field of ensuring personal information security needs to be improved and new approaches must be developed. *Theoretical analysis.* In Russian and international law, there are problems with ensuring the information security of individuals in the digital space, such as ineffective protection of personal data on the Internet, the lack of adaptation of traditional legal institutions to the digital environment, the underestimation of the priority of protecting individual rights over the interests of technological

development, etc. To effectively protect human rights and freedoms in the modern digital space, it is necessary to create a comprehensive system that includes legal and technical means of protection. Currently, there is no definition of "information security of individuals" in the Russian law, which creates legal uncertainty. The development and adoption of the Doctrine of Information Security of Individuals may be the solution to these problems. **Empirical analysis.** The legal problems of ensuring personal information security in the digital space include the problems of cybercrime, violations of privacy, the spread of false information (fake news), etc. The analyzed statistics from Yandex up to 2024 on applications for the right to oblivion show a fairly high number of refusals – 80%, which is due to the limited application of the law only to search engine operators whose activities involved the distribution of advertising aimed at Russian consumers. The improved legal norm in 2024 eliminated the inequality between search engine operators, demonstrated the greater effectiveness of the right to be forgotten, and improved the protection of Internet users' rights. **Results.** The necessity of improving the current legislation in terms of ensuring personal information security in the digital space has been proved; a set of legislative proposals has been formulated, including the development and adoption of the Doctrine of Personal Information Security, legislative consolidation of the definition of personal information security, a comprehensive system of personal protection in the digital space, including legal and technical means.

Keywords: personal information security, digital space, artificial intelligence, personal data, the right to be forgotten, blocking malicious information, cybercrime, fakes, deepfakes

For citation: Eresko P. V. Legal problems of ensuring personal information security in the digital space. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 424–436 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-424-436>, EDN: QPNPRC
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современный этап технологического прогресса, характеризующийся развитием информационных технологий, таких как искусственный интеллект, нейросети, а также использованием больших данных (BigData) и цифровизации общественных отношений, формирует принципиально новую цифровую среду, в которой происходит реализация прав и свобод человека. Цифровое пространство стало неотъемлемой частью современного общества, трансформируя традиционные формы коммуникации, экономики и государственного управления.

С одной стороны, индивид получает беспрецедентные инструменты для доступа к информации, коммуникации и самореализации. С другой стороны, как справедливо отмечается в научной литературе, эта же среда порождает системные угрозы приватности, личной автономии и информационной безопасности личности [1, с. 156].

Постоянное расширение цифрового пространства порождает новые, ранее не существовавшие угрозы безопасности личности. В цифровую эпоху каждое действие, каждая оставленная пользователем в сети «Интернет» информация раскрывает его интересы, убеждения и привычки. Гражданин, осуществляя действия в сети «Интернет», оставляет при этом на сайтах данные о себе (в том числе персональные), свои мнения, суждения, потребительские предпочтения. Именно поэтому личность в условиях развития информационных технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта, стала крайне уязвимой к похищению, копированию, искажению и злонамеренному использованию ее данных.

Вопросами правового обеспечения информационной безопасности занимались многие

известные ученые, такие как П. У. Кузнецов, В. Н. Лопатин, О. С. Макаров, А. В. Минбалаев, Т. А. Полякова; проблемами информационной безопасности личности – Т. А. Полякова, А. А. Стрельцов, В. Н. Лопатин, Н. Ю. Белокопытова, А. Д. Анучкина, Т. А. Вепренцева, А. А. Чеботарёва; проблемами правового обеспечения информационной безопасности в процессе использования цифровых технологий в глобальной цифровой среде – Т. А. Полякова, А. В. Минбалаев, И. С. Бойченко, А. А. Лукошин; правовыми проблемами защиты прав и свобод личности в информационной сфере – Р. В. Амелин, И. Л. Бачило, И. М. Рассолов, Н. Н. Ковалёва, С. А. Куликова, С. Е. Чаннов и др.

Скорость развития современных информационных технологий объективно опережает скорость адаптации правового регулирования информационной безопасности личности в цифровом пространстве. Это создает ситуацию, когда гражданин зачастую остается один на один с мощными цифровыми платформами и технологиями, не обладая эффективными правовыми механизмами защиты. Защиту информационной безопасности граждан в сети «Интернет» обеспечивает государство. Стремительное развитие информационных технологий и появление новых видов рисков в сети «Интернет» создает потребность в совершенствовании правовых и технических инструментов, а также в формировании принципиально новых подходов к обеспечению информационной безопасности личности.

Теоретический анализ

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646, опреде-

ляются ключевые приоритеты Российской Федерации в информационном пространстве, идентифицируются главные угрозы и задаются стратегические ориентиры в области защиты информационной безопасности. Под информационной безопасностью понимается «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства»¹. Национальными интересами в информационной сфере являются государственные интересы, такие как суверенитет, обороноспособность и территориальная целостность, социально-экономическое развитие, содействие формированию системы международной информационной безопасности, а также гарантии конституционных прав и свобод человека. Тем самым безопасность информационного пространства рассматривается как необходимое условие для достижения достойного качества жизни граждан и устойчивого прогресса страны в целом, что подчеркивает ее многогранный и социально ориентированный характер.

Значимую роль в обеспечении информационной безопасности личности играет Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных)². Его нормы направлены на защиту прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе на защиту прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Закон вводит ключевые понятия, такие как персональные данные, оператор, обработка, трансграничная передача, устанавливает принципы и условия обработки данных, права субъекта персональных данных и обязанности оператора. Согласно ст. 19 данного Закона, при обработке персональных данных необходимо применять комплекс правовых, организационных и технических мер для их защиты.

Т. А. Полякова, А. В. Минбаев, И. С. Бойченко подчеркивают комплексный характер про-

блем правового обеспечения информационной безопасности в процессе использования цифровых технологий и необходимость разработки сбалансированных правовых механизмов, учитывающих как национальные интересы, так и требования глобальной цифровой среды [2, с. 33]. Авторы аргументированно доказывают, что фрагментарность правового регулирования и коллизии юрисдикций создают серьезные препятствия для эффективной защиты прав личности, в частности, в сфере персональных данных. Ими также обоснована необходимость развития международной интеграции и выработки согласованных подходов к обеспечению информационной безопасности, в частности, в рамках Евразийского экономического союза. Таким образом, данное исследование вносит значительный вклад в понимание системных проблем правового регулирования и указывает на необходимость международного сотрудничества для их преодоления. Выделенная авторами проблема стремительного отставания правовых механизмов в условиях глобальной цифровой трансформации и развития таких технологий, как искусственный интеллект, виртуальная и дополненная реальность и другие, напрямую перекликается с выводами Н. Ю. Белокопытовой и А. Д. Анучкиной о несовершенстве традиционных правовых конструкций в Российской Федерации [3, с. 311], а также с исследованиями Д. И. Зуева о вызовах, которые бросает праву на неприкосновенность частной жизни использование цифровых технологий [4, с. 27].

Как справедливо отмечают Н. Ю. Белокопытова и А. Д. Анучкина, недостатки действующего правового регулирования информационной безопасности заключаются в дефиците правовой определенности, неспособности обеспечить реальную защиту приватности, подмене гарантированной функции государства сервисной, а также в отсутствии целостного подхода, что в совокупности превращает многие правовые гарантии в декларативные нормы.

Использованию цифровых технологий для манипуляции сознанием в качестве информационного оружия уделяется внимание в работах Н. Н. Ковалёвой [5, с. 131], С. А. Куликовой [6, с. 330] и др. Манипуляция сознанием с использованием цифровых инструментов представляет собой не просто этическую проблему, а форму противоправного информационно-психологического воздействия, нарушающего принцип достоверности ин-

¹ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 50, ст. 7074

² О персональных данных : федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3451.

формации и права граждан на ее получение (ст. 29 Конституции РФ³) и информационную безопасность личности.

Стремительная цифровая трансформация всех сфер общественной жизни актуализировала необходимость теоретического осмыслиения правовых проблем обеспечения информационной безопасности личности. Как справедливо отмечают Р. В. Амелин, Т. А. Полякова, С. Е. Чаннов, в условиях цифровой реальности формируется принципиально новая среда для реализации прав и свобод человека, которая одновременно порождает большой спектр вызовов и угроз информационной безопасности в современных условиях, что требует междисциплинарных и межотраслевых подходов [7, с. 133; 8, с. 144–156].

Довольно часто в современном понимании термин «информационная безопасность», «информационная безопасность личности» рассматривают в совокупности с терминами «цифровая среда», «цифровое пространство». Понятие «цифровое пространство» закреплено в Модельном законе о цифровой трансформации отраслей промышленности государств-участников СНГ, принятом в 2023 г. и носящем рекомендательный характер. Под цифровым пространством понимается область, где «осуществляются функционирование и взаимодействие цифровых сетей и цифровых процессов и в которой вместе с данными процессами на основе определенных регулятивных норм и соответствующих пользовательских, организационных и иных управлеченческих механизмов также объединяются и интегрируются цифровая среда, электронная сеть, информационные ресурсы (включая цифровые документы), информационные, информационно-телекоммуникационные и цифровые технологии»⁴.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416 ; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.09.2025).

⁴ Модельный закон О цифровой трансформации отраслей промышленности государств-участников СНГ (принят 14.04.2023 в г. Санкт-Петербурге Постановлением № 55-9 на 55-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2023. № 78 (ч. 2).

Широкая трактовка цифрового пространства как зоны интеграции технологий, данных и управлеченческих механизмов указывает на то, что оно стало новой, важной цифровой средой деятельности человека. Поскольку цифровое пространство – не просто техническая инфраструктура, а сфера интеграции ключевых социальных, экономических и политических процессов, угрозы в нем перестают быть частной проблемой пользователя сети «Интернет». Любые угрозы в цифровом пространстве, от утечек данных до кибермошенничества, наносят прямой ущерб фундаментальным правам и свободам гражданина. Они трансформируются в системные риски для общества и государства (киберпреступность, дезинформация, посягательства на суверенитет). Поэтому защита личности в цифровом пространстве становится вопросом первостепенной важности. В соответствии с этим безопасность личности в цифровом пространстве становится одним из важных компонентов государственной политики в области национальной безопасности.

Современную концепцию существования личности в цифровом пространстве в виде «цифровой личности» как субъекта, наделенного специфическим набором прав, реализуемых исключительно в цифровой среде, выделяют многие ученые, такие как В. О. Демкин, Л. Г. Ефимова и др. У личности в цифровом пространстве появились новые права, реализуемые с помощью цифровых технологий, которые, как обосновывает В. О. Демкин, составляют специальный правовой статус «цифровой личности». Под термином «цифровая личность» он обозначает «индивида, который обладает правами (наличие и возможность реализации которых при этом гарантированы государством), связанными с цифровыми технологиями и цифровым миром» [9, с. 520]. Этот формирующийся комплекс, по классификации Демкина, включает, в частности, право на цифровое забвение, право на переносимость данных, право на «цифровую смерть» и право на «технологическое равенство». Исследователь указывает, что по своей юридической природе они представляют собой либо новое выражение классических прав человека в онлайн-среде (как, например, право быть забытым, производное от права на неприкосновенность частной жизни), либо абсолютно новые правомочия, обусловленные спецификой цифрового взаимодействия. К механизмам защиты «цифровой личности» от неконтролируемого распространения и использования в этом

контексте можно отнести право на цифровое забвение и право на переносимость данных.

Л. Г. Ефимова в определении цифровой личности делает акцент на способе присутствия субъекта права в киберпространстве и способе «дистанционного взаимодействия с другими субъектами права в мире Интернета» [10, с. 41], что порождает новые риски для информационной безопасности. Это требует развития специальных гарантий и механизмов защиты, адекватных вызовам цифровой эпохи, где угрозы информационной безопасности становятся системными.

Авторская точка зрения на определение роли современной личности в условиях цифрового пространства совпадает с мнением А. А. Чеботарёвой, которая отмечает, что личность выступает и в качестве объекта правового обеспечения информационной безопасности, и в качестве субъекта, участвующего в обеспечении информационной безопасности как составляющей национальной безопасности [11, с. 41]. Личность в современном обществе должна обладать способностью обеспечивать безопасную реализацию своих интересов в информационном обществе, осознавать преимущества от использования информационно-телекоммуникационных технологий, определять угрозы собственной информационной безопасности и оценивать риски.

А. А. Чеботарёвой сформулировано понятие «информационная безопасность личности» как состояние «её защищенности, которое определяется минимизацией для личности в глобальном информационном обществе рисков в виде внутренних и внешних вызовов и угроз в информационной сфере, способностью противостоять им на основе культуры информационной безопасности, а также формированием государственной политики, направленной на создание условий для реализации информационных прав и свобод при условии обеспечения информационной безопасности» [12, с. 14]. Авторская точка зрения коррелирует с мнением А. А. Чеботарёвой о том, что информационная безопасность личности предстает не как пассивная защита, а как комплексное, динамическое состояние. Это состояние определяется активной позицией самого индивида и целенаправленной деятельностью государства, которое выступает гарантом баланса между свободами и безопасностью в цифровом пространстве.

В Доктрине информационной безопасности РФ под информационной безопасностью понимается взаимосвязь трех субъектов – личности,

общества и государства, при этом понятие «информационная безопасность» рассматривается в большей степени как информационная безопасность государства. Отсутствие законодательного определения информационной безопасности личности является, на наш взгляд, существенным правовым пробелом, в связи с чем считаем, что необходимо внести изменения в п. 2 раздела Общие положения Доктрины информационной безопасности РФ, включив определение информационной безопасности личности.

Защита информационной безопасности личности обеспечивается комплексом правовых и технических средств, находящихся в тесной взаимосвязи. Правовые средства устанавливают нормативные требования и гарантии, создавая рамки допустимого поведения субъектов информационных отношений. Технические средства, включая криптографические методы защиты и системы контроля доступа, выступают практическим механизмом реализации этих правовых норм, обеспечивая физическую сохранность и конфиденциальность данных. Таким образом, именно системное сочетание императивных правовых предписаний и адекватных технологических решений формирует эффективный режим защиты прав личности в цифровом пространстве.

Многие законодательные конструкции в области информационной безопасности носят рамочный и декларативный характер. И. Л. Батило в своих работах об основах информационного права заложила методологический подход, согласно которому эффективность правового регулирования напрямую зависит от его способности адекватно реагировать на технологические вызовы. В частности, она указывала, что неопределенность таких понятий, как «общедоступные данные», затрудняет их практическую реализацию и правовую квалификацию [13, с. 183]. Через открытые персональные данные реализуется социальная идентификация граждан, именно такие данные свободно представляют личность, защищаемую законом.

Зарубежные авторы также отмечают важную роль обеспечения информационной безопасности личности в цифровом пространстве. Джуди Коэн в своей книге «Между правдой и властью: правовые конструкции информационного капитализма» [14] анализирует ключевые правовые проблемы безопасности личности в цифровом пространстве и приходит к выводу о том, что правовые конструкции информационного капитализма систематически подрывают автономию и приватность индивида. Основное

внимание исследователем уделяется формированию «биополитического публичного домена», в рамках которого персональные данные превращаются в сырьевую ресурс, свободный для присвоения и коммерческой эксплуатации. Коэн демонстрирует, как режимы правовой защиты, основанные на уведомлении и согласии, становятся фиктивными на фоне повсеместного сбора и анализа данных. Особый акцент сделан на проблеме правовых иммунитетов цифровых платформ, которые уклоняются от ответственности за вредоносный контент, используемых ими манипулятивных алгоритмов и уязвимости в системах безопасности.

Законодательства различных стран пытаются выстроить защиту от вызовов, выявленных российскими и международными исследователями. Так, в Российской Федерации базовые начала регулирования закреплены в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации)⁵, который устанавливает основные принципы правового регулирования отношений, возникающих при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации. Статья 3 данного Закона определяет объекты и субъекты защиты, закрепляет принципы свободы поиска, получения и распространения информации, а также принцип неприкосновенности частной жизни, недопустимости сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия. Таким образом, закрепленные в ней принципы являются правовыми инструментами, которые легитимизируют право человека на доступ к информации, защищают его от распространения недостоверных и порочащих сведений, создают основу для законодательства о персональных данных, обеспечивающего неприкосновенность частной жизни.

Однако в современных условиях действие этих традиционных правовых гарантii сталкивается с принципиально новыми вызовами. Цифровое пространство порождает такие способы обработки информации, которые законодатель изначально не мог в полной мере предвидеть. В частности, развитие информационных технологий, например, таких как искусственный интеллект, позволяет искать при помощи алгоритмов

персональные данные, логины и пароли от аккаунтов и другие данные, оставленные пользователями при использовании сети «Интернет». Поведенческие паттерны, персональные предпочтения и цифровые следы становятся сырьем для алгоритмического анализа, что создает почву для скрытой эксплуатации и манипуляции. Поэтому личность в цифровом пространстве крайне уязвима: ее можно похитить с помощью информационных технологий, скопировать, исказить и использовать против ее самой.

В рамках обеспечения информационной безопасности личности российское законодательство предусматривает ряд специальных инструментов, направленных на минимизацию цифровых рисков, например: защита персональных данных; прекращение выдачи оператором поисковой системы ссылки сайта в сети «Интернет», распространяющего недостоверную информацию с нарушением законодательства Российской Федерации; обязанность операторов обеспечивать конфиденциальность и безопасность обрабатываемых сведений о гражданах; установление ответственности за распространение противоправного контента в сети «Интернет» (клеветы, недостоверной информации).

Проведенный теоретический анализ позволил выделить следующие правовые проблемы обеспечения информационной безопасности личности в цифровом пространстве: неэффективная защита персональных данных в сети «Интернет»; неадаптированность традиционных правовых институтов к цифровой среде; декларативность гарантий прав и свобод при отсутствии действенных механизмов их защиты; недооценка приоритета защиты прав личности перед интересами технологического развития.

Для достижения баланса интересов личности, общества и государства в цифровом пространстве требуется формирование комплексной системы обеспечения информационной безопасности личности, содержащей правовые и технические средства защиты. Нормативно-правовые инструменты, в частности режим защиты персональных данных, механизм реализации права на забвение и процедуры ограничения доступа к противоправному контенту, формируют систему правовых режимов, направленных на минимизацию цифровых рисков для личности.

Проблемой является отсутствие в российском законодательстве легального определения «информационная безопасность личности», что создает правовую неопределенность. Традици-

⁵ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3448.

онные правовые конструкции информационной безопасности личности, общества и государства в своей связке не успевают за динамикой развития цифровой среды, в результате чего способы решения проблем, связанных с обеспечением безопасности личности, остаются за рамками закона. Можно предложить решение этой проблемы в принятии Доктрины информационной безопасности личности по аналогии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации, в которой будут определены основные угрозы личности, существующие в цифровом пространстве, и установлены организационные основы обеспечения информационной безопасности личности.

Перспективными направлениями для дальнейших теоретических изысканий и законодательной работы являются развитие принципов информационного права, международная гармонизация законодательства и создание эффективных механизмов защиты прав человека в глобальном цифровом пространстве.

Эмпирический анализ

Информационная безопасность личности в цифровом пространстве охватывает не только сферу цифрового взаимодействия, но и традиционные каналы информационного обмена, такие как средства массовой информации, государственные базы данных, образовательные и иные информационные системы. Опасность нарушения прав личности может возникнуть в результате распространения недостоверной или порочащей информации о гражданине, утечки сведений, неправомерного ограничения доступа к информации, навязывания идеологически окрашенных сообщений, информационно-психологического воздействия, проводимого с целью совершения мошеннических действий. Следовательно, правовое обеспечение информационной безопасности личности должно иметь комплексный характер, включая конституционно-правовые, административные, уголовно-правовые и международно-правовые механизмы защиты.

Несмотря на то, что действующее российское законодательство заложило существенный базис для защиты прав граждан в информационной сфере, на практике он оказывается недостаточно эффективным против новых цифровых угроз, таких как технологии искусственного интеллекта. Искусственный интеллект Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в

Российской Федерации на 2017–2030 годы»⁶ выделен в качестве одного из основных направлений развития российских информационных и коммуникационных технологий.

К основным правовым проблемам, возникшим с развитием технологий искусственного интеллекта, следует отнести: несанкционированный сбор и обработку персональных данных вследствие автоматического сбора больших данных; утечку информации из взломанных аккаунтов; использование произведений различного характера без соблюдения авторских прав.

Заложенный в российском законодательстве правовой базис оказывается недостаточно адаптирован для регулирования применения технологий искусственного интеллекта, которые придают новое качество и масштаб существующим угрозам [15, с. 24].

В рамках настоящей статьи рассмотрим проблемы обеспечения информационной безопасности личности в цифровом пространстве с помощью такого правового инструмента, как реализация права на забвение, выражющегося в процедуре удаления ссылок на неактуальные и порочащие сведения, а также блокировки информации, признанной недостоверной в установленном законом порядке.

Правовой институт права на забвение формируется в области пересечения конституционного и информационного права. Его сущность определяется коллизией между гарантиями частной жизни и информационной безопасности индивида, с одной стороны, и принципом свободы распространения информации – с другой.

По мнению В. Н. Середы и М. Ю. Середы, востребованность права быть забытым проистекает из потребности ограничить распространение в прошлом опубликованных сведений о гражданине, если их дальнейшее наличие в цифровом пространстве способно нанести вред его охраняемым законом правам и интересам [16, с. 70].

С конституционно-правовой точки зрения право на забвение является логическим развитием и конкретизацией базовых гарантий, закрепленных в ст. 23 и 24 Конституции РФ⁷. Именно принципы неприкосновенности частной жизни, защиты чести, достоинства и доброго имени создают основу для требования лица удалить устаревшие или порочащие сведения. Конституционные нормы формируют защитный механизм, провозглашая невмешательство в личную сферу.

⁶ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20, ст. 2901.

⁷ См.: Конституция Российской Федерации...

Информационное право, в свою очередь, наполняет этот механизм динамическим содержанием, регламентируя процедурные аспекты. Оно устанавливает правовые режимы информации, определяет права и обязанности операторов, регулирует процессы обработки и распространения персональных данных (в частности, Закон об информации и Закон о персональных данных).

В Российской Федерации право на забвение (право быть забытым) в 2015 г. закреплено введением новой ст. 10.3 Закона об информации, которая предоставляет гражданину возможность требовать от оператора поисковой системы удаления ссылок на информацию о себе, распространяемую с нарушением законодательства, являющуюся недостоверной или утратившей актуальность в сети «Интернет». Данная статья была введена Федеральным законом от 13.07.2015 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»⁸ и регулирует деятельность операторов поисковых систем, возлагая на них обязанность прекращать по требованию гражданина выдачу ссылок на информацию о нем, если она распространяется с нарушением законодательства, является недостоверной или утратила актуальность, за исключением сведений о преступлениях, по которым не истекли сроки давности или не снята судимость.

По своей сути, право на забвение представляет собой юридическую возможность гражданина обратиться к владельцу информационного ресурса с требованием об удалении или ограничения доступа к личной информации. Основанием для такого требования служит утрата информацией былой актуальности и общественной значимости, либо ее сохранение в открытом доступе продолжает наносить ущерб репутации и достоинству лица, несмотря на изначально законную публикацию. При этом данное право не носит безусловного характера и должно находиться в гармонии с иными конституционными правами, в частности, со свободой распространения информации и правом общества на получение социально значимой информации.

В формулировке 2015 г. в п. 1 ст. 10.3 Закона об информации был сделан акцент на обязанно-

сти прекратить выдачу ссылок только оператора поисковой системы, распространяющего в сети «Интернет» рекламу, «которая направлена на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации». Таким образом, обязанность применять право на забвение изначально была возложена не на всех операторов поисковых систем, а лишь на тех, чья деятельность была сопряжена с распространением рекламы, нацеленной на российских потребителей.

Новая редакция ст. 10.3, вступившая в силу с 1 октября 2024 г., устранила этот критерий. Норма теперь обращена к оператору поисковой системы без каких-либо дополнительных условий, касающихся рекламной деятельности.

Данная корректировка представляется логичным и последовательным шагом в развитии российского законодательства в цифровом пространстве. Предыдущая редакция Закона об информации создавала неравные условия для различных поисковых систем. Крупные коммерческие операторы, такие как Яндекс и Google, были обязаны исполнять требования о прекращении выдачи ссылок, в то время как нишевые или некоммерческие поисковые сервисы, формально не подпадавшие под критерий распространения рекламы, могли игнорировать такие запросы. Это нарушало принцип равенства всех субъектов, осуществляющих аналогичную деятельность по индексации и выдаче информации на территории РФ. Изменение согласуется с общей тенденцией усиления защиты персональных данных и частной жизни граждан в цифровом пространстве. Теперь механизм защиты прав граждан стал универсальным и применяется ко всем поисковым системам, функционирующими в российском сегменте сети «Интернет», независимо от их хозяйственной деятельности. Это повысило гарантии реализации гражданами своего права на защиту репутации и приватности. Изменение 2024 г. направлено на унификацию правового регулирования и распространение обязанности по соблюдению права на забвение на всех операторах поисковых систем без исключений, что подтверждается статистикой Яндекс.

По результатам статистики Яндекс⁹, в числе обращений о праве на забвение за 2019 г. (июль–декабрь) доля отказов обращений по неактуальности – 79%, по недостоверности – 80%, по нарушению закона – 81%. За прошедшие пять лет

⁸ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 13.07.2015 № 264-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29 (ч. I), ст. 4390.

⁹ Transparency Report // Статистика Яндекс. URL: <https://yandex.ru/company/privacy/transparency-report> (дата обращения: 26.09.2025).

и с принятием поправки в 2024 г. наблюдается резкое, в несколько раз, уменьшение удовлетворенных заявлений. В 2024 г. (июль–декабрь) по этой категории обращений по закону о праве на забвение произошло уменьшение отказов удовлетворенных обращений по неактуальности до 28% (в 2,8 раза), по недостоверности – 13% (уменьшение в 6,2 раза), по нарушению закона – 16% (в 5,0 раз).

Действующее российское законодательство предусматривает административный и судебный порядок защиты прав граждан от распространения недостоверной информации.

Первоначальным действием для гражданина, чьи права нарушены, является обращение: к владельцу информационного ресурса (сайта, страницы в социальной сети) с требованием удалить недостоверные сведения; к оператору поисковой системы (Яндекс, Google и др.) – с требованием прекратить выдачу ссылки на ресурс, содержащий недостоверную информацию, в соответствии со ст. 10.3 Закона об информации. В случае неисполнения данного требования гражданин вправе обратиться в федеральный орган исполнительной власти – Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Центральной правовой коллизией в рассматриваемом механизме является вопрос о том, кто и каким образом устанавливает факт недостоверности информации. Операторы поисковой системы (Яндекс, Google) с точки зрения закона являются техническими посредниками, предоставляющими сервис индексации и поиска. Они не обладают ни экспертизой, ни правомочностью проводить самостоятельную юридическую и фактологическую проверку содержания миллионов проиндексированных страниц. Их задача – обеспечить функционирование поискового алгоритма. Оператор поисковой системы, получив мотивированное заявление (по ст. 15.7 Закона об информации), обязан в течение 24 часов с момента получения заявления или уточненных заявителем сведений ограничить доступ к информации, указанной в заявлении, и уведомить владельца информационного ресурса (сайта) о примененных мерах. Владелец сайта, в свою очередь, вправе обжаловать такие действия в судебном порядке. Данный внесудебный механизм, предусмотренный ст. 15.7 Закона об информации, призван оперативно пресекать распространение потенциально вредоносного контента. Оператор-

ы занимают позицию, согласно которой они не являются арбитрами в установлении истины. Без вступившего в законную силу решения суда, прямо предписывающего удалить конкретную ссылку, они считают требования досрочными и возлагающими на них несвойственную право-применительную функцию.

Анализ судебной практики по делам, связанным с оспариванием негативных отзывов в сети «Интернет», а также на таких платформах, как «Яндекс.Карты» и «Яндекс.Услуги», демонстрирует формирование единого подхода, основанного на принципах, заложенных в практике Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ).

Например, Хамовнический районный суд г. Москвы в решении от 25 января 2024 г. по делу к ООО «Яндекс», рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело № 02-852/2024 по иску Воробьева Александра Сергеевича к ООО «Яндекс» о защите деловой репутации¹⁰, указал, что сам факт написания отзыва на адвоката в оскорбительном тоне, без призывов к насилию и иным противоправным действиям, не является достаточным основанием для его удаления. Истец имел возможность дать аргументированный ответ прямо на платформе. Как итог – отрицательный отзыв не был удален, так как текст отзыва составляется и публикуется пользователем самостоятельно.

Суды возлагают на истца (компанию, врача, адвоката) повышенное бремя доказывания недостоверности и порочащего характера информации. Недостаточно просто утверждать, что отзыв ложный. Истец должен доказать, что описанные в отзыве события не происходили. Если пользователь пишет общими фразами («ужасная клиника», «руководство не хочет решать ситуацию» – например, дело № А40-208757/22-15-1602 от 17 марта 2023 г., г. Москва¹¹), не раскрывая деталей (точная дата, имя врача, диагноз), суд квалифицирует это как оценочное суждение, а не утверждение о факте. Оспаривание оценочных суждений в исковом порядке практически невозможно.

Практика показывает, что право на забвение в отношении негативных отзывов применяется крайне ограниченно. Как следует из анализа дел (включая дело в Арбитражном суде г. Москвы 2023 г.), простое наличие негативного отзыва,

¹⁰ URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/cases/docs/content/0d231360-bb7e-11ee-abcd-a3010289f8ad> (дата обращения: 26.09.2025).

¹¹ URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/eu5dCb1Othdm/> (дата обращения: 26.09.2025).

даже если он наносит ущерб репутации, не является основанием для его удаления по праву на забвение, если он представляет собой субъективное мнение, а не заведомо ложные факты. Суды указывают, что ущерб от «оттока клиентов» должен компенсироваться не цензурой, а активной работой с репутацией, включая публичные ответы на критику.

Таким образом, современная судебная практика выстроила стройную систему, в рамках которой удаление негативного отзыва является исключительной, а не рядовой мерой. Основной путь защиты для бизнеса и специалистов является не иск об удалении, а активное участие в дискуссии, например, публикация аргументированных ответов, предоставление доказательств своей позиции и использование всех инструментов обратной связи, предоставляемых платформами. Это создает баланс, при котором защита деловой репутации не подменяется цензурой.

Однако если отзывы в сети «Интернет» носят оскорбительный характер и не соответствуют действительности, то иски подлежат удовлетворению. Например, Конституционный Суд РФ в Постановлении № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг»¹² в 2021 г. выявил конституционно-правовой смысл оспариваемой нормы, установив, что обработка персональных данных медицинского работника без его согласия допустима для целей информированного выбора врача, поскольку такие сведения, будучи размещенными на сайте медучреждения, признаются имеющими общественный интерес. В ходе повторного рассмотрения дела суд апелляционной инстанции удовлетворил частично исковые требования медицинского работника, обязав оператора сайта прекратить обработку ее персональных данных и удалить профиль, а также взыскав компенсацию морального вреда. Правовым основанием для принятия такого решения послужил вывод о наличии на платформе непроверенных оскорбительных отзывов, порочащих профессиональную репутацию истицы. У истицы не было технической возможности на сайте ответить на оскорбительные отзывы. Суд констатировал отсутствие у последней действенных

механизмов для самостоятельной защиты своих прав, что свидетельствует о нарушении баланса между свободой распространения информации и правом на защиту чести и достоинства. Вместе с тем Суд возложил на редакцию сетевого СМИ (адрес сайта в сети «Интернет»: prodoctorov.ru) ООО «МедРейтинг» обязанность обеспечивать баланс прав, не допуская распространения непроверенных, оскорбительных высказываний и предоставляя врачу право на ответ, а также предусмотрев возможность судебного запрета на распространение информации в случае систематических нарушений. Таким образом, правовая позиция Суда направлена на поиск справедливого равновесия между свободой массовой информации и правом на неприкосновенность частной жизни и защиту деловой репутации.

Проведенный анализ позволяет заключить, что право на забвение реализуется через систему взаимодополняющих правовых механизмов. В Российской Федерации был создан уникальный административно-судебный механизм, сфокусированный исключительно на операторах поисковых систем, что отличает его от более общего общеевропейского подхода, основанного на принципах защиты персональных данных.

Другим механизмом обеспечения информационной безопасности личности является блокировка вредоносной информации, распространяемой в сети «Интернет». Его правовая база содержится в Законе об информации в ст. 15.1–15.6, а также в отраслевом законодательстве. По ст. 15.1-2 Закона об информации устанавливается порядок ограничения доступа к недостоверной информации, которая порочит честь и достоинство гражданина или подрывает его репутацию и связана с обвинением гражданина в совершении преступления. Процедура блокировки инициируется уполномоченными государственными органами – Роскомнадзором, прокуратурой – в отношении информации, распространение которой прямо запрещено на территории Российской Федерации.

По итогам 2024 г. Роскомнадзором в рамках осуществления контрольно-надзорных полномочий было ограничено распространение более 44 тысяч интернет-ресурсов, используемых для противоправной деятельности, связанной с мошенничеством¹³. Данные меры применялись на основании положений Закона об информации в целях пресечения противоправных посягательств на имущественные права

¹² По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг» : постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2021 № 22-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 22, ст. 3915.

¹³ Дмитрий Григоренко: Роскомнадзор заблокировал свыше 44 тыс. мошеннических сайтов в прошлом году. URL: <http://government.ru/news/55581/> (дата обращения: 26.09.2025).

граждан. Осуществление блокировок является составной частью государственной политики, направленной на минимизацию киберрисков и обеспечение безопасности личности в цифровом пространстве.

Блокировка сайтов направлена на обеспечение информационной безопасности личности, в частности, обеспечение общественной безопасности (пресечение несанкционированных акций, призывов к массовым беспорядкам); информационно-психологическую защиту (противодействие терроризму, дезинформации); защиту физического здоровья (борьба с суицидами и наркотиками); информацию, оскорбляющую человеческое достоинство и общественную нравственность; информацию, содержащую предложение о финансировании противника в условиях вооруженного конфликта; защиту несовершеннолетних. По ст. 15.3 Закона об информации блокируются «ложные сообщения об актах терроризма и иная недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности». Под такой недостоверной общественно значимой информацией подразумеваются фейки.

Статьи 272, 273, 274 УК РФ¹⁴ формируют уголовно-правовую защиту в сфере компьютерной информации. Однако их диспозиции были сформулированы в эпоху, когда основной угрозой был неправомерный доступ к изолированным компьютерным системам и распространение вирусов. В настоящее время распространены другие виды преступлений в сфере компьютерной информации, такие как фишинг, вишинг, взлом аккаунтов пользователей и др.

Распоряжением Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р была утверждена Концепция государственной системы противодействия противоправным действиям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий¹⁵, которая представляет собой основу для построения целостной государственной системы противодействия киберпреступности, интегрирующую правовые, организационные

и технологические компоненты. Концепция акцентирует необходимость создания специализированной цифровой платформы для оперативного межведомственного обмена информацией и адаптации законодательства к новым способам совершения противоправных действий.

Кибермошенничество (ст. 159.6 УК РФ) эволюционировало от простого взлома аккаунтов до сложных схем социальной инженерии и фишинга, где жертва добровольно передает злоумышленникам доступ к своим средствам. Доказывание умысла и прямого причинения имущественного ущерба в таких схемах, особенно при использовании криптовалют и анонимных платежных систем, представляет значительную сложность для правоохранительных органов. Кибермошенники воздействуют непосредственно на гражданина чаще всего по телефону, оказывая информационно-психологическое воздействие. Объекту воздействия внушают, какие действия он должен произвести – продать квартиру, взять кредит.

В рамках антимошеннических поправок к Федеральному закону от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», подготовленных Минцифры, предлагается создать централизованную биометрическую базу для борьбы с телефонным мошенничеством. Ее основой станет единая государственная антифрод-платформа. С правовой точки зрения инициатива вводит особый порядок обработки биометрии. Сбор голосовых данных (в форме цифровых векторов) лиц, причастных к мошенничеству, будет проводиться без их согласия. Это исключение из общего правила, установленного законодательством о персональных данных. Технически сбору подлежат не аудиозаписи, а обезличенный вектор голоса, что является результатом математического преобразования. Голоса из этих фрагментов нельзя будет восстановить до исходного голоса, что не нарушит приватности.

Финансирование проекта оценивается более чем в 6 млрд руб.¹⁶ Платформа будет аккумулировать информацию о правонарушениях от широкого круга субъектов: от правоохранительных органов и ЦБ до операторов связи, хостинг-провайдеров, социальных сетей и граждан. Запуск в эксплуатацию намечен на конец 2026 г.

Выявленные правовые проблемы информационной безопасности личности в цифровом пространстве указывают на необходимость совершенствования правовых норм в сторону

¹⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

¹⁵ Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным действиям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: распоряжение Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 2, ст. 76.

¹⁶ На госплатформе показался план денег. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7197122> (дата обращения: 26.09.2025).

увеличения ответственности в части противодействия киберпреступности, защиты граждан РФ от распространения недостоверной информации и реализации права на забвение.

Проанализированная статистика Яндекс до 2024 г. по обращениям о праве на забвение показывает достаточно большое количество отказов – 80%, что обуславливается ограниченным применением нормы права только на операторов поисковых систем, чья деятельность была сопряжена с распространением рекламы, нацеленной на российских потребителей. Усовершенствованная норма права в 2024 г. устранила неравенство между операторами поисковых систем, показала большую эффективность применения права на забвение, усовершенствовала защиту прав пользователя сети «Интернет».

Существующая модель правового регулирования информационной безопасности личности в цифровом пространстве является фрагментарной. Она не охватывает всю совокупность прав личности, реализуемых с помощью цифровых технологий. В связи с этим необходим переход от обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства в совокупности субъектов к комплексному обеспечению информационной безопасности личности.

Результаты

Современное состояние правового регулирования демонстрирует, что защита человека в информационном пространстве требует не только технических, но и правовых решений, затрагивающих основы правосубъектности, конфиденциальности и доверия к цифровому пространству.

Проблема переосмыслиния традиционных правовых подходов к информационной безопасности личности в цифровом пространстве в цифровую эпоху выходит далеко за рамки защиты от кибермошенничества, фейков и включает в себя право на достоверность информации о себе.

Эмпирический анализ показал, что выстраивание системы правовой защиты личности от угроз в цифровом пространстве способствует применение специальных юридических инструментов, в частности, норм о персональных данных, права на забвение и института ограничения распространения вредоносной информации.

Комплексный подход сможет обеспечить реализацию фундаментального права человека на безопасность и автономию в цифровом пространстве. Реализовать такой подход можно в разработке и закреплении на законодательном

уровне понятия «информационная безопасность личности»; совершенствования составов преступлений в УК РФ с учетом новых цифровых угроз и выработка общих стандартов информационной безопасности личности в цифровом пространстве.

Решением выявленных проблем может быть разработка и принятие Доктрины информационной безопасности личности; законодательное закрепление определения информационной безопасности личности, формирование комплексной системы защиты личности в цифровом пространстве, включающей правовые и технические средства.

Список литературы

1. Аверьянова Н. Н., Куликова С. А. Роль модельного законодательства СНГ в законотворческой и право-применительной практике государств – участников Содружества // Журнал российского права. 2025. Т. 29, № 6. С. 144–157. <https://doi.org/10.61205/S160565900032595-8>
2. Полякова Т. А., Минбалиев А. В., Бойченко И. С. Проблемы правового обеспечения информационной безопасности в процессе использования цифровых технологий в глобальной цифровой среде // Вестник Академии права и управления. 2018. № 3 (52). С. 32–36. EDN: YLVHJB
3. Белокопытова Н. Ю., Анучкина А. Д. Проблемы правового обеспечения информационной безопасности личности в Российской Федерации // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2014. № 13. С. 308–312.
4. Зуев Д. И. Эволюция права на неприкосновенность частной жизни в эпоху цифровых технологий // Эффективность государственного и муниципального управления: правовые аспекты : материалы 3-й межвуз. науч.-практ. конф. для молодых ученых (Иркутск, 28 февраля 2023 г.) / отв. ред. А. Г. Самусевич. Иркутск : Иркутский ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023. С. 26–30.
5. Информационное право : учебник для вузов / под общ. ред. М. А. Федотова. М. : Юрайт, 2021. 353 с. EDN: WGSQPZ
6. Обеспечение защиты прав человека в Российской Федерации / Г. Н. Комкова, М. А. Липчанская, С. А. Куликова [и др.]. М. : Инфра-М, 2022. 339 с. <https://doi.org/10.12737/1200563>, EDN: SHHOUQ
7. Полякова Т. А., Минбалиев А. В., Троян Н. А. Формирование культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации в условиях новых вызовов: публично-правовые проблемы // Государство и право. 2023. № 5. С. 131–144. <https://doi.org/10.31857/S102694520025209-0>, EDN: JUISEQ
8. Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М. : Норма, 2025. 280 с.
9. Демкин В. О. Цифровая личность и цифровой образ человека: характеристика и место понятий в системе

- ме смежных категорий // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28, № 3. С. 512–527. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-512-527>, EDN: FTBYVW
10. Ефимова Л. Г. Цифровая личность как способ присутствия субъекта права в киберпространстве // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 4 (128). С. 32–41. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.128.4.032-041>
11. Чеботарева А. А. Информационная безопасность личности в глобальном информационном обществе: теоретико-правовые аспекты // Российская юстиция. 2016. № 8. С. 39–42. EDN: WICVXN
12. Чеботарева А. А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 473 с.
13. Бачило И. Л. Информационное право : учебник. 5-е изд., пер. и доп. М. : Юрайт, 2019. 419 с.
14. Cohen J. E. Between Truth and Power: The Legal Constructions of Informational Capitalism. Oxford University Press, 2019. 368 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190246693.001.0001>
15. Правовое регулирование бережного и устойчивого оборота данных / Е. В. Архангельская, А. С. Васильева, Л. О. Гонтарь [и др.]. М. : Инфра-М, 2025. 215 с.
16. Середа В. Н., Середа М. Ю. Защита прав и свобод человека и гражданина в сети Интернет. Воронеж : ИПЦ «Научная книга», 2013. 252 с. EDN: RVECCN
- scientific and practical conference for young scientists (Irkutsk, February 28, 2023). Irkutsk, Irkutsk Institute (branch) The Supreme Court (RPA of the Ministry of Justice of Russia) Publ., 2023, pp. 26–30 (in Russian).
5. *Informatsionnoe pravo* [Fedotov M. A. (ed.) Information law]. Moscow, Yurayt, 2021. 353 p. (in Russian). EDN: WGSQPZ
6. Komkova G. N., Lipchanskaya M. A., Kulikova S. A. et. al. *Ensuring the protection of human rights in the Russian Federation*. Moscow, Infra-M, 2022. 339 p. (in Russian). <https://doi.org/10.12737/1200563>, EDN: SHHOUQ
7. Polyakova T. A., Minbaleev A. V., Troyan N. A. Formation of a culture of information security of citizens of the Russian Federation in the face of new challenges: Public law problems. *State and Law*, 2023, iss. 5, pp. 131–144 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S102694520025209-0>, EDN: JUISEQ
8. Amelin R. V., Channov S. E. *Evolutsiya prava pod vozdeystvием tsifrovyykh tekhnologiy* [The evolution of law under the influence of digital technologies]. Moscow, Norma, 2025. 280 p. (in Russian).
9. Demkin V. O. Digital identity and digital image of an individual: Legal characteristics and the place in the system of related categories. *RUDN Journal of Law*, 2024, vol. 28, no. 3, pp. 512–527 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-512-527>, EDN: FTBYVW
10. Efimova L. G. Digital personality as a way of legal entity's presence in cyberspace. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGU)* [Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGU)], 2025, no. 4 (128), pp. 32–41 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.128.4.032-041>
11. Chebotareva A. A. Information security identity in the global information society: Theoretical and legal aspects. *Rossiyskaya Yustitsiya*, 2016, no. 8, pp. 39–42 (in Russian). EDN: WICVXN
12. Chebotareva A. A. *Legal provision of personal information security in the global information society*. Diss. Dr. Sci. (Jur.). Moscow, 2018. 473 p. (in Russian).
13. Bachilo I. L. *Informatsionnoe pravo* [Information law]. Moscow, Yurayt, 2019. 419 p. (in Russian)
14. Cohen J. E. Between Truth and Power: The Legal Constructions of Informational Capitalism. Oxford University Press, 2019. 368 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190246693.001.0001>
15. Arkhangelskaya E. V., Vasilevaya A. S., Gonchar L. O. et. al. *Pravovoe regulirovanie berezhnogo i ustoichivogo oborota dannykh* [Legal regulation of careful and sustainable data turnover]. Moscow, Infra-M, 2025. 215 p. (in Russian).
16. Sereda V. N., Sereda M. Yu. *Zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina v seti Internet* [Protection of human and civil rights and freedoms on the Internet], Voronezh, Publishing and Printing Center Nauchnaya kniga Ltd, 2013. 252 p. (in Russian). EDN: RVECCN

References

1. Averyanova N. N., Kulikova S. A. The role of the CIS model legislation in the legislative and law enforcement practice of the commonwealth member states. *Journal of Russian Law*, 2025, vol. 29, № 6, pp. 144–157 (in Russian). <https://doi.org/10.61205/S160565900032595-8>
2. Polyakova T. A., Minbaleev A. V., Boychenko I. S. Issues of legal support of information safety during use of digital technologies in a global digital environment. *Vestnik Akademii prava i upravleniya* [Bulletin of the Academy of Law and Management], 2018, no. 3 (52), pp. 32–36 (in Russian). EDN: YLVHJB
3. Belokopytova N. Yu., Anuchkina A. D. Problems of legal provision of information security of the individual in the Russian Federation. *Fundamental'nye i Prikladnye Issledovaniia: Problemy i Rezul'taty*, 2014, vol. 13, pp. 308–312 (in Russian).
4. Zuev D. I. The evolution of the right to privacy in the digital age. *Effektivnost' gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya: pravovye aspekty: materialy 3-y mezhevuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii dlya molodykh uchenykh* [Samusevich A. G. (ed.) Effectiveness of State and Municipal Management: Legal Aspects: Proceedings of the 3rd Interuniversity
5. Arkhangelskaya E. V., Vasilevaya A. S., Gonchar L. O. et. al. *Pravovoe regulirovanie berezhnogo i ustoichivogo oborota dannykh* [Legal regulation of careful and sustainable data turnover]. Moscow, Infra-M, 2025. 215 p. (in Russian).
6. Sereda V. N., Sereda M. Yu. *Zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina v seti Internet* [Protection of human and civil rights and freedoms on the Internet], Voronezh, Publishing and Printing Center Nauchnaya kniga Ltd, 2013. 252 p. (in Russian). EDN: RVECCN

Поступила в редакцию 29.09.2025; одобрена после рецензирования 27.10.2025; принята к публикации 28.10.2025
The article was submitted 29.09.2025; approved after reviewing 27.10.2025; accepted for publication 28.10.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 437–450

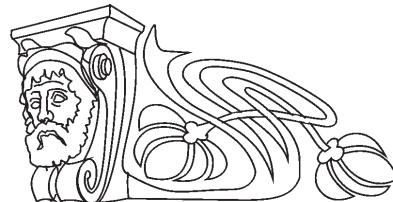
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 437–450

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-437-450>, EDN: VWLLNI

Научная статья
УДК 340

Русская академическая традиция в творчестве С. В. Юшкова: преемственность и новаторство в отечественной историко-правовой науке

Д. Г. Татарников

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов,
ул. Астраханская, д. 83

Татарников Дмитрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права, demetriost@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7953-3886>

Аннотация. *Введение.* С. В. Юшков заложил основы советской историко-правовой науки. Впрочем, история русского права изначально имела ряд особенностей, которые стали неотъемлемой частью русской академической традиции: во-первых, археографические изыскания и исследования; во-вторых – тщательный историко-филологический анализ памятников. **Теоретический анализ.** Эти особенности были заложены деятельностью Г. Ф. Миллера и В. Н. Татищева, подтверждены научной работой членов кружка Н. П. Румянцева. К середине XIX в. вырабатывается принцип изучения памятников с учетом всех наличных списков, что демонстрирует Н. В. Калачев. Хрестоматия М. Ф. Владимировского-Буданова определяет перечень историко-правовых текстов, обязательных для изучения на юридических факультетах, а его учебное пособие свидетельствует о зрелости отечественной науки. Учитель С. В. Юшкова, В. Н. Бенешевич, исследуя памятники византийского и славянского права, представлял пример исследовательской работы в области кодикологии, палеографии, филологии и сравнительного правоведения. **Эмпирический анализ.** Как исследователь С. В. Юшков сформировался в дореволюционной научной среде. После Октябрьской революции он сосредоточился на изучении юридических памятников Киевской Руси и средневекового Московского государства. Научный стиль С. В. Юшкова – сочетание академических научных традиций и информационного подхода. Он создал первый советский учебник по истории государства и права, первым в СССР осуществил издание Русской Правды по всем имеющимся спискам, ввел в научный оборот юридический сборник «Правосудие митрополичье».

Результаты. С. В. Юшкову удалось найти разумный баланс между академическими традициями дореволюционной науки и информационным пониманием истории, баланс, при котором археографические поиски и исследования не противопоставлялись, а сочетались и органически укладывались в рамки марксистского метода. Он сконструировал единое интеллектуальное пространство всей отечественной историко-правовой науки. С. В. Юшков заметно обогатил отечественную науку как в содержательной, так и в теоретической части, создал свою школу, подготовив многих видных исследователей.

Ключевые слова: русская и советская историко-правовая наука, кружок Н. П. Румянцева, Н. В. Калачев, М. Ф. Владимировский-Буданов, В. Н. Бенешевич, С. В. Юшков, юридические памятники, византийские памятники церковного права, памятники славянского и русского права, Русская Правда, списки и редакции Русской Правды

Для цитирования: Татарников Д. Г. Русская академическая традиция в творчестве С. В. Юшкова: преемственность и новаторство в отечественной историко-правовой науке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 437–450. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-437-450>, EDN: VWLLNI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The Russian academic tradition in the works by S. V. Yushkov: Heritage and innovation in the Russian historic and legal science

D. G. Tatarnikov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia.

Dmitriy G. Tatarnikov, demetriost@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7953-3886>

Abstract. *Introduction.* S. V. Yushkov laid the foundations of Soviet historical and legal science. Russian law history, however, initially had a number of features that have become an integral part of the Russian academic tradition: firstly, archaeological investigation and research; secondly, a thorough historical and philological analysis of monuments. **Theoretical analysis.** These features were established by G. F. Miller and V. N. Tatishchev's activities and confirmed by the research of the members of N. P. Rumyantsev's circle. By the middle of the 19th century, the principle of studying monuments had been developed and embodied all available lists, which was demonstrated

by N. V. Kalachev. The anthology by M. F. Vladimirsy-Budanov defines the list of historical and legal texts required for study at law faculties, and his textbook testifies to the maturity of Russian science. S. V. Yushkov's teacher, V. N. Beneshevich, while researching the monuments of Byzantine and Slavic law, provided an example of research work in the field of codicology, paleography, philology and comparative jurisprudence.

Empirical analysis. As a researcher, S. V. Yushkov was formed in a pre-revolutionary scientific environment. After the October Revolution, he focused on studying the legal monuments of Kievan Rus and the medieval Muscovite state. S. V. Yushkov's scientific style is a combination of academic scientific traditions and a formative approach. He created the first Soviet textbook on the history of state and law, was the first in the USSR to publish Rus' Truth according to all available lists, and introduced the legal collection "Justice Metropolitan" into scientific circulation.

Results. S. V. Yushkov managed to find a reasonable balance between the academic traditions of pre-revolutionary science and the formational understanding of history, the balance in which archaeological investigations and research were not opposed, but were combined and organically fit into the framework of the Marxist method. He constructed a single intellectual space for the entire Russian historical and legal science. S. V. Yushkov significantly enriched Russian science both in terms of content and theory, created his own school, having trained many prominent researchers.

Keywords: Russian and Soviet historical and legal science, N. P. Rumyantsev's circle, N. V. Kalachev, M. F. Vladimirsy-Budanov, V. N. Beneshevich, S. V. Yushkov, legal monuments, Byzantine monuments of church law, monuments of Slavic and Russian law, Rus' Truth, lists and editions of the Rus' Truth

For citation: Tatarnikov D. G. The Russian academic tradition in the works by S. V. Yushkov: Heritage and innovation in the Russian historic and legal science. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 437–450 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-437-450>, EDN: VWLLNI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Имя Серафима Владимировича Юшкова (1888–1952)очно связано с отечественной историей права. Совершенно справедливо его известные ученики О. И. Чистяков и С. И. Штамм могли сказать об учителе, что он взял на себя колоссальный труд по созданию основ советской историко-правовой науки¹. Между тем советская историко-правовая наука возникла не на пустом месте. В широком смысле отечественная история права была сформирована во второй половине XIX в. [2, с. 7–8] и, как вся отечественная юридическая наука, испытывала заметное влиянием немецкой исторической школы права [3, с. 110–111, 113–115].

С момента возникновения история русского права, как кажется, имела ряд особенностей, которые проявились еще в период ее институционального оформления, а затем, в силу специфики исследовательской работы ученых, стали неотъемлемой частью русской академической традиции. Первой такой особенностью можно назвать археографические изыскания и, как следствие, открытие и публикация новых источников; второй – тщательный историко-филологический анализ обнаруженных памятников.

Теоретический анализ

Работа по обнаружению и публикации памятников древнерусского законодательства

¹ «До него такой науки просто не существовало. Сама постановка вопроса, первые программы, первые лекции, первые учебники – все это дело рук, таланта профессора С. В. Юшкова» [1, с. 64].

началась в XVIII в. с деятельности Г. Ф. Миллера и В. Н. Татищева. Немецким историком изучались архивы сибирских городов, архивы Разрядного и Сибирского приказов, Московский архив иностранной коллегии [4, с. 181]. В. Н. Татищев открывает Краткую Правду Русскую в составе Новгородской первой летописи младшего извода. Текст и перевод этого древнейшего письменного источника права, а также комментарий к нему В. Н. Татищев включил в «Собрание законов древних русских», сохранившееся в рукописях в редакциях 1740 и начала 1750 г. [5, с. 189–197].

Одновременно с этим начинается публикация юридических памятников. В 1767 г. А. Ф. Шлецером публикуется обнаруженная В.Н. Татищевым Русская Правда² – Краткая редакция по Академическому списку, а в следующем году Г. Ф. Миллер публикует Судебник 1550 года с комментариями В. Н. Татищева³. В 1788 г. В. В. Крестинин впервые публикует Пространную редакцию Русской Правды. Долгое время список, который был положен в основу публикаций, считался утерянным, и только в

² Правда русская данная в одиннадцатом веке от великих князей Ярослава Владимира и сына его Изяслава Ярославича / Издание Августа Шлецера профессора истории при Императорской Академии наук, и члена королевских академий наук, и члена королевских академий наук в Геттинге и в Стокгольме. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1767. [20], 16 с.

³ Судебник Государя Царя и Великого Князя Ионна Васильевича и некоторые сего Государя и ближних его преемников указы / Собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым. М. : В Университетской типографии, у Н. Новикова, 1768. 138 [14] с.

1935 г. при подготовке издания Русской Правды Академией наук СССР М. Н. Тихомиров установил, что издание 1788 г. осуществлялось по так называемому Рогожниковскому списку (Крестининская Кормчая), а сама Кормчая находится в рукописном отделе Государственного исторического музея [6, с 12–13].

В первой половине XIX столетия публикуются наиболее значимые по своей научной ценности списки, содержащие Пространную редакцию Русской Правды – так называемые Синодальный, Троицкий, Пушкинский и Карамзинский списки.

Обнаруженный Н. М. Карамзиным Синодальный список, содержащийся в Новгородской кормчей конца XIII в., был издан в 1815 г. К. Ф. Калайдовичем в первой части Русских достопамятностей⁴. Список, принадлежавший А. И. Мусину-Пушкину, обнаруженный в составе юридического сборника под заглавием «Суд Ярослава князя. Устав о всяких пошлинах и о уроцех», был издан в 1843 г. Д. Н. Дубенским во второй части Русских достопамятностей⁵. Троицкий список, содержащийся в юридическом сборнике второй половины XIV в. под названием «Мерила Праведного», и Карамзинский список – юридический сборник, вошедший в состав Софийской первой летописи второй половины XV в., были напечатаны в 1846 г. Н. В. Калачевым в его знаменитом издании Русской Правды на основании четырех списков разных редакций [7, с. 5–20, 21–42].

В своем издании Н. В. Калачев приводит оригинальное деление текста памятника на статьи – к примеру, Троицкий список ученый разбил на 115 статей. При издании Русской Правды в советский период в целом ориентировались именно на калачевское деление текста. В издании Академии наук СССР калачевское деление текста Троицкого списка было дополнено: вместо 115 статей, 121 статья [8, с. 104–117]. С. В. Юшков в издании Русской Правды, подготовленном Академией наук УССР, сокращает число статей до 110 [9, с. 40–105]. М. Н. Тихомиров без изменений воспроизводит калачевское деление Троицкого списка [10, с. 87–112].

С 1846 по 1889 г. Русская Правда на основании четырех списков разных редакций переиз-

давалась четыре раза и стала настольной книгой для русских историков и юристов. Именно этим изданием пользовался В. О. Ключевский при составление своего знаменитого «Курса русской истории» [11, с. 401] и «Истории сословий в России» [12, с. 51].

Своей научной деятельностью Н. В. Калачев [13] определил программу дальнейшего изучения Русской Правды, которая включала в себя издание памятника по всем спискам, филологическое и юридическое исследование, реконструкцию первоначального текста, а также выявление дополнений и поновлений позднейшего времени.

К первой половине XIX в. относится деятельность кружка графа Н. П. Румянцева [14]. Членами кружка были известные специалисты в области палеографии, лингвистики и истории: Н. Н. Бантыш-Каменский, А. И. Ермолов, А. Х. Востоков, П. М. Строев, П. И. Кеппен, А. Ф. Малиновский, А. Н. Оленин, К. Ф. Калайдович, митрополит Евгений (Болховитинов) [15, с. 57–58].

В 1811 г. по инициативе Н. П. Румянцева и с одобрения Александра I при Министерстве иностранных дел была учреждена Комиссия печатания государственных грамот и договоров. Благодаря работе комиссии под руководством Н. Н. Бантыш-Каменского и А. Ф. Малиновского было подготовлено к изданию «Собрание государственных грамот и договоров»⁶. Первые четыре части Собрания публиковались с 1813 по 1826 г. и содержали в себе духовные и договорные грамоты князей, царские указы и постановления, документы земских соборов, жалованные и уставные грамоты, крестоцеловальные записи, ярлыки ханов. Пятая часть, опубликованная в 1894 г., содержала документы по истории дипломатии.

В 1817 г. член кружка графа Румянцева П. М. Строев обнаружил в одной из рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря единственный известный науке список Судебника 1497 года, который, по мнению современного исследователя В. А. Кучкина, был составлен в 50-е гг. XVI в. архимандритом мо-

⁴ Русскія достопамятности, издаваемыя обществомъ исторіи и древностей российскихъ. Часть первая. М. : Университетская типография, 1815. С. 28–58.

⁵ Русскія достопамятности, издаваемыя обществомъ исторіи и древностей российскихъ. Часть вторая. М. : Университетская типография, 1843. С. 10–64.

⁶ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Часть первая. М. : Тип. Н. С. Всеволожского, 1813; Часть вторая, служаща дополненіемъ къ первой. М. : Тип. Селивановскаго, 1819; Часть третя. М. : Тип. Селивановскаго, 1822; Часть четвертая. М. : Тип. Селивановскаго, 1826; Часть пятая. М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894.

сковского Новоспасского мужского монастыря Нифонтом (Курицыным) [16, с. 167]. Спустя два года П. М. Строев и К. Ф. Калайдович на основании этого списка подготовили к изданию «Законы великого князя Иоанна Василиевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Василиевича, с дополнительными указами» [17].

По проекту и при активном участии П. М. Строева была организована Археографическая экспедиция Академии наук, собравшая за 1829–1834 гг. большое число исторических и юридических актов [18, с. 108]. Работа экспедиции показала необходимость создания постоянного государственного научного учреждения по сбору и публикации исторических памятников и разработки методики отечественной археографии. В 1834 г. такое учреждение было создано – при Министерстве народного просвещения начинает работу Петербургская археографическая комиссии [19].

Чуть позже археографические комиссии появились в различных частях Российской империи – возникли Виленская, Кавказская и Киевская археографические комиссии (Временная Комиссия для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе) [20, с 88–92, 141 и др.].

Заметную роль в работе Петербургской археографической комиссии сыграл упомянутый выше в связи с публикацией Русской Правды профессор кафедры истории русского законодательства Московского университета Н. В. Калачов. Он был редактором и составителем нескольких многотомных изданий [21, 22], содержащих уникальные историко-правовые документы: выборы, выписи, допросы, досмотры, доезды, духовные, кабалы, купчие, межевые, мировые – это обширный пласт юридических памятников, который содержит в себе огромный материал по русскому частному и публичному праву.

С 1882 г. главным редактором Киевской археографической комиссии стал профессор кафедры истории русского права Киевского университета М. Ф. Владимирский-Буданов. Показательно, что свою магистерскую работу «Немецкое право в Польше и Литве» [23] он написал, преимущественно на основании неизданных актов Киевского центрального архива [24, с. 85].

Одним из направлений научной деятельности ученого были сравнительно-правовые исследования в области юридической слави-

стики [25]. Русское право, в которое Владимирский-Буданов включал и право Великого княжества литовского, было, по его мнению, частью славянского права, объединенного родством правовых обычаяев и институтов. В этой связи ученый активно вводил в научный оборот новые источники по славянскому праву, примером чему служит опубликованная автором в Журнале народного просвещения статья «Неизданные законы юго-западных Славян» [26]. В Приложении к этой статье представлены тексты законов – «Законник города Каства» (Zakonnik grada Kastvaodgodine 1546 do 1652) [26, с. 124–135] и «Закон общины Вепринской» (Zakon obćine Verprinačke 1507) [26, с. 135–138].

Однако широкую известность М. Ф. Владимирский-Буданов приобрел, прежде всего, как автор «Обзора истории русского права» [27] и «Хрестоматии по истории русского права» [28].

Само появление «Обзора истории русского права» – наиболее полного и содержательного на тот момент времени учебного пособия по истории русского права, которое выдержало семь изданий, – безусловно, стало важным событием в отечественной правовой науке и свидетельствовало о ее зрелости. Формулировка предмета науки и методов ее изучения, способ и форма изложения материала – деление истории права на периоды, отдельное рассмотрение государственного права вместе с причинами возникновения государства и сословным составом общества; тщательный разбор источников права, рассмотрение истории развития правовых институтов с помощью сравнительного анализа источников – все это сделало учебное пособие М. Ф. Владимирского-Буданова определенным образцом, на который ориентировались многие отечественные исследователи.

Заметное влияние на развитие отечественной истории права оказала также хрестоматия М. Ф. Владимирского-Буданова. По объему и, главное, научному содержанию – комментариям, филологическому и историко-правовому разбору памятников, отсылкам к научной литературе при их изучении – она во многом превосходила единственный существующий на тот момент сводный Сборник документов по русскому праву, составленный И. Лазаревским и Я. Утиным [29].

Разделение М. Ф. Владимирским-Будановым текста Судебника 1497 г. на 68 статей, представленное им во втором выпуске хрестоматии, стало общепринятым. Более того,

с момента публикации хрестоматии начинает складываться «дидактический канон» правовых памятников – историко-правовых текстов, обязательных для прочтения и анализа при получении юридического образования. Три выпуска хрестоматии содержали достаточно большой перечень документов – от первых договоров Руси с греками до Указных книг приказов Московского государства. Разумеется, перечень обязательных к изучению текстов со временем изменялся. Однако такие важные для развития русского права памятники, как Судебники 1589 и 1606 гг., которые изначально не были включены М. Ф. Владимирским-Будановым в хрестоматию, в последующие периоды развития отечественной науки так и не стали обязательными ни для дидактического изучения, ни для научного исследования. Как замечает М. Д. Чупова, «эти два крупных сборника нормативных актов почти выпали из поля зрения советской и современной историко-правовой науки» [30, с. 185].

Пять списков Судебника 1589 г. были найдены С. К. Богоявленским в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. В 1900 г. он опубликовал Судебник по наиболее полному списку Ф. Ф. Мазурина [31]. Единственная полная научная публикация Сводного Судебника 1606/7 г. по Рогожскому списку была подготовлена А. А. Зиминым в 1956 г., представлена в четвертом выпуске «Памятников русского права» [32, с. 482–542]. В 1967 г. В. Д. Назаров обнаружил еще один список этого Судебника (всего их пять), который исследователям практически не известен [33, с. 54–55].

В фундаментальном девятитомном издании «Российское законодательство X–XX веков», выходившем с 1984 по 1994 г. [34], Судебники 1589 и 1606 гг. показательно отсутствуют.

Тщательная работа с текстами источников, археографические изыскания, подготовка к публикации и введение в научный оборот неизвестных ранее памятников характеризовали научный стиль учителя С. В. Юшкова – В. Н. Бенешевича, крупнейшего специалиста в области кодикологии, греческой палеографии, канонического права, имевшего основательную лингвистическую подготовку [35, с. 49]. В Петербургском университете он читал лекции по церковному и государственному праву на юридическом факультете; вел занятия по греческой палеографии и истории Византии на историко-филологическом. Видимо, под вли-

янием В. Н. Бенешевича С. В. Юшков, чтобы лучше анализировать тексты источников, параллельно с учебой на юридическом факультете будет обучаться и на историко-филологическом факультете университета [36, с. 93].

Основным направлением научной деятельности молодого В. Н. Бенешевича было стремление воссоздать историю греко-римского права в его поздней византийской и славянской рецепции на основе обширной систематизированной источниковой базы [35, с. 50]. В ходе работы в западноевропейских библиотеках и в результате поездок на Афон, Синай, в Египет, Грецию, Малую Азию, Палестину, а также работы в Петрограде и Москве ученому удалось обнаружить множество неизвестных науке памятников, а кроме того, найти новые редакции уже известных. В руках В. Н. Бенешевича оказалось громадное собрание рукописного материала, важного для проверки и новой постановки вопроса изучения греко-римских и славяно-русских юридических памятников [37, с. 235].

Магистерская диссертация В. Н. Бенешевича «Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г.: К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви» [38] была посвящена рассмотрению важнейшего источника византийского церковного права (в настоящее время принято название Номоканон XIV титулов) [39, с. 74]. Детальное палеографическое изучение нескольких десятков греческих рукописей позволило В. Н. Бенешевичу выделить и проанализировать редакции Номоканона в древнейший период его существования (со второй четверти VII в. до 883 г.). В своей диссертации ученому удалось разрешить основные текстологические проблемы – датировку, атрибуцию и состав основных редакций.

Диссертация В. Н. Бенешевича сопровождалась книгой приложений [40], в которую были включены толкования (схолии) к канонам. В приложениях насчитывается 744 схолии, причем многие из них сохранились в нескольких редакциях. Некоторые каноны снабжены не одной, а несколькими схолями, иногда в одной и той же рукописи.

В связи с магистерской диссертацией следует выделить публикацию В. Н. Бенешевичем текста Древнеславянской кормчей [41], которая появилась в результате перевода Номоканона на славянские языки. В основе издания славян-

ского текста лежал Ефремовский список – папергамент XI–XII вв., в основу издания греческого текста был положен список Синтагмы третьей редакции [41, с. II–III]. Впрочем, ученый планировал опубликовать текст Древнеславянской кормчей по всем славянским спискам и наиболее близким к ним греческим, но до конца завершить планируемое В. Н. Бенешевичу не удалось. Только в 1987 г. трудами двух академий – Академии наук СССР и Болгарской Академии наук – было подготовлено издание второго тома Древнеславянской кормчей, в основу которого легли неизданные архивные материалы В. Н. Бенешевича, отредактированные и дополненные советскими исследователями права Я. Н. Щаповым, Ю. К. Бегуновым и И. С. Чечуровым [42].

В. Н. Бенешевичем был опубликован и другой важнейший источник византийского церковного права – Алфавитная Синтагма византийского канониста Матфея Власта [43].

Предметом исследования докторской диссертации В. Н. Бенешевича стал важнейший источник канонического права – Синагога в 50 титулах Иоанна Схоластика и другие юридические сборники этого автора [44]. В. Н. Бенешевич считает, что сборник был составлен около 540 г., и называет его автором константинопольского патриарха Ионна III Схоластика.

Анализируя текст памятника, В. Н. Бенешевич распределяет различные его списки по группам, в которых стремится выделить основное ядро и поздние к нему наслаждения, а также предпринимает попытку установить отношения между различными видами сборника.

Не имея возможности подробно рассмотреть все богатое творческое наследие ученого, судьба которого после Октябрьской революции сложилась трагически, можно констатировать, что стиль научной работы В. Н. Бенешевича в полной мере отвечал академическим традициям отечественной историко-правовой науки.

В «Записке об учёных трудах В. Н. Бенешевича», которую составили виднейшие русские учёные Ф. И. Успенский, В. П. Бузескул, И. Ю. Крачковский, Н. Я. Марр в связи с избранием В. Н. Бенешевича членом-корреспондентом Российской академии наук (1924 г.), подчеркивается, что эта особенность научного направления Бенешевича – стремление к возможной полноте и точности материала – отвечает лучшим традициям русской учёной среды [37, с. 236].

Эмпирический анализ

К началу XX столетия отечественная историко-правовая наука имела свои устоявшиеся академические традиции, и С. В. Юшков, который с 1906 г. обучался на юридическом факультете, а с 1908 г. параллельно и на историко-филологическом факультете Петербургского университета [36, с. 93], как учёный формировался в дореволюционной историко-правовой среде. Со студенческих лет он впитывал ее традиции и находился под влиянием одного из лучших представителей отечественной научной школы.

Именно по ходатайству В. Н. Бенешевича С. В. Юшков для подготовки к профессорскому званию был оставлен при кафедре церковного права и в дальнейшем повторил путь своего учителя и других знаменитых отечественных исследователей, отправившись для дальнейшего обучения в Германию, где посещал занятия во Фрайбургском университете.

Предметом исследования первой научной работы С. В. Юшкова стала история приходской жизни на Севере России [45]; по словам автора, «вопрос о приходах заключает, как бы в скобках, многие вопросы церковной истории и права» [45, с. 3]. Уже в этой работе С. В. Юшков проявил себя как обстоятельный и кропотливый исследователь, подробно рассмотревший вопросы жизни приходов мирской церкви, церквей вотчинников и вопросы ктиторского права, организацию соборных приходов и ружных церквей. В основу своей работы С. В. Юшков положил разбор документов, изданных Императорской Археографической комиссией. Обстоятельность этой первой исследовательской работы С. В. Юшкова была во многом обусловлена влиянием В. Н. Бенешевича, указаниями которого он пользовался при разработке вопроса и которому он «приносит свою искреннюю благодарность» [45, с. 7].

Впрочем, основным направлением исследовательской работы С. В. Юшкова после Октябрьской революции стало изучение юридических памятников Киевской Руси и периода средневекового Московского государства, а также рассмотрение социально-экономических отношений и политического строя Древнерусского государства.

Начальный период научной деятельности учёного был связан с Саратовским университетом. В то время им были опубликованы ста-

ти: «К истории древнерусских юридических сборников XIII столетия», позже вышедшая отдельным изданием [46], «К вопросу о смердах» [47], «Судебник 1497 года. К внешней истории памятника» [48], а также отдельные издания – «Исследования по истории русского права. Устав кн. Владимира (Историко-юридическое исследование)» [49] и «Феодальные отношения и Киевская Русь» [50].

Итогом этого периода стало обозначение научных проблем, которые в дальнейшем разрабатывались в исследованиях С. В. Юшкова, а его несомненным достижением была научная «реабилитация» Устава князя Владимира, который многими исследователями считался «подделкой», памятником конца XIV в., появившимся в западнорусских княжествах под влиянием Устава Казимира IV. С. В. Юшкову удалось доказать, что Устав был составлен в конце XIII в. в кругах, близких новгородскому архиепископу. В основу Устава были положены подлинные грамоты князя Всеволода Мстиславовича и Устав князя Владимира, как считает ученый, в третьей редакции. Следовательно, первоначальная основа Устава – «подтвердительная грамота» князя Владимира, и это исторический факт.

В своей исследовательской работе ученый тщательно работает с текстами источников, скрупулезно изучает все доступные ему списки памятников, сопоставляет их между собой с целью обнаружить общий протограф и реконструировать первоначальный текст.

Вместе с тем уже в саратовский период своей научной деятельности к археографическим изысканиям, которые были неотъемлемой частью русской академической традиции, С. В. Юшков прибавил анализ памятников древнерусского законодательства и правовых норм, исходя из содержания и развития социально-экономических отношений и существующего общественно-политического строя, что, разумеется, было следствием формационного подхода, в то время обязательного при рассмотрении исторического процесса.

Сочетание академических научных традиций и формационного подхода, позволившее дополнить догматический метод рассмотрением правовых норм с точки зрения социально-экономического и политического контекста их возникновения, стало характерной чертой исследовательского стиля С. В. Юшкова. Особенно ярко научный стиль ученого проявляет

себя в статьях, посвященных исследованию Русской Правды [51, 52], а также его монографиях «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» [53] и «Русская Правда: Происхождение, источники, ее значение» [54].

Примечательно высказывание С. В. Юшкова, содержащееся в его монографии по исследованию Русской Правды, о том, что «благодаря применению порочных методов буржуазные исследователи не могли решить основные вопросы происхождения и истории текста Русской Правды» [54, с. 5]. Однако, несмотря на такие громкие заявления, сам С. В. Юшков виртуозно использовал эти «порочные методы» и в археографических исследованиях списков Русской Правды не уступал ни одному дореволюционному исследователю, о чем свидетельствует содержание научного труда «Русская Правда: Происхождение, источники, ее значение», который можно считать итогом всей научной деятельности С. В. Юшкова.

Ученый разделяет свое исследование на археографическую часть и часть, носящую, главным образом, историко-юридический характер [54, с. 9]. В первой из них автор распределяет все списки Русской Правды по шести редакциям [54, с. 16] и восстанавливает тексты их протографов. Во второй части он рассматривает общественно-экономический, политический и правовой строй Киевской Руси, в рамках которого возникли первые правовые нормы русского государства.

С. В. Юшкову в его исследовательской работе, как кажется, удалось найти разумный баланс между академическими традициями дореволюционной науки и формационным пониманием истории, баланс, при котором археографические исследования не противостояли, а сочетались и органически укладывались в рамки марксистского метода. Формационный подход стал веским аргументом, во-первых, при обосновании самобытности русского права, хотя сама идея самобытности права отдельных народов была сформулирована еще в рамках исторической школы права и активно использовалась дореволюционными учеными; во-вторых, когда речь заходила о характере происхождения источников права, в частности Русской Правды.

Однако даже по этим весьма дискуссионным вопросам С. В. Юшков сочетал марксистский подход к праву с тщательным текстологическим анализом памятников и

всегда представлял исчерпывающую критику исследовательской литературы по спорным вопросам Русской Правды.

Безусловным достижением его фундаментальной работы стали не только его оригинальные предположения о месте и времени возникновения Русской Правды и воссозданный текст протографов, но и целостная картина научной проблематики по исследованию этого памятника, в которую он включил работы как советских, так и дореволюционных исследователей.

Преемственность содержательной части отечественной историко-правовой науки С. В. Юшкову удалось сохранить в первом советском учебнике по истории государства и права [55], содержание которого было ограничено рамками февраля 1917 г. По полноте представленных источников и их анализу, а также тщательному отраслевому рассмотрению правовых норм учебник С. В. Юшкова не только ни уступает лучшим дореволюционным учебным пособиям и учебникам (М. Ф. Владимирского-Буданова, В. И. Сергеевича, А. Н. Филиппова, М. А. Дьяконова), но, как кажется, даже пре-восходит их.

Более того, в первом учебнике по истории государства и права СССР освещается история государства и права народов, которые создали государство и имели свои правовые системы еще до вхождения в состав Советского Союза, а также история государств исчезнувших, но оказавших влияние на развитие народов СССР. Таким образом, в учебнике излагается история Урарту, греческих причерноморских колоний, скифов и сарматов, Хазарского и Болгарского царства, Албанского, Армянского, Грузинского, Азербайджанского государств, история народов Северного Кавказа и Средней Азии, история монгольского государства и права.

В работе по рассмотрению государства и права отдельных народов СССР С. В. Юшков опирался как на творческое наследие своего учителя В. Н. Бенешевича, так и на свои собственные разработки.

Напомним интерес В. Н. Бенешевича к памятникам древнегрузинской и армянской письменности [37, с. 238] и его желание опубликовать собрание памятников византийского церковного права (*Sorpus iuris canonici ecclesiae Graecae*), в который должны были войти Сборник XIV титулов с грузинским переводом и Номоканон Ионна Постника со славянским и грузинским переводами [56, с. 252–253].

С. В. Юшкову принадлежит множество исследований по становлению и развитию государственности отдельных народов Советского Союза: «К вопросу о границах древней Албании» [57], «К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания)» [58], «Основные моменты истории казахского государства (досоветский период)» [59]. Более того, четвертый выпуск «Учебного пособия по истории государства и права СССР» для студентов-заочников он посвятил общественно-политическому строю и праву Литовского государства, кавказских государств и государств Средней и Центральной Азии [60].

Однако главной новацией учебника С. В. Юшкова, которая была обусловлена формационным подходом к историческому процессу, следует считать, во-первых, включение в предмет науки истории возникновения и развития государства, а также подробный анализ социально-экономического контекста, в котором государство и право возникают и развиваются. С этих пор понятие государства стало частью названия науки, а вопросы его генезиса – неотъемлемой и даже определяющей частью научного содержания.

Далее, во втором издании учебника, вышедшем в 1947 г. [61], С. В. Юшковым была предложенная новая оригинальная периодизация истории государства. По мнению ученого, помимо раннефеодальной, сословно-представительной, абсолютной монархии и периода просвещенного абсолютизма, в истории развития русского государства следует выделять период дофеодального (варварского) государства [61, с. 11–12]. Подобная периодизация русской государственности несколько выходила за рамки классического формационного подхода и свидетельствовала не только о научной прозорливости, но и смелости ученого.

Учебник С. В. Юшкова выдержал четыре издания, три прижизненных – 1940, 1947, 1950 гг., и одно посмертное – 1961 г., и стал одной из основ, на которых формировалась советская историко-правовая наука.

Рассматривая этот учебник не только в рамках формирования советской, но и в контексте развития всей отечественной историко-правовой науки, можно заключить, что он, без всякого сомнения, стал дальнейшим шагом в ее развитии. С. В. Юшкову удалось осуществить плавную трансформацию истории русского права в историю государства и права СССР,

сохранить при этом всю содержательную часть дореволюционной науки и, кроме того, заметно ее обогатить.

В своей деятельности С. В. Юшков заметную роль уделял археографическим изысканиям и публикации памятников. Поставив перед собой задачу публикации Русской Правды, ученый в 1927–1930 гг. работал в рукописных хранилищах Москвы, Ленинграда и Киева, разыскивая списки памятника. Итогом работы стала находка неизвестного списка в составе неисследованного юридического сборника «Правосудие митрополичье», который ученый ввел в научный оборот. С. В. Юшкову принадлежит первое научное исследование этого памятника [62].

В 1935 г. в Киеве Академией наук УССР было опубликовано подготовленное С. В. Юшковым издание текста Русской Правды [9] с предисловием на украинском и русском языках. Впервые текст Русской Правды был издан с учетом всех известных на тот момент 88 списков, из которых 86 списков были в наличии, а 2 не были разысканы. В предисловие к изданию С. В. Юшков группирует списки Русской Правды по пяти редакциям: первая редакция (краткая) – списки Академического типа, вторая – списки Троицкого типа, эта редакция представлена в трех изводах – Синодальном, Пушкинском и Троицком, третья редакция – списки Карамзинского типа, четвертая – списки Русской Правды в соединении с Судебником царя Константина (Закон судный людям), пятая редакция – сокращенные списки, типа списка Оболенского [9, с. IV].

Напомним, что в своей монографии ученый дорабатывает классификацию списков Русской Правды, выделяя из второй редакции Пушкинский список, он присоединяет к нему Троицкий IV и, таким образом, получает шесть редакций Русской Правды [54, с. 16]. Изменения в свою классификацию ученый внес, видимо, с учетом классификации списков Русской Правды, предложенной В. П. Любимовым в издании текста памятника Академией наук СССР в 1940 г. [6], хотя С. В. Юшков считал классификацию Любимова неудачной.

С именем С. В. Юшкова связана публикация историко-правовых документов Русского государства в серии «Памятники русского права» [63]. Первые два выпуска этой серии вышли под его редакцией, остальные – под редакцией Л. В. Черепнина и К. А. Софоненко. Второй выпуск был напечатан уже после смерти ученого.

Результаты

Думается, что отечественная историко-правовая наука многим обязана С. В. Юшкову. Сформировавшись в дореволюционной научной среде, впитав в себя академические традиции русской историко-правовой науки, ученый никогда не отказывался от них в своей исследовательской работе. Археографические поиски и исследования, текстологический анализ, введение в научный оборот новых неисследованных памятников были частью интереса и стиля С. В. Юшкова.

Он стал связующей фигурой дореволюционного и послереволюционного периодов. Умело сочетая марксистский подход и академические традиции в своей научной деятельности, С. В. Юшков сумел воссоздать единое интеллектуальное пространство всей отечественной историко-правовой науки, актуализировать в советский период идеи и концепции дореволюционных исследователей.

С. В. Юшкову удалось создать свою научную школу, подготовить многих серьезных исследователей, среди которых можно назвать О. И. Чистякова, А. А. Тилле, С. И. Штамма, Б. В. Виленского,

Показательно, что фундаментальное издание юридических памятников – «Российское законодательство X–XX веков» [34], которое является одновременно и сборником документов, и научным исследованием, поскольку публикуемые документы снабжены вводными статьями и обстоятельными комментариями, вышло под общей редакцией ученика С. В. Юшкова – О. И. Чистякова. Он также был ответственным редактором шестого, седьмого и девятого томов, а еще один его ученик, Б. В. Виленский, стал ответственным редактором восьмого тома.

Список литературы

- Чистяков О. И., Штамм С. И. Основоположник науки истории государства и права СССР (к столетию со дня рождения С. В. Юшкова) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1988. № 2. С. 64–72.
- Кожевина М. А., Ящук Т. Ф. Историография истории права и государства России: Дореволюционный и Советский периоды // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17, № 4. С. 5–15. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17\(4\).5-15](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17(4).5-15)

3. Авенариус М. Савиньи и его русские ученики. Передача научного юридического знания в первой половине XIX в. // Древнее право. 2005. № 1 (15). С. 108–118.
4. Васильева Е. В. На службе российской науки: вклад немецких историков Императорской академии наук XVIII века в развитие научного интереса к истории русского права // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8, № 2. С. 177–186. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-177-186>
5. Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению: Научное наследие. СПб. : Нauка, 2000. 664 с.
6. Любимов В. П. Списки Правды Русской // Правда Русская / под общ. ред. Б. Д. Грекова : в 3 т. Т. 1. Тексты. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. С. 11–62.
7. Текст Русской правды на основании четырех списков разных редакций / изд. Н. Калачов. М. : Тип. Августа Семена, 1846. VI, 52 с.
8. Правда Русская / под общ. ред. Б. Д. Грекова : в 3 т. Т. 1. Тексты. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. 506 с.
9. Юшков С. В. Русская Правда: тексты на основании 7 списков и 5 редакций / сост. и подгот. к печати С. В. Юшков. Киев : Изд-во Украинской Акад. наук, 1935. XIII, 195 с.
10. Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М. : Изд-во Московского ун-та, 1953. 192 с.
11. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 1. Курс русской истории. М. : Мысль, 1987. 430 с.
12. Ключевский В. О. История сословий в России. Пг. : Лит.-издат. отдел Ком. нар. прос., 1918. 276 с.
13. Калачов Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды: Рассуждение, писанное для получения степ. магистра канд. прав Николаем Калачовым. М. : Тип. Августа Семена, 1846. VIII, 158 с.
14. Аксенова Г. В. Государственный канцлер Н. П. Румянцев – организатор русской науки // Преподаватель XXI век. 2010. № 3, ч. 2. С. 246–253. EDN: NBSGSD
15. Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии (В дореволюционной России и в СССР). Избранные работы. М. : Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020. 440 с.
16. Кучкин В. А. Заметки о Судебнике 1497 г. Ивана III // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2000. № 2 (80). С. 166–171. <https://doi.org/10.25986/IRI.2020.80.2.0012>
17. Законы великого князя Иоанна Василиевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Василиевича, с дополнительными указами / изд. К. Калайдовичем и П. Строевым. М. : Тип. С. Селивановского, 1819. XXIX, 115 с.
18. Андреева Т. В. Археографическая экспедиция Академии наук. 1829–1834 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины : сб. Т. 21. Л. : Наука, Ленинградское изд-ние, 1990. С. 107–118.
19. Брачев В. С. Петербургская археографическая комиссия (1834–1929 гг.). СПб. : Нестор, 1997. 161 с.
20. Коренева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М. История археографии в дореволюционной России : учеб. пособие / под ред. М. С. Селезнева. М. : [б. и.], 1969. 227 с.
21. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1–3 / под ред. Н. Калачова. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1857–1884.
22. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. М. : Тип. Александра Семена, 1850–1861.
23. Владимирский-Буданов М. Ф. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1968. 312 с.
24. Тарановский Ф. В. Памяти М. Ф. Владимира-Буданова // Юридический вестник. 1916. Т. 14. С. 84–96.
25. Владимирский-Буданов М. Отношения между Литовским Статутом и Уложением царя Алексея Михайловича (По поводу «Истории Кодификации» С. В. Пахмана. СПб., 1876) // Сборник государственных знаний. Т. 4. СПб. : Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1877. С. 3–38.
26. Владимирский-Буданов М. Неизданные законы юго-западных Славян // Журнал Министерства народного просвещения. Пятое десятилетие. Ч. 214. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1881. С. 93–138.
27. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2025. 797 с.
28. Хрестоматия по истории русского права / сост. М. Ф. Владимирский-Буданов. Вып. 1–3. Ярославль : Тип. Г. Фалька, 1872–1875.
29. Лазаревский И. М., Утин Я. И. Собрание важнейших памятников по истории древнего русского права. СПб. : [тип. Губ. правл.], 1859. 428 с.
30. Чупрова М. Д. Забытые Судебники (1589 и 1606/07) // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 2 (123). С. 184–207. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.123.2.184-207>, EDN: YJJUVB
31. Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г.: по списку собрания Ф. Ф. Мазурина. Издание Комиссии печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве Министерства иностранных дел с 4 фототипич. таблицами. М. : Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1900. 56 с.
32. Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления русского централизованного государства. XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М. : Госюриздан, 1956. 632с.
33. Назаров В. Д. Палеографический и текстологический анализ Сводного Судебника // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1967. № 1. С. 54–76.
34. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1984–1994.

35. Словарь петербургских антиковедов XIX – начала XX века : в 3 т. / отв. ред. А. К. Гаврилов. СПб. : Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. Т. 1. 428 с.
36. Кострюков П. А. С. В. Юшков – основоположник советской историко-правовой науки // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 2 (46). С. 92–97. EDN: GRMIQH
37. Гранстрем Е. Э. Владимир Николаевич Бенешевич (К 100-летию со дня рождения) // Византийский временник. 1973. Т. 35 (60). С. 235–243.
38. Бенешевич В. Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г.: К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905. 334 с.
39. Бондач А. Г. *Nomoi kai kanones* в византийском церковном праве // Власть, общество и церковь в Византии : сб. науч. ст. / отв. ред. С. Н. Малахов. Армавир : [б. и.], 2007. С. 74–88.
40. Бенешевич В. Н. Приложения к исследованию: Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1905. 102 с.
41. Бенешевич В. Н. Древнеславянская кормчая: XIV титулов без толкований. Т. 1, вып. 1–2. СПб. : Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1906. 464 с.
42. Бенешевич В. Н. Древнеславянская кормчая: XIV титулов без толкований. Т. 2 / подгот. к изд. Ю. К. Бегуновым, И. С. Чичуровым ; под общ. ред. Я. Н. Щапова. София : Изд-во Болгарской Акад. наук, 1987. 332 с.
43. Бенешевич В. Н. Два списка славянского перевода *Синтагмы Матфея Властаря*, хранящиеся в Санкт-Петербургской синодальной библиотеке. Описание их и тексты неизданных статей. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1902. 80 с.
44. Бенешевич В. Н. Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика: К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1914. 345 с.
45. Юшков С. В. Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV–XVII вв. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1913. 137 с.
46. Юшков С. В. К истории древнерусских юридических сборников (XIII в.). Саратов : Госиздат, 1921. 27 с.
47. Юшков С. В. К вопросу о смердах // Ученые записки Саратовского университета. Правовое отделение факультета общественных наук. 1923. Т. 1, вып. 4. С. 46–82.
48. Юшков С. В. Судебник 1497 года. К внешней истории памятника // Ученые записки Саратовского университета. Факультет хозяйства и права. 1926. Т. 5, вып. 3. С. 1–46.
49. Юшков С. В. Исследования по истории русского права. Вып. 1. Устав кн. Владимира (Историко-юридическое исследование). Новоузенск, 1926. 151 с.
50. Юшков С. В. Феодальные отношения и Киевская Русь. Саратов : [б. и.], 1924. 108 с.
51. Юшков С. В. «Русская Правда» как кодекс русского феодального права // Проблемы социалистического права. 1939. № 3–4. С. 72–89.
52. Юшков С. В. Русская Правда как кодекс русского феодального права (К 200-летию ее открытия) // Труды первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук (27 января – 3 февраля 1939 г.). М. : Юридическое изд-во, 1940. С. 106–139.
53. Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. 253 с.
54. Юшков С. В. Русская Правда: Происхождение, источники, ее значение. М. : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950. 378 с.
55. Юшков С. В. История государства и права СССР. Ч. 1 : учебник. М. : Юридическое изд-во, 1940. 596 с.
56. Медведев И. П. О неосуществленном проекте В. Н. Бенешевича по изданию корпуса источников византийского права (по неопубликованным данным) // Византийский временник. 1997. Т. 57 (82). С. 249–272.
57. Юшков С. В. К вопросу о границах древней Албании // Исторические записки. 1937. №. 1. С. 129–148.
58. Юшков С. В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. 1938. Вып. 1. С. 65–86.
59. Юшков С. В. Основные моменты истории казахского государства (досоветский период). Краткое изложение доклада на первой научной сессии в секторе права Академии наук Казахской ССР (26–29 ноября 1949 г.) // Советское государство и право. 1950. № 3. С. 82.
60. Юшков С. В. Учебное пособие по истории государства и права СССР. Вып. 4: Общественно-политический строй и право Литовского государства, кавказских государств и государств Средней и Центральной Азии. М. : Юридическое изд-во, 1945. 54 с.
61. Юшков С. В. История государства и права СССР. Ч. 1 : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. 767 с.
62. Юшков С. В. «Правосудие митрополичье» // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 35: За 1927–1928 гг. Л. : Изд-во АН СССР, 1929. С. 115–120.
63. Памятники русского права. Вып. 1–8 / под общ. ред. С. В. Юшкова. М. : Госюриздан, 1952–1961.

References

- Chistyakov O. I., Stamm S. I. The founder of the science of history of state and law of the USSR (on the centenary of the birth of S. V. Yushkov). *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 1988, no. 2, pp. 64–72 (in Russian).

2. Kozhevina M. A., Yaschuk T. F. Historiography of the History of Law and the State of Russia: Pre-Revolutionary and Soviet Periods. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"* [Herald of Omsk University. Series "Law"], 2020, vol. 17, no. 4, pp. 5–15 (in Russian). [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17\(4\).5-15](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17(4).5-15)
3. Avenarius M. Savigny and his Russian students. Transmission of scientific legal knowledge in the first half of the 19th century. *IVS ANTIQVVM*, 2005, no. 1 (15), pp. 108–118 (in Russian).
4. Vasilyeva E. V. In the service of Russian science: The contribution of German historians of the Imperial Academy of Sciences of the 18th century to the development of scientific interest in the history of Russian law. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* [Current Issues of the State and Law], 2024, vol. 8, no. 2, pp. 177–186 (in Russian). <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-177-186>
5. Valk S. N. *Izbrannye trudy po istoriografii i istochnikovedeniyu: Nauchnoe naslediye* [Selected works on historiography and source studies: Scientific heritage]. St. Petersburg, Nauka, 2000. 664 p. (in Russian).
6. Lyubimov V. P. Lists of the Rus' Truth. In: Grekov B. D. (ed.) *Russkaya Pravda. Vol. 1. Texts*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1940, pp. 11–62 (in Russian).
7. *Tekst Russkoy pravdy na osnovanii chetyrekh spiskov raznykh redaktsiy* [Text of the Rus' Truth based on four lists of different editions. Published N. Kalachov]. Moscow, Typography of August Semen, 1846. VI, 52 p. (in Russian).
8. *Russkaya Pravda. T. 1. Teksty* [Grekov B. D. (ed.) Russkaya Pravda. Vol. 1. Texts]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1940. 506 p. (in Russian).
9. Yushkov S. V. *Russkaya Pravda: teksty na osnovanii 7 spiskov i 5 redaktsiy* [Rus' Truth: Texts based on 7 lists and 5 editions. Compiled and prepared for publication by S. V. Yushkov]. Kyiv, Ukrainian Academy of Sciences Publ., 1935. XIII, 195 p. (in Ukrainian / in Russian).
10. Tikhomirov M. N. *Posobie dlya izucheniya Russkoy Pravdy* [Manual for studying Rus' Truth]. Moscow, Moscow University Press, 1953. 192 p. (in Russian).
11. Klyuchevskiy V. O. *Sochineniya. T. 1. Kurs russkoy istorii* [Works. Vol. 1. Russian history course]. Moscow, Mysl, 1987. 430 p. (in Russian).
12. Klyuchevskiy V. O. *Istoriya sosloviy v Rossii* [History of estates in Russia]. Petrograd, Literary and publishing department of the Commissariat of Public Education Publ., 1918. 276 p. (in Russian).
13. Kalachov N. V. *Predvaritel'nye yuridicheskiye svedeniya dlya polnogo obyasneniya Russkoy Pravdy: Rassuzhdeniye, pisannoe dlya polucheniya stepeni magistra kandidata prav Nikolaeem Kalachovym* [Preliminary legal information for a complete explanation of the Rus' Truth: An essay written to obtain the degree of master of law candidate by Nikolai Kalachov]. Moscow, Typography of August Semen, 1846. VIII, 158 p. (in Russian).
14. Aksanova G. V. State Chancellor N. P. Rumyantsev – the organizer of Russian science. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher XXI Century], 2010, no. 3, pt. 2, pp. 246–253 (in Russian). EDN: NBSGSD
15. Zhukovskaya L. P. *Razvitiye slavyano-russkoy paleografi (V dorevolyutsionnoy Rossii v SSSR)*. Izbrannye raboty [Development of Slavic-Russian paleography (In pre-revolutionary Russia and the USSR). Selected works]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS Publ., 2020. 440 p. (in Russian).
16. Kuchkin V. A. Notes on the Code of Laws of 1497 of Ivan III. *Drevnyaya Rus'*. *Voprosy medievistiki* [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2000, no. 2 (80), pp. 166–171 (in Russian). <https://doi.org/10.25986/IRI.2020.80.2.0012>
17. *Zakony velikogo knyazya Ioanna Vasiliyevicha I Sudebnik tsarya i velikogo knyazya Ioanna Vasiliyevicha, s dopolnitel'nymi ukazami* [Laws of the Grand Duke Ivan Vasiliyevich and the Code of Laws of the Tsar and Grand Duke Ivan Vasiliyevich, with additional decrees. Published K. Kalaydovich, P. Stroyev]. Moscow, Typography of S. Selivanovsky, 1819. XXIX, 115 p. (in Russian).
18. Andreeva T. V. Archaeographic expedition of the Academy of Sciences. 1829–1834. *Auxiliary historical disciplines. Collection*. Vol. 21. Leningrad, Nauka, Leningrad Branch, 1990, pp. 107–118 (in Russian).
19. Brachev V. S. *Peterburgskaya arkheograficheskaya komissiya (1834–1929 gg.)* [Petersburg Archaeographic Commission (1834–1929)]. St. Petersburg, Nestor, 1997. 161 p. (in Russian).
20. Koreneva I. I., Talman E. M., Epstein D. M. *Istoriya arkheografii v dorevolyutsionnoy Rossii* [History of archeography in pre-revolutionary Russia]. Moscow, 1969. 227 p. (in Russian).
21. Akty, otnosyashchesya do yuridicheskogo byta drevney Rossii. T. 1–3 [Kalachov N. (ed.) Acts relating to the legal life of ancient Russia. Vol. 1–3]. St. Petersburg, Typography of Imperial Academy of Sciences, 1857–1884 (in Russian).
22. *Arkhiv istoriko-yuridicheskikh svedeniy, otnosyashchikhsya do Rossii, izdavayemyy Nikolayem Kalachovym* [Archive of historical and legal information relating to Russia, published by Nikolai Kalachov]. Moscow, Typography of Alexander Semen, 1850–1861 (in Russian).
23. Vladimirskiy-Budanov M. F. *Nemetskoe pravo v Pol'she i Litve* [German law in Poland and Lithuania]. St. Petersburg, 1968. 312 p. (in Russian).
24. Taranovskiy F. V. Pamyati M. F. Vladimirsogo-Budanova. *Yuridicheskiy vestnik*, 1916, vol. 14, pp. 84–96 (in Russian).
25. Vladimirsky-Budanov M. Relations between the Lithuanian Statute and the Code of Tsar Alexei Mikhailovich (Concerning the "History of Codification" by S. V. Pakhman. St. Petersburg, 1876). *Sbornik gosudarstvennykh znanii* [Collection of State Knowledge]. Vol. 4. St. Petersburg, Published D. E. Kozhanchikov, 1877, pp. 3–38 (in Russian).

26. Vladimirsky-Budanov M. Unpublished laws of the southwestern Slavs. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Pyatoe desyatiletie* [Journal of the Ministry of Public Education. Fifth Decade. Pt. 214]. St. Petersburg, Typography of V. S. Balashev, 1881, pp. 93–138 (in Russian).
27. Vladimirskiy-Budanov M. F. *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the history of Russian law]. Moscow, Territoriya budushchego, 2025. 797 p. (in Russian).
28. *Khrestomatiya po istorii russkogo prava / sost.* M. F. Vladimirskiy-Budanov [Anthology on the history of Russian law. Comp. by M. F. Vladimirsky-Budanov. Iss. 1–3]. Yaroslavl, Typography of G. Falk, 1872–1875 (in Russian).
29. Lazarevskiy I. M., Utin Ya. I. *Sobranie vazhneyshikh pamyatnikov po istorii drevnego russkogo prava* [Collection of the most important monuments on the history of ancient Russian law]. St. Petersburg, 1859. 428 p. (in Russian).
30. Chupova M. D. The forgotten codes of justice (1589 and 1606/07). *Lex Russica*, 2017, no. 2 (123), pp. 184–207 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.123.2.184-207>, EDN: YJJUVB
31. *Sudebnik tsarya Fedora Ioannovicha 1589 g.: po spisku sobraniya F. F. Mazurina. Izdaniye Komissii pechataniya gosudarstvennykh gramot i dogоворов pri Moskovskom glavnom archive Ministerstva inostrannykh del s 4 fototipich. tablitsami* [The Code of Law of Tsar Feodor Ivanovich, 1589: According to the list of F. F. Mazurin's collection. Publication of the Commission for Printing State Charters and Treaties at the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs with 4 phototype tables]. Moscow, Typography of G. Lissner and A. Geschel, 1900. 56 p. (in Russian).
32. *Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 4. Pamyatniki prava perioda ukrepleniya russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. XV–XVII vv.* [Cherepnin L. V. (ed.) Monuments of Russian law. Iss. 4. Monuments of law from the period of strengthening of the Russian centralized state. 15th–17th centuries]. Moscow, Gosyurizdat, 1956. 632 p. (in Russian).
33. Nazarov V. D. Paleographic and textual analysis of the Consolidated Code of Laws. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*, 1967, no. 1, pp. 54–76 (in Russian).
34. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov [Chistyakov O. I. (ed.) Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 vols.]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1984–1994 (in Russian).
35. Gavrilov A. K. (ed.) *A biographical dictionary of St Petersburg classicists in the 19th – early 20th centuries*. Vol. 1. St. Petersburg, Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. 428 p. (in Russian).
36. Kostryukov P. A. S. V. Yushkov is the founder of the Soviet historical and legal science. *Tambov University Review: Series Humanities*, 2007, no. 2 (46), pp. 92–97 (in Russian). EDN: GRMIQH
37. Granstrem E. E. Vladimir Nikolaevich Beneshevich (On the 100th anniversary of his birth). *Vizantiy-skiy vremennik* [Byzantine Time], 1973, vol. 35 (60), pp. 235–243 (in Russian).
38. Beneshevich V. N. *Kanonicheskiy sbornik XIV titulov so vtoroy chetverti VII v. do 883 g.: K drevneyshey istorii istochnikov prava greko-vostochnoy tserkvi* [Canonical collection of XIV titles from the second quarter of the 7th century to 883: On the ancient history of the sources of law of the Greek-Eastern church]. St. Petersburg, Typography of F. Weisberg and P. Gershunin, 1905. 334 p. (in Russian).
39. Bondach A. G. *Nomoi kai kanones* in Byzantine church law. In: *Vlast', obshchestvo i tserkov' v Vizantii* [Malakhov S. N. (ed.) Power, society and church in Byzantium]. Armavir, 2007, pp. 74–88 (in Russian).
40. Beneshevich V. N. *Prilozheniya k issledovaniyu: Kanonicheskiy sbornik XIV titulov so vtoroy chetverti VII v. do 883 g.* [Appendices to the study: Canonical collection of XIV titles from the second quarter of the 7th century to 883]. St. Petersburg, Typography of V. Kirshbaum, 1905. 102 p. (in Russian).
41. Beneshevich V. N. *Old Slavic Kormchaya of 14 Titles without Interpretation*. T. 1, iss. 1–2. St. Petersburg, Publ. of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1906. 464 p. (in Russian).
42. Beneshevich V. N. *Old Slavic Kormchaya of 14 Titles without Interpretation*. T. 2. Prepar. for publ. by Yu. K. Begunov, I. S. Chichurov; under the total ed. of Ya. N. Shchapov. Sofia, Publ. House of the Bulgarian Academy of Sciences, 1987. 332 p. (in Russian).
43. Beneshevich V. N. *Dva spiska slavyanskogo perevoda Sintagmy Matfeya Vlastarya, khryashchiesya v Sankt-Peterburgskoy sinodal'noy biblioteke. Opisaniye ikh i teksty neizdannykh statey* [Two copies of the Slavic translation of the *Syntagma* of Matthew Blastares, stored in the St. Petersburg Synodal Library. Their description and texts of unpublished articles]. St. Petersburg, Typography of Imperial Academy of Sciences, 1902. 80 p. (in Russian).
44. Beneshevich V. N. *Sinagoga v 50 titulov i drugiye yuridicheskiye sborniki Ioanna Skholastika: k drevneyshey istorii istochnikov prava greko-vostochnoy tserkvi* [Synagogue in 50 titles and other legal collections of John Scholasticus: To the ancient history of the sources of law of the Greek-Eastern Church]. St. Petersburg, Typography of V. Kirshbaum, 1914. 345 p. (in Russian).
45. Yushkov S. V. *Ocherki iz istorii prikhodskoy zhizni na Severo Rossii v XV–XVII vv.* [Essays on the history of parish life in the North of Russia in the 15th–17th centuries]. St. Petersburg, Typography of M. A. Alexandrov, 1913. 137 p. (in Russian).
46. Yushkov S. V. *K istorii drevnerusskikh yuridicheskikh sbornikov (XIII v.)* [On the history of ancient Russian legal collections (13th century)]. Saratov, Gosizdat, 1921. 27 p. (in Russian).

47. Yushkov S. V. On the issue of smerds. *Uchonye zapiski Saratovskogo universiteta. Pravovoe otdelenie fakul'teta obshchestvennykh nauk* [Scientific Notes of Saratov University. Legal Department of the Faculty of Social Sciences], 1923, vol. 1, iss. 4, pp. 46–82 (in Russian).
48. Yushkov S. V. The Code of Laws of 1497. On the External History of the Monument. *Uchonye zapiski Saratovskogo universiteta. Fakul'tet khozyaystva i prava* [Scientific Notes of the Saratov University. Faculty of Economy and Law], 1926, vol. 5, iss. 3, pp. 1–46 (in Russian).
49. Yushkov S. V. *Issledovaniya po istorii russkogo prava. Vyp. 1. Ustav kn. Vladimira (Istoriko-yuridicheskoe issledovanie)* [Research on the history of Russian law. Iss. 1. The Charter of Prince Vladimir (Historical and legal research)]. Novouzensk, 1926. 151 p. (in Russian).
50. Yushkov S. V. *Feodal'nye otnosheniya i Kievskaya Rus'* [Feudal relations and Kievan Rus]. Saratov, 1924. 108 p. (in Russian).
51. Yushkov S. V. “Rus’ Truth” as a code of Russian feudal law. *Problemy sotsialisticheskogo prava* [Problems of Socialist Law], 1939, no. 3–4, pp. 72–89 (in Russian).
52. Yushkov S. V. Russian Truth as a Code of Russian Feudal Law (On the 200th Anniversary of Its Discovery). *Trudy pervoy nauchnoy sessii Vsesoyuznogo instituta yuridicheskikh nauk* [Proceedings of the First scientific session of the All-Union Institute of Legal Sciences (January 27 – February 3, 1939)]. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo, 1940, pp. 106–139 (in Russian).
53. Yushkov S. V. *Ocherki po istorii feodalizma v Kievskoy Rusi* [Essays on the history of feudalism in Kievan Rus]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1939. 253 p. (in Russian).
54. Yushkov S. V. *Russkaya Pravda: proiskhozhdenie, istochniki, evo znachenie* [Russian Truth: Origin, sources, its meaning]. Moscow, State Publishing House of Legal Literature, 1950. 378 p. (in Russian).
55. Yushkov S. V. *Istoriya gosudarstva i prava SSSR. Ch. 1* [History of the State and Law of the USSR. Pt. 1]. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo, 1940. 596 p. (in Russian).
56. Medvedev I. P. On the unimplemented project of V. N. Beneshevich to publish a corpus of sources of Byzantine Law (based on unpublished data). *Vizantiiyskiy vremennik* [Byzantine Time], 1997, vol. 57 (82), pp. 249–272 (in Russian).
57. Yushkov S. V. On the question of the borders of ancient Albania. *Istoricheskiye zapiski* [Historical Notes], 1937, no. 1, pp. 129–148 (in Russian).
58. Yushkov S. V. On the issue of the peculiarities of feudalism in Dagestan (before the Russian conquest). *Uchonye zapiski Sverdlovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific Notes of the Sverdlovsk State Pedagogical Institute], 1938, iss. 1, pp. 65–86 (in Russian).
59. Yushkov S. V. Key moments in the history of the Kazakh state (pre-Soviet period). Summary of the report at the first scientific session in the law sector of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR (November 26–29, 1949). *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1950, no. 3, pp. 82 (in Russian).
60. Yushkov S. V. *Uchebnoe posobiye po istorii gosudarstva i prava SSSR. Vyp. 4: Obshchestvenno-politicheskiy stroy i pravo Litovskogo gosudarstva, kavkazskikh gosudarstv i gosudarstv Sredney i Tsentral'noy Azii* [Textbook on the history of the state and law of the USSR. Iss. 4: Socio-political system and law of the Lithuanian state, the Caucasian states and the states of Central and Central Asia]. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo, 1945. 54 p. (in Russian).
61. Yushkov S. V. *Istoriya gosudarstva i prava SSSR. Ch. 1* [History of the state and law of the USSR. Pt. 1. 2nd ed., rev. and suppl.]. Moscow, Legal Publishing House of the USSR Ministry of Justice, 1947. 767 p. (in Russian).
62. Yushkov S. V. “Metropolitan Justice”. *Letopis' zanyatiy Arkheograficheskoy komissii. Vyp. 35: Za 1927–1928 gg.* [Chronicle of the Classes of the Archaeographic Commission. Iss. 35: For 1927–1928]. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1929, pp. 115–120 (in Russian).
63. Yushkov S. V. (ed.) *Monuments of Russian law*. Iss. 1–8. Moscow, Gosyurizdat, 1952–1961 (in Russian).

Поступила в редакцию 21.08.2025; одобрена после рецензирования 09.09.2025; принята к публикации 15.09.2025
The article was submitted 21.08.2025; approved after reviewing 09.09.2025; accepted for publication 15.09.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 451–458

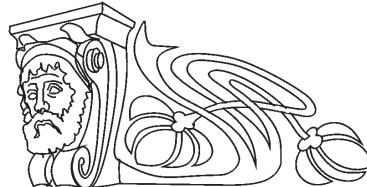
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 451–458

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-451-458>, EDN: XSKNVM

Научная статья
УДК 339+343

Цифровая трансформация в арабских странах на примере государств-членов ССАГПЗ: правовые основы и экономическое значение

А. Д. Цыплакова[✉], А. Х. Эль-Сайед

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Россия, просп. Вернадского, г. Москва, д. 76

Цыплакова Алёна Дмитриевна, преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Tsyplakova.a.d@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8564-0696>

Эль-Сайед Алина Халилевна, аспирант кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства, alina_es@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4619-8291>

Аннотация. В настоящем исследовании авторы выделяют основные направления цифровой трансформации в государствах-членах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: создание умных городов (городов «будущего»), внедрение единых порталов электронного правительства и безбумажного документооборота, а также повсеместное использование искусственного интеллекта. Авторы дают ретроспективную и прогностическую оценку их влиянию на экономические процессы и особое внимание уделяют Королевству Саудовская Аравия и Объединенным Арабским Эмирятам по двум причинам: как лидерам в сфере цифровизации на Ближнем Востоке, особенно в части ИИ, а также как стратегически важным партнерам Российской Федерации на фоне расширения состава международного объединения БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества. Исследователи описывают существующие правовые пробелы, возникающие в связи с внедрением отдельных инициатив и мегапроектов по типу «Умный Дубай» и «Ниум». Например, в части возможных субъектов юридической (в частности, уголовной) ответственности при неправомерном использовании искусственного интеллекта, а равно ущербе вследствие автоматизированных ошибок нет четкого единого законодательного подхода. Тем не менее можно опираться на существующие концепции исламского шариата, а также отдельные междисциплинарные законы, содержащие как уголовно-правовые, так и гражданско-правовые нормы. Особые статусы промышленных городов, технологических зон, специальных экономических (финансовых) зон и городов в арабских странах не подразумевают изъятий из общеуголовного регулирования, однако его недостаточно для реагирования на существующие угрозы. Требуется внедрение уточняющих уголовно-правых норм, применимых именно к использованию искусственного интеллекта.

Ключевые слова: цифровая трансформация, ССАГПЗ, экономические процессы, умные города, уголовная ответственность, искусственный интеллект

Для цитирования: Цыплакова А. Д., Эль-Сайед А. Х. Цифровая трансформация в арабских странах на примере государств-членов ССАГПЗ: правовые основы и экономическое значение // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 451–458. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-451-458>, EDN: XSKNVM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Digital transformation in the Arab countries (GCC Member States): Legal basis and economic significance

А. Д. Цыплакова[✉], А. Х. Эль-Сайед

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76 Vernadskogo Ave., Moscow 119454, Russia

Alyona D. Tsypakova, Tsypakova.a.d@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8564-0696>

Alina A. El-Sayed, alina_es@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4619-8291>

Abstract. In this study, the authors have identified the main directions of digital transformation in the member states of the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf, inter alia creation of smart cities (cities of the future), introduction of unified e-government portals and paperless document management, as well as widespread use of artificial intelligence. The authors have provided a retrospective and prognostic assessment of their impact on economic processes and placed the emphasis on the Kingdom of Saudi Arabia and the United Arab Emirates, since they are considered to be leaders in digitalisation in the Middle East, especially in terms of artificial intelligence, and strategic partners of the Russian Federation taking into account the enlargement of BRICS and the Shanghai Cooperation Organization. The researchers have described the existing legal gaps arising from implementing certain initiatives and megaprojects such as Smart Dubai and Neom. For instance, there is no clear

unified legislative approach with regard to possible subjects of legal (in particular, criminal) liability in case of illegal use of artificial intelligence, as well as damage caused by automated errors. Nevertheless, it is possible to rely on the existing concepts of Islamic Shariah, as well as some interdisciplinary laws containing both criminal and civil law norms. The unique standing of industrial cities, technological zones, special economic (financial) zones and cities in Arab states do not imply exemptions from general criminal regulation, but it is not sufficient to respond to existing threats. It is necessary to introduce clarifying criminal-law norms applicable specifically to the use of artificial intelligence.

Keywords: digital transformation, GCC, economic processes, smart cities, criminal liability, artificial intelligence

For citation: Tsyplakova A. D., El-Sayed A. Kh. Digital transformation in the Arab countries (GCC Member States): Legal basis and economic significance. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 451–458 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-451-458>, EDN: XSKNVM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В условиях значительного многообразия программ развития можно выделить три ключевых направления цифровой трансформации в государствах-членах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ): создание умных городов «будущего», электронное правительство и документооборот, а также повсеместное внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в различные области. В значительной мере их внедрение основывается на руководящих документах и требует переосмысливания как с юридической, так и с экономической точек зрения.

Настоящее исследование основано на изучении стратегий арабских государств по типу «Видения» («Bahrain Economic Vision 2030», «UAE Economic Vision 2021», «Kuwait Vision 2035», «Qatar National Vision 2030», «Oman Economic Vision 2020», «Saudi Vision 2030»)¹, принятых за последние 20 лет существующего регулирования свободных экономических зон с опорой на экспертные оценки теоретиков и практиков в области экономики и юриспруденции и статистические данные официальных государственных органов упомянутых стран. Основу составили индукция, контент-анализ документов, критический и сравнительно-правовой методы.

Умный город – город будущего

Данная урбанистическая концепция основана на интеграции технологий, в том числе цифровых двойников и интернета вещей, в управление инфраструктурой города и включает автоматизацию таких процессов, как дорожно-транспортная система, жилищно-

коммунальные услуги, обращение с отходами, централизованное освещение, снижение углеродного следа через использование возобновляемых источников энергии, интеллектуальные системы безопасности, а также цифровизацию услуг. В свою очередь, перечисленные элементы обеспечивают экологичность, экономическую устойчивость, доступность, а также стимулирование инновационной деятельности.

Их внедрение основывается на руководящих документах – «Видениях» и отдельных стратегиях на национальном уровне и уровне отдельных субъектов. В качестве примера можно взять два мегапроекта: «Ниум» / «Неом» (араб. «نيوم», англ. «NEOM») и «Умный Дубай» (араб. «دبي الذكية», англ. «Smart Dubai»).

Первый проект стоимостью 7 млрд долларов США запущен в 2014 г. в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ) с опорой на изданные в последующем стратегии: умного Дубая 2021, автономного транспорта, 3D-печати, данных, кибербезопасности, блокчейн, интернета вещей, электронного документооборота (дословно с араб. «المعاملات الالكترونية» – безбумажного), а также электронной коммерции².

² Smart Dubai 2021 Strategy. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/strategies-plans-and-visions-until-2021/smart-dubai-2021-strategy> (дата обращения: 07.12.2024) ; Dubai Data Strategy. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-vvisions/government-services-and-digital-transformation/dubai-data-strategy> (дата обращения: 07.12.2024) ; Dubai Autonomous Transportation Strategy. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/transport-and-infrastructure/dubai-autonomous-transportation-strategy> (дата обращения: 07.12.2024) ; Dubai 3D Printing Strategy. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/industry-science-and-technology/dubai-3d-printing-strategy> (дата обращения: 07.12.2024) ; Dubai Blockchain Strategy. Digital Dubai. URL: <https://www.digitaldubai.ae/initiatives/blockchain> (дата обращения: 07.12.2024) ; Dubai Internet of Things Strategy. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/strategies-plans-and-visions-until-2021/dubai-internet-of-things-strategy> (дата обращения: 07.12.2024) ; Dubai Paperless Strategy. URL: <https://www.digitaldubai.ae/>

К 2021 г. Дубай полностью отказался от использования бумаги в государственном секторе, переведя все услуги в цифровой формат, сэкономив более 336 млн бумажных листов, что эквивалентно спасению 14 000 деревьев, а также сократив операционные затраты государственных учреждений на 1,3 млрд дирхамов. К 2022 г. более 90% взаимодействий жителей с государственными учреждениями произошло через цифровые платформы. Дубай стал первым городом, который внедрил блокчейн в управление государственными операциями, что предполагает экономию до 25,1 млн часов рабочего времени ежегодно. Платформа «DubaiNow» предоставляет доступ к более чем 120 городским услугам, включая оплату счетов, регистрацию автомобилей, управление недвижимостью, запись на прием к врачу, сервисы для проверки статуса виз, оплаты школьных сборов, пожертвования на благотворительность.

В рамках программы «Smart Energy Systems» внедрены интеллектуальные энергосистемы для управления потреблением и оптимизации использования возобновляемых источников энергии в режиме реального времени. В Дубае солнечные панели обеспечивают 10% от всего энергопотребления.

По экспертыным оценкам, «Smart Dubai» способствует ежегодной экономии в размере более 1,5 млрд долл. США за счет повышения эффективности городского управления, цифровизации государственных услуг и сопутствующего снижения административных издержек.

За счет беспилотных транспортных средств (далее – БТС), эксплуатационные испытания которых осуществлены на основании решения Исполнительного совета Эмирата Дубай № 3 от 17.04.2019³, и внедрения умных светофоров сократилось среднее время в пути на 25%, что,

initiatives/paperless (дата обращения: 07.12.2024) ; Dubai eCommerce strategy. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae-strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/government-services-and-digital-transformation/dubai-e-commerce-strategy> (дата обращения: 07.12.2024).

несомненно, имеет экономически положительный эффект. При этом отметим правовую неопределенность в отношении субъектов, несущих ответственность за действия, совершаемые с использованием БТС: «законодательство, действующее в Эмиратах,... распространяется на действия, совершенные автономным транспортным средством и являющиеся преступлениями, за которые предусмотрено наказание для виновных» (ст. 15 Закона Эмирата Дубай № 9 от 06.04.2023 «Об эксплуатации беспилотных транспортных средств в Эмиратах Дубай»⁴⁾.

С криминологической точки зрения отметим положительную тенденцию: внедрение систем видеонаблюдения с ИИ, аналитики и прогнозирования с помощью больших данных, дронов и роботов позволило снизить уровень преступности в Дубае на 62% в 2022 г. в сравнении с предшествующим годом (на 12% за последние пять лет).

Второй проект запущен в 2017 г. в Королевстве Саудовская Аравия (КСА). Он охватывает площадь в 26 500 км², а бюджет оценивается в 500 млрд долл. США. Выделяются несколько подпроектов: «Линия» (араб. «ذَا لَيْن»), англ. «The Line»⁵, «Уксагун» / «Оксагон» (араб. «أُوكساجون»), англ. «Oxagon»⁶, «Труджина» / «Трогена» (араб. «تُرُوجِينَا»), англ. «Trojena»⁷ и «Синдалат» / «Синдала» (араб. «سِنْدَلَة»), англ. «Sindalah»⁸.

Предполагается полный отказ от неэкологичных транспортных средств, снижение планового потребления воды на 40%, полный переход на возобновляемые источники энергии, в частности ветровую и солнечную энергетику; все процессы будут управляться искусственным интеллектом, в том числе рельсовая система перемещения «HyperLoop» и автономный БТС.

٩ لسنة ٢٠٢٣ بشأن تنظيم تشغيل المركبات ذاتية القيادة في إمارة دبي^٤ رقم [قانون رقم ٩ لسنة ٢٠٢٣] في دولة الإمارات العربية المتحدة، وذلك في إطار تنفيذ تعليمات صاحب السمو الشيخ محمد بن راشد آل مكتوم، نائب رئيس دولة الإمارات العربية المتحدة، حاكم دبي، بتطوير قطاع التكنولوجيا والابتكار في الإمارة. ويتضمن القانون إجراءات لتنظيم وتحكيم عمليات تشغيل المركبات ذاتية القيادة، بما في ذلك تحديد المعايير الفنية والآمنة، وتنمية قدرات البحوث والابتكار، وتعزيز الشراكات بين القطاعين العام والخاص، وتحقيق التكامل بين القطاعين.

⁵ «The Line» представляет собой 170-километровый линейный город без автомобилей, где транспортная система позволяет перемещаться по всей его длине за 20 минут.

6 «Oxagon» – восьмиугольный индустриальный центр, где вся промышленность будет работать на возобновляемых источниках энергии.

⁷ «Троиена» ориентирован на развитие горного и экологического туризма.

⁸ «Sindalah» направлен на развитие морского туризма и является технологическим городом.

Вклад «Неом» в ВВП Королевства может составить 48 млрд долл. США к 2030 г. Ожидается, что Саудовская Аравия также сможет экспорттировать свои достижения в области умной урбанизации и устойчивого развития, что даст дополнительные 3 млрд долл. США дохода ежегодно. По экспертным оценкам, «Ниум» создаст более 380 000 рабочих мест к 2030 г.

Электронное правительство

Указанное направление включает в себя внедрение единого портала и мобильных приложений с автоматизацией таких процессов, как регистрация актов гражданского состояния, получение паспортов, водительских удостоверений и виз и оптимизация обработок заявок, а также создание открытых платформ для мониторинга государственных расходов и работы органов государственной власти, исключения коррупциогенных факторов и снижения рисков утечки данных. В ОАЭ более 90% заявок обрабатываются онлайн, что позволяет экономить до 2 млн часов ежегодно и облегчает процесс для натурализованных граждан. По экспертным оценкам, КСА сэкономило более 500 млн долл. США благодаря сокращению бумажных процедур и снижению административных расходов. В ОАЭ экономия бюджетных средств составила около 11 млрд дирхамов (4 млн долл. США) за счет цифровизации. На примере Дубайского экономического департамента отметим, что около 85% средств сэкономлено за счет предоставления подключенных услуг клиентам в единых бизнес-registрах [1, 2].

В пример можно привести проекты «UAE Pass» (ОАЭ), «Absher» (КСА), «Hukoomi» (Государство Катар), «Bahrain eGovernment Portal» (Королевство Бахрейн), «Omanuna» (Султанат Оман). Стоит отметить, что государственные услуги традиционно относятся к критически важной инфраструктуре.

По этой причине требования к уровню кибербезопасности в данном случае повышенные. С одной стороны, уполномоченные органы и компьютерные группы реагирования на чрезвычайные ситуации по типу GCC-CERT, Q-CERT, SA-CERT, aeCERT, OCERT, Bh-CERT, Kw-CERT разрабатывают стандарты, процедуры по прохождению сертификации и лицензирования, признанию органа оценки рисков и руководства по системе управления качества, контролю безопасности, классификации безопасности

данных и информационных систем, свободному и открытому ПО, регулированию конфиденциальности данных пользователей и баз данных, правила и требования к поставщикам услуг в сфере ИТ⁹. С другой стороны, должностное лицо, имеющее электронные полномочия, предоставленные ему для доступа к документам, может быть специальным субъектом уголовной ответственности при осуществлении неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации¹⁰.

Внедрение искусственного интеллекта и цифровизация рынка услуг

Цифровизация рынков услуг в странах ССАГПЗ охватывает ключевые области экономики и критически важной инфраструктуры, включая ТЭК, логистику, здравоохранение, банковский сектор и образование.

В Катаре системы ИИ используются для анализа данных в нефтегазовом секторе, что позволяет повысить эффективность добычи и переработки ресурсов. В ОАЭ беспилотные транспортные системы, управляемые ИИ, внедряются для оптимизации городской логистики и сокращения выбросов CO₂.

В КСА внедрен проект «Seha», который позволяет гражданам через интерфейс мобильного приложения и веб-платформы записываться на прием к врачам, получать удаленные консультации через видеосвязь, отслеживать свои медицинские записи и результаты анализов, а

⁹ Организация по стандартизации ССАГПЗ перечисляет арабские версии стандартов кибербезопасности ISO 27001, опубликованные в 2009 и 2015 гг. Примечательно, что в ОАЭ опубликованы собственные стандарты обеспечения информации (англ. «IAS»), основанные на версиях ISO 27001 2005, 2013 гг., и основы кибербезопасности NIST 2014 США. В качестве примеров также см. подробней: [الضوابط والإرشادات] [Контроль и руководящие принципы]. URL: <https://nca.gov.sa/legislation> (дата обращения: 07.12.2024) ; [المحافظة على خصوصية البيانات الشخصية السiberani في قطاع الاتصالات والقضاء والنفقة] [Поддержание конфиденциальности персональных данных]. URL: <https://www.cst.gov.sa/ar/RulesandSystems/privacy/Pages/default.aspx> (дата обращения: 07.12.2024) ; حوكمة تقنية المعلومات [Управление информационными технологиями]. URL: https://www.ita.gov.om/ITAPortal_AR/Pages/Page.aspx?NID=2187&PID=6706&LID=247 (дата обращения: 07.12.2024) ; [المعايير والسياسات] [Стандарты и политика]. URL: <https://www.desc.gov.ae/ar/regulations-ar/standards-policies-ar/> (дата обращения: 07.12.2024).

¹⁰ Там же.

также осуществлять платежи за медицинские услуги. В ОАЭ экосистема «HealthHub», разработанная сетью клиник «Al-Futtaim Health», предоставляет удаленные консультации врачей через мобильные приложения, благодаря чему снижается время ожидания пациентов, повышается точность диагноза и эффективность профилактических мероприятий за счет персонализированных рекомендаций по улучшению образа жизни и управлению хроническими заболеваниями.

Центральный банк Саудовской Аравии (бывш. Саудовское агентство по монетарной политике) активно поддерживает внедрение цифровых платежей и развитие финансовых технологий, что способствует улучшению финансовой инклузии и сокращению использования наличных. С 2019 г. в стране наблюдается значительный рост числа цифровых платежей, что стало возможным благодаря поддержке новых финтех-стартапов и запуску инновационных продуктов, в частности системы мгновенных платежей «Sarie», запущенной в 2021 г. Саудовский банк «Al Rajhi»¹¹ внедрил систему анализа данных клиентов для предоставления персонализированных услуг. Саудовская компания «Saudi Aramco» внедрила систему на основе блокчейна для обработки платежей в рамках одноранговых сетей, что, по прогнозам, приведет к повышению эффективности затрат около 5% [3].

В ОАЭ такие банки, как «Emirates NBD»¹², предлагают клиентам возможность управления счетами через мобильные приложения с использованием голосовых ассистентов на базе ИИ. Объем цифровых платежей уже в 2020 г. достиг 18,5 млрд долл. США.

Образовательные учреждения стран ССАГПЗ активно внедряют цифровые платформы и инструменты для улучшения качества обучения. Так, в ОАЭ работает платформа

¹¹ Крупнейший исламский банк в мире, основанный в 1957 г. Банк придерживается принципов шариата, предлагая широкий спектр финансовых услуг, включая кредитование, депозиты и управление активами. «Al Rajhi» активно развивает цифровые технологии, такие как мобильные приложения и онлайн-банкинг, чтобы предоставлять клиентам удобные и безопасные финансовые решения.

¹² Один из крупнейших банков в Объединенных Арабских Эмиратах, основанный в 2007 г. в результате слияния «Emirates Bank International» и «National Bank of Dubai», известен своими передовыми цифровыми услугами, включая мобильное приложение, поддерживающее бесконтактные платежи, управление инвестициями и перевод средств.

«Madrasa»¹³, предлагающая более 5000 бесплатных уроков по различным дисциплинам; в Катаре – двуязычные платформы «Haseen» Министерства транспорта и коммуникаций и Министерства среднего и высшего образования и «SafeSurf» Министерства коммуникаций и информационных технологий; в КСА – бесплатная образовательная платформа «Линия», или «Сатр» (араб. «سَطْر», англ. «SATR») SAFCSP¹⁴, представляющая интегрированный контент по программированию: учебники, курсы, 2572 видеоклипа, 67 проектов, 390 тестовых вопросов, 333 статьи¹⁵.

В ходе встречи летом 2023 г. специалистов в области информационной безопасности в странах ССАГПЗ в Макката Министерство образования Султаната Оман приняло рабочий документ с дорожной картой электронного образования, проектом умных школ и использованием ИИ в школьном образовании¹⁶.

Результаты

Искусственный интеллект внедряется как на уровне отдельных секторов, так и в рамках урбанизации. В то время как «Умный Дубай» (англ. «SmartDubai») является лишь способом управления отдельными элементами инфраструктуры существующего города, «Ниум» (англ. «NEOM») предполагает полностью цифровую среду, управляемой ИИ. Возникают вопросы, связанные с возможными ошибками,

¹³ Ведущая образовательная платформа, запущенная в рамках инициативы «Mohammed Bin Rashid Al Maktoum Global Initiatives», предлагает бесплатный доступ к образовательным видеоурокам по таким предметам, как математика, физика, химия и биология, поддерживает дистанционное обучение.

¹⁴ Саудовская Федерация кибербезопасности, программирования и дронов.

¹⁵ سطر [Линия] : сайт. – Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия. URL: <https://satr.codes> (дата обращения: 22.08.2023).

методами устранения последствий и субъектом ответственности в рамках исламского шариата, который, безусловно, применим как основной источник права в рассматриваемых арабских странах.

Отметим скучность нормативной базы в рассматриваемой области. На основании Положений от 26.03.2001 «О Саудовском управлении промышленных городов и технологических зон» (решение Совета министров № 235)¹⁷ и от 23.02.2010 «Об Управлении экономических городов (Управлении специальных экономических городов и зон)» (указ короля КСА № А/19)¹⁸ промышленные города (араб. «المدن الصناعية»), технологические зоны (араб. «مناطق التقنية» (ПГ/ТЗ), специальные экономические города и зоны (араб. «الاقتصادية الخاصة» («المدن والمناطق» (СЭГ/З) имеют особые статусы в части корпоративного, трудового и налогового права, и действующие в их пределах субъекты подпадают под правовое регулирование уполномоченных органов¹⁹. Для «Ниум» же будет выработано отдельное регулирование²⁰.

Существующее регулирование не дает точного ответа: информационные технологии оцениваются исходя из принципа публичного интереса или масляхатун (араб. «مصلحة») [4]. Представляется возможным применение договора вакялятун (араб. «وكالة»), т. е. представительства субъекта, отвечающего за разработку и мониторинг системы – человека [5]. Однако

¹⁷ تنظيم الهيئة السعودية للمدن الصناعية ومناطق التقنية [Положение о Саудовском управлении промышленных городов и технологических зон]. URL: <https://laws.boe.gov.sa/BoeLaws/Laws/LawDetails/f9bd197e-980e-4e9f-948ca9a700f2994e/1> (дата обращения: 07.12.2024).

¹⁸ هيئة المدن الاقتصادية (هيئة المدن والمناطق الاقتصادية الخاصة) [Положение об Управлении экономических городов (Управлении специальных экономических городов и зон)]. URL: <https://laws.boe.gov.sa/BoeLaws/Laws/LawDetails/4100e06a-1a43-458d-a3b4-a9a700f1e3d9/1> (дата обращения: 07.12.2024).

¹⁹ Например, в марте 2021 г. Главное управление гражданской авиации Саудовской Аравии опубликовало специальные налоговые ставки и правила для Интегрированной зоны логистики – первой специальной экономической зоны Королевства. См. подробнее: SAUDI ARABIA: Rules Released for Kingdom's First Special Economic Zone. URL: <https://research.hktdc.com/en/article/NzE0ODY3Nzc2> (дата обращения: 07.12.2024) и Saudi Arabia Regulatory Update: Four new special economic zones launched. URL: <https://www.clydeco.com/en/insights/2023/04/saudi-arabia-regulatory-update-economic-zones> (дата обращения: 07.12.2024).

²⁰ NEOM 'fully under Saudi sovereignty, regulations,' says government official refuting inaccurate media reports. URL: <https://www.arabnews.com/node/2082796/business-economy> (дата обращения: 07.12.2024).

и здесь однозначно невозможно определить ответственного, элементы 'акд (с араб. «عقد» – соглашение) [4]: оферту и акцепт, а также агентскую форму [6].

«Ниум» – мегапроект, существующий в значительной мере за счет иностранных инвестиций, привлечение которых одобряется Министерством инвестиций (бывшим Генеральным инвестиционным управлением Саудовской Аравии), что предшествует инкорпорации (учреждению) компании. В рамках СЭГ/З и ПГ/ТЗ компании являются обществами с ограниченной ответственностью (англ. «LLC»; араб. «شركة ذات المسئولية المحدودة»), либо учреждаются совместные предприятия (араб. «مشروع مشترك»). После выполнения положений и различных регистраций (в Министерстве человеческих ресурсов и социального развития, Управлении по вопросам закята, налогов и таможни, Общей организации социального страхования, почте и торговых палатах) выдается нотариально заверенное свидетельство о коммерческой регистрации Министерством коммерции и промышленности. По общему правилу компании находятся под надзором Управления по рынку капитала Саудовской Аравии. Однако деятельность юридических лиц, действующих в рамках «Ниум», является предметом надзора Управления специальных экономических городов и зон.

Сам проект «Ниум» осуществляется под руководством закрытой акционерной компании под названием «NEOM CO» / «شركة نيوم» (араб. «شركة مساهمة مقفلة»), созданная в 2019 г. и принадлежащая Государственному инвестиционному фонду Саудовской Аравии.

Атрибутировать отдельные элементы правосубъектности ИИ, как и уравнивать в статусе подобно юридическим лицам с учетом принципов исламского шариата и особенностей правовой системы КСА (да и государств-членов ССАГПЗ в целом) довольно опрометчиво без разработки специального регулирования [7]. Требуется мухтасиб²¹ [8], который бы следил за «праведностью» (правильностью) алгоритма, этичностью их программирования с целью соблюдения принципов справедливости, прозрачности и благосостояния уммы, отвечая макасыду аш-шариа'ти (с араб. «مقاصد الشريعة» буквально – целям шариата) [9].

²¹ Араб. «حسبة» – хисба / хисбатун – и покорится на принципе «предписывать добро и запрещать зло» (араб. «الأنزف بالمحرّم وألْهَمُ عَنِ الْمُنْكَر»).

По этой причине на данный момент ответственным за правонарушения, в частности уголовные, будет юридическое лицо, осуществляющее администрирование проекта или непосредственную экономическую деятельность, в зависимости от последствий совершенного деяния [10, 11].

На сегодняшний день только в Королевстве Бахрейн принят Закон «О технологии искусственного интеллекта и ее использовании»²², которым предусмотрена юридическая ответственность за неправомерное использование ИИ с формулировкой, расширяющей перечень уголовно-наказуемых деяний, где ИИ выступает в качестве орудия преступления: «...любое преступление, предусмотренное уголовным или иным законом, которое совершается с помощью систем искусственного интеллекта, подлежит наказанию, предусмотренному для данного преступления». Исходя из юридической техники законодательства арабских государств (формулировка с араб. «كل» переводится как «любой» / «тот, кто»), отметим возможность привлечения к ответственности как юридического, так и физического лиц [12]. В так называемом киберзаконодательстве в части уголовно-правовых норм иных государств-членов ССАГПЗ нет подобных положений. 14 апреля 2025 г. в КСА на публичные обсуждения был вынесен проект низама о глобальном центре искусственного интеллекта²³, однако ситуация не изменилась.

Как указывается в литературе, требуется новое, буквально революционное регулирова-

ние, сочетающее в себе начала норм исламского шариата и сбалансированного подхода при участии законодателей, технических специалистов, фахихов, представителей бизнеса и исследователей [1, 2].

Заключение

Можно выделить три основных положительных фактора внедрения электронного правительства, документооборота и ИИ как основных направлений цифровой трансформации и элементов умных городов в арабских странах в различные сферы. Во-первых, укрепление человеческого капитала: создание новых рабочих мест за счет мегапроектов, современных образовательных инициатив и программ переподготовки кадров. Во-вторых, повышение экономической эффективности снижает операционные издержки и оптимизирует расходы. В-третьих, перечисленные направления цифровой трансформации ведут к социальным изменениям: повышение общего уровня жизни за счет более качественных, быстрых и доступных услуг, расширения покрываемой зоны.

На примере отдельных областей отметим перспективные результаты в банковской сфере ОАЭ: ИИ позволил сократить время на обработку транзакций на 25%, а также увеличил долю цифровых платежей до 70% от всех операций в 2023 г., что, в свою очередь, повышает прозрачность транзакций и отвечает современным антиотмывочным стандартам. Использование ИИ в образовательной среде способствует увеличению доступа к качественному образованию в отдаленных районах, а также повышению уровня цифровой грамотности среди молодежи.

Сами по себе умные города способствуют повышению экологичности, снижению преступности, доступности государственных и частных услуг, а также экономическому развитию отдельных субъектов.

При очевидных экономических достоинствах ключевых направлений цифровой трансформации, одним из которых является интеграция ИИ, с правовой и этической точек зрения возникает ряд не разрешенных практикой проблем, требующих дальнейшего исследования: обеспечение надлежащего уровня кибербезопасности, соблюдение норм исламского шариата, определение ответственного субъекта, соотношение положения человека (в широком смысле) и машины (ИИ).

²² بتنظيم تقنيات الذكاء الاصطناعي واستخداماته، والمقدمة من أصحاب على، ودليل تقرير لجنة الشؤون التشريعية والقانونية بخصوص الاقتراح بقانون وجمال محمد فخرو، والدكتورة هجاد عبدالله الفاضل، والدكتور محمد علي حسن، [James Alzayid's proposal for the happiness of the members: Ali Hussein Al-Shabani, Dokladi Komiteta po zakonodatel'nym i pravovym voprosam otносительно предлагаемogo zakona o regulirovaniy t ehnologij ikusstvennogo intellekta i ikh ispol'zovaniya, predstavlennyj chленami: Ali Husseynom Aль-Shexabi, Djamatalom Muhammada Fakhro, doktorom Djihadom Abdullaj Aль-Fadilom, doktorom Mohammedom Ali Xasanom Aли i Dalalom Djassimom Aль-Zayedom]. URL: https://councilsessions-s3-bucket.s3.me-south-1.amazonaws.com/s28_06a_pdf-1714037459122.pdf?X-Amz-Algorithm=AWS4-HMAC-SHA256&X-Amz-Credential=AKIA4XAHVY3LHQ7YI5EO%2F20240929%2Fme-south-1%2Fs3%2Faws4-request&X-Amz-Date=20240929T150137Z&X-Amz-Expires=900&X-Amz-Signature=6638b015b246846cd3a70da306bc21b72a43f3a95a0022a61a553bb0172eec3b&X-Amz-SignedHeaders=host (дата обращения: 29.09.2024).

²³ Global AI Hub Law. URL: <https://istitlaa.ncc.gov.sa/en/transportation/citc/globalailaw/Documents/Global%20AI%20Hub%20Law%20EN-AR%20-%20Final%20Draft%20for%20PC.pdf> (дата обращения: 15.04.2025).

Список литературы

1. Refaei M. D. M. AI Governance in Neom City: Exploring Legal Personality for Smart Robots And A Framework For Ethical Innovation // Educational Administration: Theory and Practice. 2024. Vol. 30, № 5. P. 2569–2576. <https://doi.org/10.53555/kuey.v30i5.2443>
2. Refaei M. D. M. Regulatory Frameworks for Autonomous Robotics in NEOM's Sustainable Technology Landscape // Migration Letters. 2023. Vol. 20, № 9. P. 228–258.
3. Khan S., Shael M., Majdalawieh M., Nizamuddin N., Nicho M. Blockchain for Governments: The Case of the Dubai Government // Sustainability. 2022. Vol. 14, iss. 11. Art. 6576. <https://doi.org/10.3390-su14116576>
4. Kamali M. N. *The principles of Islamic jurisprudence*. Cambridge Scholars Publishing, 2018. 550 p.
5. Al-Shibli K. Agency (Wakala) and its applications in Islamic banking // Journal of Islamic Economics, Banking and Finance. 2020. Vol. 16, iss. 3. P. 1–15.
6. Vladeck D. C. Machines without principals: Liability rules and artificial intelligence // Washington Law Review. 2014. Vol. 89, iss. 1. P. 117–150.
7. Vicente A., Lavazza A. Artificial intelligence, legal personhood and the non-reductive materialist perspective // International Journal of Law and Information Technology. 2020. Vol. 28, № 2. P. 146–162.
8. 'Abd al-Rahmān b. Nasr al-Shayzarī. *The Book of the Islamic Market Inspector*. Oxford University Press, 2004. 224 p.
9. Kamali M. N. *Maqasid al-Shariah made simple*. International Institute of Islamic Thought, 2008. 32 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctvk67vz>
10. Волеводз А. Г., Цыплакова А. Д. Уголовная ответственность юридических лиц в Королевстве Саудовская Аравия // Российский следователь. 2023. № 11. С. 57–61. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2023-11-57-61>
11. Almaibed O. Criminal Liability Arising From the Use of Artificial Intelligence Technologies in the Saudi Legal System: A Comparative Analytical Study // Arab Journal for Security Studies. 2024. Vol. 40, iss. 2. P. 143–157. <https://doi.org/10.26735/MKQW3049>
12. Цыплакова А. Д. Некоторые юрислингвистические особенности источников уголовного права и уголовного процесса арабских государств // Право между Востоком и Западом. 2025. № 1. С. 28–38. <https://doi.org/10.18572/3034-2953-2025-1-28-38>

References

1. Refaei M. D. M. AI Governance in Neom City: Exploring Legal Personality for Smart Robots and a Framework for Ethical Innovation. *Educational Administration: Theory and Practice*, 2024, vol. 30, no. 5, pp. 2569–2576. <https://doi.org/10.53555/kuey.v30i5.2443>
2. Refaei M. D. M. Regulatory Frameworks for Autonomous Robotics in NEOM's Sustainable Technology Landscape. *Migration Letters*, 2023, vol. 20, no. 9, pp. 228–258.
3. Khan S., Shael M., Majdalawieh M., Nizamuddin N., Nicho M. Blockchain for Governments: The Case of the Dubai Government. *Sustainability*, 2022, vol. 14, iss. 11, art. 6576. <https://doi.org/10.3390-su14116576>
4. Kamali M. N. *The principles of Islamic jurisprudence*. Cambridge Scholars Publishing, 2018. 550 p.
5. Al-Shibli K. Agency (Wakala) and its applications in Islamic banking. *Journal of Islamic Economics, Banking and Finance*, 2020, vol. 16, iss. 3, pp. 1–15.
6. Vladeck D. C. Machines without principals: Liability rules and artificial intelligence. *Washington Law Review*, 2014, vol. 89, iss. 1, pp. 117–150.
7. Vicente A., Lavazza A. Artificial intelligence, legal personhood and the non-reductive materialist perspective. *International Journal of Law and Information Technology*, 2020, vol. 28, no. 2, pp. 146–162.
8. 'Abd al-Rahmān b. Nasr al-Shayzarī. *The Book of the Islamic Market Inspector*. Oxford University Press, 2004. 224 p.
9. Kamali M. N. *Maqasid al-Shariah made simple*. International Institute of Islamic Thought, 2008. 32 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctvk67vz>
10. Volevodz A. G., Tsyplyakova A. D. The Criminal Liability of Legal Entities in the Kingdom of Saudi Arabia. *Russian Investigator*, 2023, no. 11, pp. 57–61 (in Russian). <https://www.doi.org/10.18572/1812-3783-2023-11-57-61>
11. Almaibed O. Criminal Liability Arising From the Use of Artificial Intelligence Technologies in the Saudi Legal System: A Comparative Analytical Study. *Arab Journal for Security Studies*, 2024, vol. 40, iss. 2, pp. 143–157 (in Arabic). <https://doi.org/10.26735/MKQW3049>
12. Tsyplyakova A. D. Some Legal and Linguistic Features of Sources of Criminal Law and Criminal Procedure of Arab States. *Law between East and West*, 2025, no. 1, pp. 28–38 (in Russian). <https://www.doi.org/10.18572/3034-2953-2025-1-28-38>

Поступила в редакцию 06.07.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 15.09.2025
The article was submitted 06.07.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 15.09.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 459–466

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 459–466

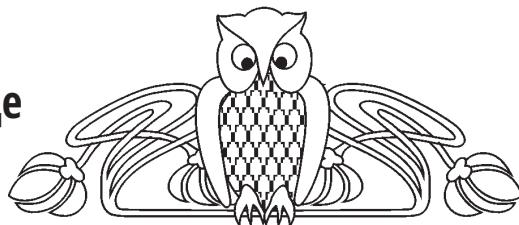
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-459-466>, EDN: ZJPQY

Научная статья
УДК 342.4

О конституционно-правовой природе Организации Тюркских Государств

М. Г. Мустафаев

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Мустафаев Мамед Гусейн оглы, ведущий специалист научного отдела, yakamoz1001@mail.ru, AuthorID: 1198688

Аннотация. Введение. За относительно недолгий период существования Организации Тюркских Государств между странами-участницами накоплен обширный объем правовой базы для перехода в будущем на более качественный уровень правовой интеграции. Цель исследования обусловлена потенциалом Организации и ее возросшей значимостью в межгосударственных отношениях постсоветских стран. Методологией исследования выступают сравнительно-правовой и междисциплинарный методы, позволяющие более комплексно изучить ключевые проблематики правовой интеграции стран-участниц, а также определить особенности построения и функционирования институциональной и конституционно-правовой основ международной организации. **Теоретический анализ.** Помощью сравнения опыта становления и развития современных интеграционных объединений, анализа теоретических подходов и правовых доктрина в сфере международного и конституционного права, а также изучения позиций ученых, рассматривающих конституционно-правовые аспекты межгосударственного сотрудничества, в том числе на постсоветском пространстве, в работе изучаются вопросы конституционно-правовой природы Организации, элементы наднациональности в управляемых институтах и особенностях ее институционального развития. **Эмпирический анализ.** Выявление ключевых проблематик правовой интеграции в рамках Организации Тюркских Государств основано на анализе конституций государств-участников, национальном законодательстве, решениях межгосударственных и национальных судов и органов конституционного контроля, а также международных соглашениях и иных правовых документах, представляющих сведения о правовой практике. Благодаря анализу правовых документов и статистических данных определены существенные черты и характеристики институциональных особенностей функционирования Организации, в том числе дана оценка практической реализации мероприятий на межгосударственном уровне в рамках объединения. **Результаты.** В результате исследования с помощью изучения особенностей построения наднациональных правопорядков, выступающих в качестве характерного атрибута международных организаций интеграционного типа, дается оценка текущего состояния институционально-правового развития Организации на современном этапе, делаются выводы о существующих проблемах правовой интеграции стран-участниц, в том числе перспективах формирования общего правового пространства в рамках действующего формата.

Ключевые слова: международная интеграция, интеграционные объединения, тюркская интеграция, Организация Тюркских Государств

Для цитирования: Мустафаев М. Г. О конституционно-правовой природе Организации Тюркских Государств // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 459–466. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-459-466>, EDN: ZJPQY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the constitutional and legal nature of the Organization of Turkic States

M. G. Mustafaev

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov, 410012, Russia

Mamed Guseyn oglu Mustafaev, yakamoz1001@mail.ru, AuthorID: 1198688

Abstract. Introduction. Over the relatively short period of the Organization of Turkic States existence, a wide legal framework has been accumulated between the participating countries for the transition to a higher quality level of legal integration in the future. The purpose of the study focuses on the potential of the Organization and its increased importance in the interstate relations of the post-Soviet countries. The research methodology relies on the comparative legal and interdisciplinary methods, which enhance a more comprehensive study of the key issues of legal integration of the participating countries, as well as identification of the features of the construction and functioning of the institutional and constitutional legal foundations of the international organization. **Theoretical analysis.** By comparing the experience of the formation and development of modern integration associations, analyzing theoretical approaches and legal doctrines in the field of international and constitutional law, and studying

the positions of scholars who examine the constitutional and legal aspects of interstate cooperation, including those in the post-Soviet space, the paper examines the constitutional and legal nature of the Organization, the elements of supranationality in management institutions, and the specifics of the organization's institutional development. **Empirical analysis.** The identification of key issues related to legal integration within the framework of the Organization is based on the analysis of the Constitutions of the participating states, national legislation, decisions of interstate and national courts and constitutional control bodies, as well as international agreements and other legal documents that provide information on legal practice. Based on the analysis of legal documents and statistical data, the study identifies the essential features and characteristics of the institutional aspects of the Organization functioning, including assessment of the practical implementation of measures at the interstate level within the organization. **Results.** As a result of the study, based on the analysis of the features of the construction of supranational legal orders, which are a characteristic attribute of international organizations of the integration type, the current state of the institutional and legal development of the Organization has been assessed, and conclusions about the existing problems of legal integration among the participating countries, including the prospects for the formation of a common legal space within the current format, have been drawn.

Keywords: international integration, integration associations, Turkic integration, Organization of Turkic States

For citation: Mustafaev M. G. On the constitutional and legal nature of the Organization of Turkic States. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 459–466 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-459-466>, EDN: ZJPQY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

После прекращения существования СССР бывшие советские республики оказались вынуждены вновь налаживать утраченные хозяйствственные связи. Зачастую эти процессы происходили в рамках вновь создаваемых межгосударственных объединений, носящих в разной степени интеграционный характер. По прошествии десятков лет эти форматы стали эволюционировать в более качественные уровни интеграции в различных областях взаимодействия. При этом тенденцией явилась диверсификация интеграционных векторов развития, как правило, между евразийским и европейским.

Относительно новым направлением в последние годы стала кооперация тюркоязычных стран. Основанный в первую очередь на межправительственном диалоге и продвигаемый в качестве платформы для культурного и языкового обмена, данный межгосударственный формат взаимодействия затем перерос в полноценную международную организацию, впоследствии переименованную в Организацию Тюркских Государств (ОТГ), в которую вошли многие постсоветские республики.

С годами значение объединения возрастает, помимо совместных культурных и гуманитарных проектов, между странами качественно расширились хозяйствственные связи, заметно развилось экономическое, энергетическое, военно-техническое сотрудничество.

В рамках ОТГ также сформировалась обширная правовая база, в том числе способствующая принятию общих программных документов, одним из которых стала всеобъемлющая программа развития до 2040 г., охватывающая весьма широкий круг вопросов взаимодействия.

Для реализации поставленных целей дополнительно функционирует разветвленная сеть аффилированных с ОТГ международных организаций, таких как Парламентская ассамблея тюркоязычных государств, Международная организация тюркской культуры, Союз торгово-промышленных палат тюркских государств, Тюркский инвестиционный фонд, а также Тюркская Академия, Инвестиционный фонд и Фонд тюркской культуры и наследия.

Несмотря на расширение деятельности и увеличение потенциала ОТГ, в российской юридической науке до сих пор не освещены такие значимые и актуальные вопросы, как конституционно-правовая природа и правовая система организации, не дана оценка ее реальному влиянию на правовые системы государств-участников, в том числе не изучены аспекты конституционного развития, имеющие определяющее значение для дальнейшей правовой интеграции в рамках объединения.

Теоретический анализ

Изучая проблематику межгосударственного сотрудничества, следует начать с того, что в настоящее время отсутствует единое устоявшееся определение международной организации. Однако в науке выделяется сходство многочисленных признаков: создание в соответствии с нормами международного права; учреждение на основе международного договора; осуществление сотрудничества в конкретных областях; наличие соответствующей организационной структуры; наличие прав и обязанностей, а также международной правосубъектности [1, с. 182].

Очевидно, что большинство из приведенных признаков международной организации можно распространить и на другие объединения государств, основанные на международном праве, в основе создания которых лежит учредительный договор, а целью создания всегда является сотрудничество суверенных государств в определенных сферах. При этом некоторые авторы выделяют отдельную группу международных организаций в силу большей степени интеграции государств-участников, в том числе императивного характера правовых актов, принятых в рамках межгосударственных объединений и степени их влияния, оказываемого на национальные правовые системы [2].

В этом контексте объективной выглядит позиция Т. Н. Михалевой, дифференцирующей международные организации по функциональному назначению следующим образом: «...организации, чьей функцией является сотрудничество, соответственно, оставляют нетронутой базовую структуру современного международного сообщества, состоящего из суверенных государств», вместе с тем «организации, чьей функцией является интеграция, несут ответственность за сближение своих государств-членов, беря на себя некоторые из их функций, вплоть до слияния их в единое целое в секторе, в котором они осуществляют свою деятельность, то есть в сфере их компетенции» [3, с. 91].

Стоит подчеркнуть, что международные межправительственные организации, как правило, не практикуют надгосударственный способ управления и не имеют существенного влияния на национальное право стран-участниц. В то же время развитие интеграционных процессов на современном этапе нередко обусловлено трансформацией международных организаций в объединения нового типа, имеющие наднациональными интеграционными объединениями [4, с. 102].

Эти суждения подтверждает и Т. Н. Нешатаева, отмечая, что расширение экономических связей приводит к появлению международных организаций нового типа – не межправительственных, но наднациональных, имеющих более обширную компетенцию, включающую в том числе те функции, которые прежде относились только к суверенной компетенции государств [5, с 58].

В этом контексте исследователями выделяются три последовательных стадии развития

интеграционных процессов: декларативная, созидательная и реальная [6, с. 65]. Это можно объяснить тем, что в процессе эволюции интеграционного объединения, как правило, происходит усложнение связей между государствами-членами, в том числе расширение сфер их взаимодействия, что приводит к переходу от одной стадии развития к другой, качественно новой, нередко порождающей необходимость совершенствования конституционно-правовых механизмов, и компетенции интегративных органов с передачей им части суверенных полномочий для принятия независимых и общеобязательных решений, что, в свою очередь, повышает автономность интегративных институтов и правосубъектность международной организации.

Таким образом, главное отличие международных организаций интеграционного типа от классических межправительственных международных организаций можно усмотреть в сближении правового регулирования процессов интеграции, прежде всего, на основе гармонизации национальных правовых систем и закрепления общих конституционных принципов, что впоследствии может привести к созданию единого правопорядка с последующей конституционализацией.

В этой связи примечателен пример Европейского союза (ЕС), государства-члены которого, адаптируясь к наднациональным стандартам, обязаны приводить конституционные нормы в соответствие с правом ЕС, что позволяет двум системам эффективно взаимодействовать в рамках единого правового пространства. Такой подход гарантирует не только соблюдение международных обязательств, но и учет национальных интересов, гарантии обеспечения которых повышаются в процессе конституционализации интегративного правопорядка. При этом межгосударственное взаимодействие становится еще более продуктивным и устойчивым при существовании объективных предпосылок, в качестве которых выступают общие ценности, отраженные в учредительных договорах международных организаций и в национальных конституциях.

Таким образом, можно заключить, что изучение конституционно-правового статуса той или иной международной организации целесообразно проводить в совокупности с анализом ее институционального устройства, уровня конституционализации и конституционно-правового

регулирования, наличия правосубъектности, а также выявления наднациональных свойств, которые позволяют определить тип международной организации и степень правовой интеграции ее государств-участников.

Эмпирический анализ

Существующие на сегодняшний день интеграционные объединения неоднородны по своему конституционно-правовому статусу. Большинство из них, демонстрируя немалый уровень правовой интеграции и обладая некоторыми признаками наднациональности, по сути, носят координационный характер и не оказывают существенного влияния на правовые системы стран-участниц посредством принимаемых международно-правовых актов. Другие, напротив, обладая свойствами наднациональности, на практике сталкиваются с серьезными противоречиями в вопросах взаимодействия с национальными правовыми системами и не всегда готовы к урегулированию возникших правовых конфликтов и кризисов.

Примером первых может послужить интеграционное объединение МЕРКОСУР, в структуре которого созданы институты с определенными признаками наднациональности (Постоянный ревизионный суд, Надзорный трибунал, Парламент), призванные сохранить и углубить интеграцию. Вместе с тем исследователями отмечается, что, несмотря на объявленные намерения и потенциал, органы МЕРКОСУР в действительности так и не стали наднациональными [7, с. 139.]. Ко второй категории можно отнести Андское сообщество (АС) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), которые являются релевантными примерами наличия некоторых наднациональных черт и поступательного развития правовой интеграции.

Примечательно, что в ходе создания всех объединений за основу был взят европейский опыт построения интеграции. В то же время, несмотря на наличие наднациональных полномочий, в частности, у Суда АС и Комиссии ЕАЭС, достигнуть создания правопорядка в том виде, в каком он представлен в ЕС, до настоящего времени не удалось. Дело в том, что процесс принятия решений интегративными органами АС и ЕАЭС находится под строгим контролем национальных правительств государств-членов, которые могут наложить право вето на любое

не соответствующее национальным интересам решение наднациональных органов. Вместе с тем действующие модели интеграции в рамках Андского сообщества и Евразийского союза продолжают успешно функционировать, сформировав собственную правовую модель интеграции, являющуюся приемлемой для государств-участников на современном этапе.

Международный опыт становления и развития различных интеграционных объединений нередко отражает самобытную специфику в каждом отдельном случае. В ходе интеграционного строительства, как правило, возникают задачи по поиску и достижению баланса между моделями межправительственного и наднационального типа управления интеграционными процессами.

В этом контексте А. Ачария ставит под сомнение применимость европейского опыта для создания и функционирования интеграционных форматов в других регионах, в частности в Азии. По мнению ученого, азиатский регионализм в рамках АСЕАН развивался по своему собственному сценарию в силу местных особенностей [8, с. 95]. В основу АСЕАН были заложены, прежде всего, такие конституционные принципы, как суверенитет и невмешательство во внутренние дела государств. Однако это не помешало странам-участницам объединения долгие годы успешно интегрироваться сразу в нескольких направлениях, без создания специальных наднациональных структур [9, с. 99].

В то же время в относительно недавно принятом уставе организации зафиксировано принципиально важное положение об обязательности принимаемых союзных норм и правил для всех государств-членов. Более того, на Координационный совет министров иностранных дел возложена обязанность по мониторингу исполнения принятых решений в рамках АСЕАН. Следовательно, тенденции по созданию наднациональных органов в целях придания импульса интеграции существуют и отражают практическую потребность для их внедрения на данном этапе развития.

Таким образом, формирование прочного институционально-правового каркаса в интеграционных объединениях предполагает создание обеспечительных мер в отношении принятых общих обязательств. Это связано с тем, что на практике возникают противоречивые ситуации, когда управлеческие решения носят лишь рекомендательный характер, а

правовые акты интегративных органов остаются не реализованными на национальном уровне в силу отсутствия единого подхода по вопросам имплементации, как это выглядит в МЕРКОСУР и АСЕАН [10, с. 233].

Однако вопрос распространения европейской модели интеграции с ее доминирующей конструкцией наднационального права на другие региональные форматы остается открытым. С точки зрения конституционного права европейский опыт построения интегративного правопорядка показателен тем, что после заключения учредительных договоров соответствующие изменения претерпели, прежде всего, национальные конституции государств-членов, в том числе государств, присоединившихся к Союзу позднее.

Конституционно-правовое регулирование в рамках европейской интеграции в большей степени связано с общей динамикой интеграционных процессов между европейскими государствами. Это отразилось на постоянном совершенствовании конституционно-правовых механизмов соотношения международного и внутригосударственного права в ходе длительного диалога, а зачастую и споров между органами ЕС и национальными органами конституционного контроля [11, с. 185].

Правовая модель функционирования ЕС на современном этапе основывается на универсальной формуле согласования наднационального права ЕС и конституционного права государств-участников, которая, прежде всего, предусматривает учет конституционных идентичностей и внедрение института делегирования полномочий наднациональным органам, что оптимизировало принятие и применение общих решений для развития интеграционных связей [12, с. 47].

В этом контексте стоит отметить, что развитие конституционализма в различных регионах происходило под влиянием местных политico-правовых особенностей и исторически сложившихся условий. Следовательно, фундаментом интеграционных процессов будут служить конституционно-правовые ценности, отличающиеся от тех, что были взяты за основу при построении ЕС.

Конституционное право постсоветских стран также оказалось и продолжает оказывать определяющее влияние на становление и развитие интеграционных процессов. В частно-

сти, в учредительном договоре ОТГ, отражены фундаментальные конституционные ценности, прямо транслируемые из национальных конституций стран-участниц¹. Так, в преамбуле документа перечислены принципы суверенного равенства, территориальной целостности, неприменимости международно признанных границ, а также поддержания международного мира, безопасности и развития добрососедских и дружественных отношений и сотрудничества между государствами. Эти конституционные ценности и принципы одновременно выступают и критериями соответствия для присоединения государств к объединению и в то же время мерилами их конституционно-правовой ответственности.

Важно отметить, что договор о создании Организации Тюркских Государств хоть и оговаривает наличие у его органов собственной компетенции и правоспособности при реализации целей и задач интеграции на территории государств-участников, между тем не содержит четкой правовой регламентации и конкретных механизмов реализации такой деятельности, оставляя подобные вопросы на усмотрение национальных правоприменительных органов, которые, впрочем, до сих пор не сталкивались всерьез с проблемой соотношения норм национального права и норм права ОТГ.

И что особенно важно, в договоре не предусматривается возможность создания институтами объединения нормативно-правовых актов прямого действия и, следовательно, не говорится ни о каких обязательствах по выполнению каких-либо общих решений. Учредительный документ в том числе не содержит положений о формировании единого экономического, правового или валютного пространства, что является важным атрибутом интеграционных объединений наднационального типа.

В связи с этим, несмотря на наличие определенных правовых предпосылок, заложенных учредительным актом ОТГ для создания наднациональных элементов, отнесение объединения к разряду интеграционных в том понимании, которое сложилось в правовой доктрине на сегодняшний день, не представляется возможным.

¹ Нахичеванское соглашение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств (подписано г. Нахичевань 03.10.2009) // Организация Тюркских Государств : [сайт]. URL: <https://www.turkicstates.org> (дата обращения: 10.06.2025).

В то же время изучение конституционно-правовой природы ОТГ было бы неполным без выявления ее международной правосубъектности. В правовой науке по сей день не сформировалось универсального определения международной правосубъектности, применимого ко всем категориям межгосударственных организаций.

Важным критерием определения уровня правосубъектности международной организации, по мнению Дж. Клабберса, служит наличие хотя бы одного интегративного органа с автономной волей. Данный признак, безусловно, является ключевым при изучении интеграционных объединений, в том числе для классификации международных организаций на те, в которых присутствуют так называемые институты с собственной волей (ЕС), и те, где такого рода институционально-правовой особенности нет (СНГ, БРИКС, АСЕАН) [13, р. 12–13].

Исследование конституционно-правовой природы ОТГ было бы не полным без рассмотрения ее международной правосубъектности. И прежде всего стоит обратить внимание на то, что в самом учредительном договоре содержатся положения, указывающие на наличие у организации правосубъектности, а именно существование постоянно действующего исполнительного органа, иных межправительственных органов, общего бюджета, штаб-квартиры, способности самостоятельно представлять интересы организации на международном уровне, в том числе посредством заключения договоров с третьими сторонами и участия в суде в качестве истца и ответчика, а также пользования привилегиями и иммунитетами на территориях государств-участников.

Наряду с этим важно подчеркнуть, что большинство стран-участниц ОТГ чувствительно воспринимают вопросы, касающиеся суверенитета и независимости, что отражается на отсутствии у объединения органов с автономной волей и принципа единогласного принятия решений. Такая осмотрительность в вопросах интеграции, в особенности ее конституционно-правовых аспектов, продолжает оставаться приоритетным направлением интеграционной политики практически во всех государствах-участниках.

Дело в том, что конституционно-правовое регулирование участия в международных организациях интеграционного типа в странах-участницах ОТГ охарактеризовано, прежде

всего, отсутствием конституционных норм, регламентирующих вопросы передачи суверенных полномочий и юридической силы принимаемых органами интеграционных объединений правовых актов, влияющих на их национальные правовые системы.

Стоит отметить, что именно конституция задает пределы делегирования компетенций наднациональным органам, определяет соотношение национального и международного права, закрепляет принципы и специальные правовые механизмы, которые выступают своего рода фильтрами имплементации международных (наднациональных) норм.

В этом контексте примечательно, что в национальных конституциях всех исследуемых стран (Азербайджан (п. 1 ст. 147), Казахстан (п. 2 ст. 4), Киргызстан (п. 1 ст. 6), Туркменистан (ст. 8), Турция (ст. 11), Узбекистан (ст. 15)) закреплено верховенство, прямое действие и высшая юридическая сила конституции. Это применимо и по отношению к международным принципам и нормам (международным договорам), что находит свое отражение в решениях конституционных судов и правоприменительной практике. Кроме того, в каждой стране-участнице ОТГ функционируют органы конституционного контроля, в полномочия которых входит в том числе проверка конституционности не вступивших в силу международных договоров и обязательств государства, что является дополнительным конституционным механизмом, направленным на обеспечение национальных интересов и идентичности в процессе интеграции.

Такое положение дел может говорить о том, что на постсоветском пространстве, и в частности в странах, участвующих в интеграции в рамках ОТГ, продолжается поиск правовой модели сочетания международных обязательств с доктриной конституционной идентичности, что отчасти решается национальными органами конституционного контроля, но требует полноценной регламентации таких ключевых вопросов, как условия участия и критерии допустимого делегирования полномочий межгосударственным структурам, а также прямое действие и верховенство норм международного права в национальной правовой системе.

Анализ национальных конституций и решений органов конституционного контроля государств-участников ОТГ показывает, что любая интеграция обусловлена стремлением стран-участниц к углублению взаимодействия.

ствия и одновременно с этим сохранением значительного уровня контроля над интеграционными процессами. Это обстоятельство обуславливает «гибкую модель» интеграции и «переходный» характер ОТГ, анализ конституционно-правовой природы которой говорит о сложной правовой конструкции и неоднозначной классификации.

Результаты

Таким образом, определяя конституционно-правовой статус Организации Тюркских Государств через призму характеристик конституционно-правовой природы современных интеграционных объединений и уровня конституционно-правового регулирования в государствах-участниках, можно заключить, что ОТГ предполагаемо расположится, с одной стороны, между такими объединениями, как ЕС, ЕАЭС, АС, а с другой стороны – между организациями такого формата, как СНГ, БРИКС, ОИС и т.д. Подобное суждение вытекает из конституционно-правовой конструкции первых, имеющих более глубокую степень интеграции и высокий уровень международной правосубъектности и конституционализации интеграционных процессов, и последних, не обладающих подобными институциональными качествами.

Более близким в этом отношении к ОТГ по своей конституционно-правовой природе на данном этапе видится АСЕАН. Несмотря на интенсивность совместной работы государств-участников в направлении формирования правовой базы и реализации крупных экономических и гуманитарных проектов, в обоих объединениях не хватает самостоятельности институтов, в том числе в деятельности по созданию общих обязательных для всех государств-членов правовых норм.

Вместе с тем определенные предпосылки и потребность для возникновения соответствующих конституционно-правовых механизмов, с учетом потенциала и темпов развития, на сегодняшний день существуют. Представляется, что для более эффективного функционирования Организации Тюркских Государств в долгосрочной перспективе необходимо увеличение автономности ее институтов путем наделения их полномочиями по принятию общеобязательных решений в конкретных сферах со стороны государств-членов, что на современном этапе

весьма затруднительно и ограничено конституциональными особенностями и политико-правовыми факторами на национальном уровне.

При этом действующая формула взаимодействия также может оставаться оптимальной для стран-участниц в долгосрочной перспективе, позволяя совмещать интеграцию в рамках ОТГ с другими интеграционными проектами в регионе, что является также и преимуществом формата «гибкой интеграции». Для перехода на более качественный уровень отношений в рамках ОТГ ее государствам-членам необходимо углублять взаимосвязи, в первую очередь, посредством унификации правового регулирования отдельных сфер сотрудничества и совершенствования конституционно-правовых механизмов, регламентирующих формы участия в интеграции.

Список литературы

1. Ластовская О. А. Проблема определения понятия международной межправительственной организации как субъекта международного частного права // Проблемы гражданского права : сб. ст. / гл. ред. И. Э. Мартыненко. Гродно : Гродненский гос. ун-т им. Я. Купалы, 2016. С. 182–189. EDN: UWIRFU
2. Мукиенко И. Н. Правовые системы межгосударственных объединений // Международное публичное и частное право. 2008. № 2. С. 5–8. EDN: JTJMHN
3. Михалева Т. Н. Правовые основания создания и функционирования межгосударственных интеграционных объединений // Право и государство. 2018. № 3–4 (80–81). С. 90–101. EDN: ZAKRJB
4. Чайка К. Л. Влияние интеграции на роль и функции международных организаций // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17, № 2. С. 99–127. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2022-17-2-chayka>
5. Нешатаева Т. Н. К вопросу о создании Евразийского союза: интеграция и наднационализм // Международное правосудие. 2014. № 2 (10). С. 57–70. EDN: SGVSPB
6. Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс (академический курс) : учебник. М. : Волтерс Кluver, 2004. 478 с.
7. Malamud A. Presidential diplomacy and the institutional underpinnings of Mercosur: An empirical examination // Latin American Research Review. 2005. Vol. 40, № 1. P. 138–164.
8. Acharya A., Biato M. F., Diallo B., González F. E., Hoshino T., O'Brien T., Olivier G., Yi W. An Asian perspective regional security arrangement in a multipolar world: The EU's contribution // Global views on the European Union / ed. M. Ortega. European Union Institute for Security Studies (EUISS), 2004. P. 93–102.
9. Байков А. А. Сравнительная интеграция: практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М. : Аспект Пресс. 2012. 256 с.

10. Каширкина А. А., Морозов А. Н. Развитие евразийской интеграции в контексте процессов глобализации и регионализации // Международное право и международные организации. 2015. № 2. С. 231–245. <https://doi.org/10.7256/2226-6305.2015.2.14762>, EDN: TUEALF
11. Клёмин А. В. О соотношении национального и европейского права // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 2 (14). 184–194. EDN: MBEBMT
12. Бланкенагель А. «Призрак бродит по решениям европейских конституционных судов»: что делать с конституционной идентичностью? // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. Т. 27, № 5 (126). С. 42–64. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2018-5-42-64>
13. Klabbers J. An Introduction to International Institutional Law. Cambridge University Press, 2003. 438 p.
5. Neshataeva T. N. Towards the creation of the Eurasian Union: Integration and supranationalism. *International Justice*, 2014, no. 2 (10), pp 57–70 (in Russian). EDN: SGVSPB
6. Vel'yaminov G. M. *Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo i process (akademicheskiy kurs)* [International economic law and procedure (academic course)]. Moscow, Volters Kluver, 2004. 478 p. (in Russian).
7. Malamud A. Presidential diplomacy and the institutional underpinnings of Mercosur: An empirical examination. *Latin American Research Review*, 2005, vol. 40, no. 1, pp. 138–164.
8. Acharya A., Biato M. F., Diallo B., González F. E., Hoshino T., O'Brien T., Olivier G., Yi W. An Asian perspective regional security arrangement in a multipolar world: The EU's contribution. In: Ortega M. (ed.) *Global views on the European Union*. European Union Institute for Security Studies, 2004, pp. 93–102.
9. Bajkov A. A. *Comparative integration. Experience and Patterns of Integration in the United Europe and Asia Pacific*. Moscow, Aspekt Press, 2012. 256 p. (in Russian).
10. Kashirkina A. A., Morozov A. N. Development of Eurasian integration in the context of globalization and regionalization processes. *International Law and International Organizations*, 2015, no. 2, pp. 231–245 (in Russian). <https://doi.org/10.7256/2226-6305.2015.2.14762>, EDN: TUEALF
11. Klyomin A. V. On correlation between national and European law. *Actual Problems of Economics and Law*, 2010, no. 2 (14), pp. 184–194 (in Russian). EDN: MBEBMT
12. Blankenagel A. “The ghost haunting decisions of European constitutional courts”: What to do with constitutional identity? *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2018, vol. 27, no. 5 (126), pp. 42–64 (in Russian). <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2018-5-42-64>
13. Klabbers J. *An Introduction to International Institutional Law*. Cambridge University Press, 2003. 438 p.

References

1. Lastovskaya O. A. The problem of defining the concept of an international intergovernmental organization as a subject of private international law. In: *Problemy grazhdanskogo prava* [Martynenko I. E. (ed.) Problems of Civil Law]. Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno Publ., 2016, pp. 182–189 (in Russian). EDN: UWIRFU
2. Mukienko I. N. Legal systems of interstate associations. *Public International and Private International Law*, 2008, no. 2, pp. 5–8 (in Russian). EDN: JTJMZH
3. Mikhaleva T. N. Legal foundations of creation and functioning of transnational integration communities. *Law and State*, 2018, no. 3–4 (80–81), pp. 90–101 (in Russian). EDN: ZAKPJB
4. Chayka K. L. The effect of integration on the role and functions of international organizations. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 99–127 (in Russian). <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2022-17-2-chayka>
1. Lastovskaya O. A. The problem of defining the concept of an international intergovernmental organization as a subject of private international law. In: *Problemy grazhdanskogo prava* [Martynenko I. E. (ed.) Problems of Civil Law]. Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno Publ., 2016, pp. 182–189 (in Russian). EDN: UWIRFU
2. Mukienko I. N. Legal systems of interstate associations. *Public International and Private International Law*, 2008, no. 2, pp. 5–8 (in Russian). EDN: JTJMZH
3. Mikhaleva T. N. Legal foundations of creation and functioning of transnational integration communities. *Law and State*, 2018, no. 3–4 (80–81), pp. 90–101 (in Russian). EDN: ZAKPJB
4. Chayka K. L. The effect of integration on the role and functions of international organizations. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 99–127 (in Russian). <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2022-17-2-chayka>
5. Neshataeva T. N. Towards the creation of the Eurasian Union: Integration and supranationalism. *International Justice*, 2014, no. 2 (10), pp 57–70 (in Russian). EDN: SGVSPB
6. Vel'yaminov G. M. *Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo i process (akademicheskiy kurs)* [International economic law and procedure (academic course)]. Moscow, Volters Kluver, 2004. 478 p. (in Russian).
7. Malamud A. Presidential diplomacy and the institutional underpinnings of Mercosur: An empirical examination. *Latin American Research Review*, 2005, vol. 40, no. 1, pp. 138–164.
8. Acharya A., Biato M. F., Diallo B., González F. E., Hoshino T., O'Brien T., Olivier G., Yi W. An Asian perspective regional security arrangement in a multipolar world: The EU's contribution. In: Ortega M. (ed.) *Global views on the European Union*. European Union Institute for Security Studies, 2004, pp. 93–102.
9. Bajkov A. A. *Comparative integration. Experience and Patterns of Integration in the United Europe and Asia Pacific*. Moscow, Aspekt Press, 2012. 256 p. (in Russian).
10. Kashirkina A. A., Morozov A. N. Development of Eurasian integration in the context of globalization and regionalization processes. *International Law and International Organizations*, 2015, no. 2, pp. 231–245 (in Russian). <https://doi.org/10.7256/2226-6305.2015.2.14762>, EDN: TUEALF
11. Klyomin A. V. On correlation between national and European law. *Actual Problems of Economics and Law*, 2010, no. 2 (14), pp. 184–194 (in Russian). EDN: MBEBMT
12. Blankenagel A. “The ghost haunting decisions of European constitutional courts”: What to do with constitutional identity? *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2018, vol. 27, no. 5 (126), pp. 42–64 (in Russian). <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2018-5-42-64>
13. Klabbers J. *An Introduction to International Institutional Law*. Cambridge University Press, 2003. 438 p.

Поступила в редакцию 18.06.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 15.09.2025
The article was submitted 18.06.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 15.09.2025

ISSN 1994-2540

25004

9 771994 254007

Серия: Экономика. Управление. Право. Том 25, выпуск 4

ISSN 1994-2540 (Print). ISSN 2542-1956 (Online)

Известия Саратовского университета. Новая серия.

Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Том 25, выпуск 4

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

- Серия: Акмеология образования. Психология развития
Серия: История. Международные отношения
Серия: Математика. Механика. Информатика
Серия: Науки о Земле
Серия: Социология. Политология
Серия: Физика
Серия: Филология. Журналистика
Серия: Философия. Психология. Педагогика
Серия: Химия. Биология. Экология
Серия: Экономика. Управление. Право

